

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

- Абдурахимов Р.Ш.* Делегирование отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления4
- Агафонов А.В.* Ретроспективный анализ развития законодательства России, предусматривающего криминализацию приведения почвенного покрова в негодность9
- Ковалева В.В.* Судебная практика в контексте современного правового регулирования15
- Матвеева Е.Ю.* Договор присоединения: оценка советским правом в 20-х – 30-х годах XX столетия21
- Скударнов Д.А.* Формирование современного правосознания как инструмент реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации26

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Андрианова Н.Г.* Правовое регулирование деофшоризации в Российской Федерации31
- Васькина А.А., Монахов Г.Д., Кузьменко Е.С.* Нормативное регулирование реализации принципа прозрачности бюджета35
- Габолоев Г.В.* Обеспечительные меры защиты вещных прав и законного владения в рамках судебных споров40
- Гордеев К.В., Онищук М.Я., Морозова А.А.* К вопросу о сущности и проблемах реализации института индексации присужденных денежных сумм43
- Костенко Е.А.* Права и обязанности субъектов, осуществляющих государственный надзор и муниципальный контроль целевого использования земельных участков47
- Косынкин А.А.* Особенности продажи имущества сельскохозяйственной организации-банкрота52
- Ларионов И.П.* К вопросу о средней степени смешения товарных знаков56
- Покровская Н.В.* Проблемы применения правил субсидирования ВТО при поддержке сельскохозяйственного сектора экономики России59
- Полов А.Ю.* Основные направления повышения эффективности регулирования обращения медицинских изделий в рамках ЕАЭС63
- Еликбаев К.Н., Романова М.Е.* Выполнение государствами – членами Евразийского экономического союза обязательств по устранению барьеров на внутреннем рынке: совершенствование правового регулирования68

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.01.2022
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Иванов А.М., Купченко К.В., Лазаренко О.Н., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В. Земельный надзор как средство обеспечения рационального использования и охраны земель в Российской Федерации74

Гаврилов В.Н., Филина А.Е., Ушаков Р.М. Спорные вопросы совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях.....78

Чижик А.П., Саяпина Т.С. Тенденции развития правового регулирования искусственного интеллекта82

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Асанов В.В. Правовая природа принципов уголовного процесса85

Гомонов Н.Д., Труш В.М., Тимохов В.П. Ранние предикторы насильственной преступности93

Даровских О.И. Условия, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности.....98

Ильин И.С. Криминологические последствия протестных движений и демонстративно-протестной преступности.....102

Коростиев А.А., Коротких Н.Н. Неоднократность как неявное проявление административной преюдиции в ст. 180 УК РФ.....106

Лаврова О.Н., Селедников Н.В. Совершенствование подходов к проведению следователем проверки сообщения о налоговом преступлении111

Лалин В.О. Практика расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с отчуждением активов кредитной организации115

Фазлиев А.А. Совершенствование определения потерпевшего в конструкции квалифицирующих составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ.....122

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Киченина В.С. Механизмы разрешения споров в международном космическом праве: сочетание публичного и частного.....127

Монахов Г.Д., Чернышов Н.В., Гордеев К.В. Применение доктрины «Rules-based international order» в правовом регулировании международных отношений России.....132

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Abdurakhimov R. Sh.</i> Delegation of certain state powers to local self-government bodies.....	4
<i>Agafonov A.V.</i> A retrospective analysis of the development of Russian legislation providing for the criminalization of bringing soil cover into disrepair	9
<i>Kovaleva V.V.</i> Court practice in the background of contemporary legal regulation	15
<i>Matveeva E. Yu.</i> The Treaty of Accession: Assessment by Soviet Law in the 1920s – 1930s.....	21
<i>Skudarnov D.A.</i> Formation of modern legal consciousness as a tool for implementing the national security strategy of the Russian Federation	26

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Andrianova N.G.</i> Regulation of deoffshorization in the Russian Federation	31
<i>Vaskina A.A., Monakhov H.D., Kuzmenko E.S.</i> Regulatory regulation of the implementation of the principle of budget transparency	35
<i>Gabolaev G.V.</i> Interim measures of protection of property rights and legal possession in the framework of judicial disputes	40
<i>Gordeev K.V., Onishchuk M. Ya., Morozova A.A.</i> To the question of the essence and problems of the implementation of the institute of indexing of the awarded sums of money	43
<i>Kostenko E.A.</i> Rights and obligations of subjects exercising state supervision and municipal control of purpose use of land plots	47
<i>Kosynkin A.A.</i> Peculiarities of the sale of property of a bankrupt agricultural organization	52
<i>Larionov I.P.</i> On the question of the average extent of trademarks mixing	56
<i>Pokrovskaya N.V.</i> Problems of applying WTO subsidy rules with the support of the Russian agricultural sector	59
<i>Popov A. Yu.</i> The main directions of improving the efficiency of regulating the circulation of medical devices within the EAEU	63

<i>Yelikbayev K.N., Romanova M.E.</i> Fulfillment by the member states of the Eurasian Economic Union of obligations to remove barriers in the domestic market: improving legal regulation.....	68
<i>Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Lazarenko O.N., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.</i> Land supervision as a means of ensuring the rational use and protection of land in the Russian Federation	74
<i>Gavrilov V.N., Filina A.E., Ushakov R.M.</i> Controversial issues joint will in inheritance relations	78
<i>Chizhik A.P., Sayapina T.S.</i> Trends in the development of legal regulation of artificial intelligence.....	82

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Asanov V.V.</i> Legal nature of the principles of criminal procedure	85
<i>Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.</i> Early predictors of violent crime	93
<i>Darovskikh O.I.</i> Conditions ensuring the effectiveness of criminal procedural activity.....	98
<i>Ilyin I.S.</i> Criminological Consequences of Protest Movements and Demonstrative Protest Crime	102
<i>Korostiev A.A., Korotkikh N.N.</i> Repeatedness as an implicit manifestation of administrative prejudice in Art. 180 of the Criminal Code of the Russian Federation	106
<i>Lavrova O.N., Selednikov N.V.</i> Improving approaches to the conduct of an investigation by an investigator of a report of a tax crime	111
<i>Lapin V.O.</i> Practice of investigation of criminal cases on crimes related to the alienation of assets of a credit organization	115
<i>Fazliev A.A.</i> Improving the definition of the victim in the construction of qualifying elements of crimes provided for by Articles 230.1–230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation	122

OVERSEAS EXPERIENCE

<i>Kichenina V.S.</i> Dispute resolution mechanisms in international space law: a combination of public and private.....	127
<i>Monakhov H.D., Chernyshov N.V., Gordeev K.V.</i> Application of the “Rules-based international order” doctrine in the legal regulation of Russia’s international relations	132

Делегирование отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления

Абдурахимов Рустамбек Шакирбекович,

магистрант, кафедра государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: r.abdurahimov@mail.ru

В данной статье рассматривается делегирование органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий. В настоящее время институт передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления сопровождается большим количеством проблем, которые часто препятствуют выполнению муниципальными органами возложенных на них государством полномочий. Органы местного самоуправления несут ответственность за осуществление делегированных им полномочий, но при этом бывают ситуации, когда срыв выполнения полномочий государственных органов происходит не по вине органов местного самоуправления. Отсутствие эффективного взаимодействия органов разных уровней власти в рамках наделения государственными полномочиями, передача очень большого объема полномочий, проблемы с финансированием, будь то задержка финансирования или недостаточное финансирование, обход самого института передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления подменой его «вопросами местного значения» в итоге приводит к тому, что все мы сталкиваемся с невозможностью получения государственных услуг как со стороны государства, так и со стороны органов местного самоуправления. Необходимо выявлять источники проблем в сфере передачи муниципальным органам отдельных государственных полномочий и решать проблемы до наступления негативных последствий, которые в итоге могут отразиться на интересах населения того муниципального образования, органам которого делегированы полномочия.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, органы государственной власти, делегирование полномочий, отдельные государственные полномочия.

Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями представляет собой один из правовых механизмов взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления. Можно назвать эту форму взаимодействия самой приоритетной, так как именно муниципальная власть наиболее близка к населению. И именно органы местного самоуправления являются исполнителем, через которого представляется возможным приблизить власть государственную к определенной части населения с помощью наделения полномочиями.

Институт передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления в том виде, в каком он существует в настоящее время, берет свое начало с 1993 года, когда начал действовать Указ Президента РФ «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с данным Указом предусмотрена возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями [1, п. 5 Приложения]. Проводимая в 1993 году реформа стала основой для построения схемы взаимодействия органов государственной власти с новой тогда формой власти – муниципальной. И эта норма действует по сей день. Актуальность делегирования отдельных государственных полномочий сохраняется и сегодня, тем более в свете того, что теперь местные и государственные органы входят в единую систему публичной власти.

Делегирование органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий регулируется Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ). Согласно Конституции РФ органы местного самоуправления федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации наделяются отдельными государственными полномочиями. В то же время важным условием является передача необходимых для осуществления соответствующих полномочий материальных и финансовых средств. Наряду с этим реализация переданных полномочий подконтрольна государству [2, ч. 2 ст. 132]. 131-ФЗ установле-

ны порядок наделения и осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, а также меры государственного контроля при выполнении таких полномочий.

Органам местного самоуправления передаются в целях осуществления полномочия, которые не относятся к вопросам местного значения и устанавливаются законодательством [3, ч. 1 ст. 19]. Такие полномочия являются отдельными государственными. Стоит принять во внимание, что эти полномочия относятся к органам местного самоуправления, но не относятся, однако, к вопросам местного значения. Ввиду этого интересно разъяснение Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. В публикации Государственной Думы РФ озвучен вопрос: «Обязаны ли органы местного самоуправления исполнять полномочия, установленные федеральными законами, по вопросам, не отнесенным Федеральным законом № 131-ФЗ к вопросам местного значения, которыми органы местного самоуправления не наделены как отдельными государственными полномочиями?». Комитет разъяснил, что органы местного самоуправления обязаны осуществлять любые дополнительные полномочия, даже не переданные в установленном порядке, так как они рассматриваются как делегированные государственные полномочия. Местные органы могут рассчитывать на возмещение понесенных в связи с исполнением полномочий расходов, которые не обеспечены субвенциями, вне суда или в судебном порядке. Также местные органы могут оспорить в суде федеральные законы, которые закрепляют за ними государственные полномочия, не переданные в установленном порядке [4, с. 122–125]. И, хотя разъяснения не являются нормативным актом, все же стоит руководствоваться ими, так как именно законодательный орган разъясняет, как применять нормы права, не урегулированные законом.

Интересный вопрос ставит перед собой В.В. Штукин: «Остаются ли государственные полномочия, при наделении ими органов местного самоуправления, государственными?». Он сам ответил на вопрос и решил, что в действующем законодательстве преобладает подход, согласно которому природа полномочий не связана напрямую с осуществляющим их органом, однако напрямую соотносится к кругу вопросов, осуществляемых данным органом [5]. Таким образом, любые полномочия, которые не отнесены к вопросам местного значения, но которые осуществляются органами местного самоуправления в рамках наделения их такими полномочиями законами субъекта Российской Федерации, являются отдельными государственными полномочиями, остающиеся все-таки в ведении передавшего им органа.

А.З. Кучиев тоже обобщил способы наделения муниципальных органов государственными полномочиями. Так, по его мнению, полномочия можно передавать, а можно делегировать. В случае передачи переданные полномочия исключаются

из компетенции органа государственной власти, а органы местного самоуправления включаются в компетенцию по переданным полномочиям. А вот делегирование отдельных государственных полномочий происходит при разовой реализации государственным органом принадлежащего ему права решения какого-либо вопроса органу местного самоуправления [6]. Эта точка зрения, конечно, интересна, однако все-таки представляется возможным использовать оба эти термина в одном значении. С.А. Авакьян считает, что делегирование полномочий (или делегация полномочий) – это поручение (передача) одним органом другому органу рассмотрения и разрешения вопросов своей компетенции (на постоянно, на определенное время, на один раз) [7, с. 257]. Таким образом, что делегирование, что передача государственных полномочий, по сути, имеют общий смысл, а именно наделение местных органов полномочиями.

Важнейшим фактором при наделении муниципальных органов отдельными государственными полномочиями является принятие закона субъектом Российской Федерации, независимо от того, передаются ли полномочия субъекта РФ или полномочия, находящиеся во введении Российской Федерации [3, ч. 2 ст. 19]. Единственное, в случае передачи отдельных государственных полномочий России, помимо издания регионального правового акта необходимо принятие и федерального закона. Лишь такие правовые акты являются основанием для наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями. Таким образом, делегирование полномочий происходит через закон субъекта России, который является нормативным правовым актом и является обязательным для исполнения органами местного самоуправления, в отношении которых такой акт принимается. Проблемой при этом является ситуация, когда неконструктивно выстроенный механизм взаимодействия органов регионального и муниципального уровней власти может привести к слишком большому объему государственных полномочий, делегированных органам местного самоуправления. Такая ситуация ведет к тому, что муниципальные органы перестают справляться не только с осуществлением переданных им государственных полномочий, но и непосредственно с выполнением задач, связанных с решением местных вопросов.

Также при наделении местных органов отдельными государственными полномочиями важно обеспечение финансовыми и материальными средствами, необходимыми для реализации возложенных на органы полномочий. Финансовое обеспечение происходит за счет федерального либо регионального бюджетов, в зависимости от того, орган какого уровня государственной власти делегировал полномочия, средства предоставляются в местный бюджет в виде субвенций [3, ст. 63]. Но, не смотря на закрепление в законе нормы о финансировании делегированных полномочий, муниципальные органы периодически

сталкиваются с недостаточным или несвоевременным финансированием.

Проблему с финансовым обеспечением деятельности по выполнению отдельных государственных полномочий исследуют давно. Органы муниципальной власти периодически сталкиваются с ситуацией, когда им приходится использовать для выполнения государственных полномочий свои финансовые и материальные ресурсы. И это при том, что не всеми местными органами внесено в их уставы условие о том, что при выполнении переданных им полномочий государства они дополнительно задействуют собственные материальные ресурсы и финансовые средства, как это разрешено 131-ФЗ [3, ч. 3 ст. 19]. Казалось бы, раз государственный орган, который наделил орган местного самоуправления каким-либо определенным полномочием, не обеспечивает финансово реализацию полномочия, то исполнитель в лице муниципального органа вправе отказаться от выполнения возложенных на него задач в связи с недостаточностью для этого денежных и материальных средств. Однако законодатель с этим не согласен. Государственная Дума на вопрос, вправе ли органы местного самоуправления не исполнять или отказаться от исполнения государственных полномочий в случае нехватки переданных для осуществления финансовых средств в виде субвенций, разъяснила, что не вправе, так как несмотря на ответственность за осуществление отдельных государственных полномочий только в пределах выделенных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств, такая норма не может быть основанием для неисполнения или отказа от исполнения наделившего отдельными государственными полномочиями закона [4, с. 128–129].

Конечно, местным органам дано право в установленном законом порядке добиться пересмотра объема субвенций или своевременной их передачи. При этом муниципальный орган прежде обязан обратиться в соответствующий финансовый орган, а в случае невозможности решить возникшую проблему в досудебном порядке, обратиться с заявлением в суд. Но решение недостаточного финансирования или задержки в передаче средств – дело не одного дня, и все время, пока через государственные органы разрешается проблема финансирования, местные органы обязаны осуществлять государственные полномочия в ущерб полномочиям по решению местных вопросов.

Также многие ученые исследуют вопрос обхода передачи государственных полномочий, выведения самого процесса делегирования из установленных законодательством норм. Так, Н.В. Моторова утверждает, что все чаще и чаще законодатель не передает отдельные государственные полномочия муниципальным органам, а увеличивает собственные полномочия органов местного самоуправления. Это связано с тем, что в 131-ФЗ полномочия определены как «участие...» либо «содействие...». В свою очередь это ведет к осложне-

ниям формирования бюджета. Н.В. Моторова придерживается мнения, что до бесконечности растягивать местные бюджеты невозможно, а там, где границы осуществления полномочия не обозначены, принцип соразмерности финансовых ресурсов соблюдаться не может по определению [8]. И это верно. Под навязываемыми местному самоуправлению полномочиями по решению «местных вопросов» на самом деле могут быть и вопросы, находящиеся в ведении субъектов РФ. И тогда муниципальным органам приходится за счет своего бюджета выполнять функции, напрямую не относящиеся к вопросам муниципального образования. В этом случае возникает недостаточное финансирование в решении задач, которые в соответствии с законодательством относятся к местным вопросам, так как бюджет образования приходится распределять между новыми полномочиями, что затрагивает полномочия, непосредственно относящиеся к муниципальному органу.

Таким образом, за время своего существования институт передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления показал себя как с положительной, так и с негативной стороны. Правильно настроенная система взаимодействия органов разных уровней власти, проработанность деталей и согласованность процедур делегирования государственных полномочий без сомнения ведут к достижению положительных результатов от осуществления органами местного самоуправления делегированных им полномочий. Однако не всегда удается настроить взаимоотношения органов власти таким образом, чтобы запланированный от взаимодействия в рамках наделения отдельными государственными полномочиями эффект был максимальным.

Одним из возможных решений проблемы делегирования государственными органами своих отдельных полномочий муниципальным органам может быть изменение самой формы взаимодействия соответствующих органов при наделении полномочиями. Как вариант можно на законодательном уровне разработать четкий регламент проведения процедур передачи полномочий. В настоящее время механизм передачи полномочий носит императивный характер, делегирование осуществляется через нормативные акты субъекта РФ, и наряду с этим местные органы обязаны исполнять поручаемые им государственные полномочия. Но в 131-ФЗ не прописана роль органов местного самоуправления в рамках наделения их такими полномочиями. То есть, уровень задействованности их в процессе оформления делегирования полномочий никаким образом не определен. По сути, наделение может проходить без учета мнения муниципального органа, которому собираются вменить выполнение полномочий. Это как раз-таки является причиной и наделения слишком большим уровнем полномочий, и недостаточного финансового и материального обеспечения. Поэтому необходимо законодательно обязать законодательные (представительные) органы госу-

дарственной власти субъектов РФ согласовывать с представительными органами муниципальных образований, которым планируют поручить осуществление определенного полномочия, соответствующий законопроект. Это поможет избежать проблемы с возможностью выполнения таких полномочий и финансированием, а также дальнейшим обращением муниципального органа в судебные инстанции с целью решения возникших проблем.

Еще одним выходом из сложившейся ситуации может быть изменение самого механизма передачи государственных полномочий в целом, а именно вывод из системы принуждения к осуществлению полномочий нормативным правовым актом. Государственные полномочия можно делегировать органам местного самоуправления аналогично тому, как это осуществляется в соответствии с нормой из Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Там передача части полномочий от федерального органа исполнительной власти исполнительным органам государственной власти субъекта РФ и наоборот осуществляется через заключение соглашений [9, ст. 26.8]. Конечно, изменение системы передачи государственными органами местным органам своих полномочий повлечет за собой необходимость внесения поправок в многие нормативные правовые акты, в том числе и в Конституцию РФ, к тому же в такой системе будут как плюсы, так и минусы, однако при правильной организации и реализации механизма передачи полномочий такой метод будет являться действительной альтернативой тому, что мы имеем на сегодняшний день.

В рамках объединения государственных и муниципальных органов в единую систему публичной власти для обеспечения эффективного выполнения возложенных отдельных государственных полномочий в основе должны быть интересы граждан Российской Федерации, экономическая целесообразность, соблюдение финансовых гарантий местного самоуправления [10, ч. 9 ст. 17]. И действительно, именно эти принципы важны при делегировании полномочий государства органам местного самоуправления. Ведь неопределенности, вытекающие во время передачи полномочий, объем полномочий, который не по силам для выполнения муниципальным органом, игнорирование экономической рациональности и проблемы с финансированием в итоге сказываются на интересах граждан, которые так и не получают положенные им по праву ценности как со стороны государства, так и от органов местного самоуправления. Будем надеяться, что изменения в Конституцию РФ 2020 года, и ожидаемые от этого изменения в законодательстве даже если и не решат все проблемы, связанные с передачей отдельных государственных полномочий местным органам, то хотя бы минимизируют их количество.

Литература

1. Указ Президента РФ от 26 октября 1993 г. № 1760 (с изм. от 22 декабря 1993 г. № 2265) «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 1 ноября 1993 г. № 44 ст. 4188;
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета от 4 июля 2020 г. № 144;
3. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. от 30 декабря 2021 г. № 492-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06 октября 2003 г., № 40, ст. 3822;
4. Практика применения законодательства о местном самоуправлении в разъяснениях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 320 с.;
5. Штукин, В.В. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями / В.В. Штукин // Единство публичной власти в условиях современного общества: Сборник трудов Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления / Отв. редактор В.В. Балытников. – Москва: Московский государственный областной университет, 2020. – С. 33–38;
6. Кучиев, А.З. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями / А.З. Кучиев // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 10-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 10–11 июня 2021 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 243–245;
7. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян – М.: Юстицинформ, 2015;
8. Моторова, Н.В. Отдельные аспекты делегирования полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации органам местного самоуправления / Н.В. Моторова // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы: материалы научно-практической конференции, Вологда, 26 декабря 2016 года / Вологодский филиал РАНХиГС. – Вологда: Вологодский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства

- и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. – С. 207–214;
9. Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изм. от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 18 октября 1999 г., № 42, ст. 5005;
 10. Федеральный закон от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 14 декабря 2020 г., № 50 (часть III), ст. 8039.

DELEGATION OF CERTAIN STATE POWERS TO LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Abdurakhimov R. Sh.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article discusses the delegation of certain state powers to local self-government bodies. Currently, the institution of transfer of certain state powers to local self-government bodies is accompanied by a large number of problems that often impede municipal bodies to implement the powers assigned to them by the state. Local self-government bodies are responsible for the implementation of the powers delegated to them, but at the same time there are situations when the failure to implement the powers of state bodies occurs through no fault of local self-government bodies.

The absence of effective interaction between bodies of different levels of government in the field of the granting of state powers, transfer of a very large amount of powers, funding problems including funding delays or insufficient funding, bypassing the institution of transferring state powers to local self-government bodies by substituting it with «issues of local importance» leads to the fact that we all come to the impossibility of receiving public services from both the state and local self-government bodies. It is necessary to identify the sources of problems in the field of transferring state powers to municipal bodies and to solve problems before negative consequences occur.

Keywords: local self-government bodies, state bodies, delegation of powers, certain state powers.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 1993 No. 1760 (with amendments of December 22, 1993 No. 2265) “On the reform of local self-government in the Russian Federation” // *Collection of the Legislation of the President and the Government of the Russian Federation* of November 1, 1993, No. 44, item 4188;
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments of March 14, 2020 No. 1-FKZ) // *Rossiyskaya Gazeta* of July 4, 2020 No. 144;
3. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ (with amendments of December 30, 2021 No. 376-FZ) “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” // *Collection of legislation of the Russian Federation* on October 6, 2003, No. 40, item 3822;
4. The practice of applying the legislation on local self-government in the explanations of the State Duma Committee on Federal structure and issues of local self-government. – M.: State Duma Publishing, 2018. – 320 p.;
5. Shtukin, V.V. Vesting of local self-government bodies with certain state powers. / V.V. Shtukin // *The unity of public authority in a modern society: Collection of works of the Center for Research on Problems of Territorial Administration and Self-Government* / Ex. editor V.V. Balytnikov. – Moscow: Moscow Region State University, 2020. – P. 33–38;
6. Kuchiev, A.Z. Vesting of local self-government bodies with certain state powers / A.Z. Kuchiev // *Prospects for the development of the agro-industrial complex in modern conditions: Materials of the 10th International Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, 10–11th of June 2021.* – Vladikavkaz: Gorsk State Agrarian University, 2021. – P. 243–245;
7. Avakyan S.A. Constitutional lexicon: State and legal terminological glossary / S.A. Avakyan – M.: Yustitsinform, 2015;
8. Motorova, N.V. Certain aspects of delegating powers of state bodies of subjects of the Russian Federation to local self-government bodies / N.V. Motorova // *Management of socio-economic development of territories: prompt response to current and strategic challenges: materials of the scientific and practical Conference, Vologda, 26th of December 2016 / Vologda branch of RANEPa.* – Vologda: Vologda branch of the federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, 2017. – P. 207–214;
9. Federal Law of October 6, 1999 No. 184-FZ (with amendments of June 11, 2021 No. 170-FZ) “On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation” // *Collection of legislation of the Russian Federation* on October 18, 1999, No. 42, item 5005;
10. Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ “On the State Council of the Russian Federation” // *Collection of legislation of the Russian Federation* on December 14, 2020, No. 50 (chapter III), item 8039.

Ретроспективный анализ развития законодательства России, предусматривающего криминализацию приведения почвенного покрова в негодность

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: aleksandravagafonov@yandex.ru

В предложенной для изучения нашим оппонентам статье мы постарались осуществить довольно краткий и видимо в целом довольно поверхностный ретроспективный анализ развития законодательства нашей страны, которое в том числе, предусматривало и уголовно правовую ответственность за приведение в негодность и невозможность для дальнейшего сельскохозяйственного использования почвенного слоя.

Для этой цели, мы подвергли доктринальному анализу некоторые законодательные акты, причем, не только древней Руси, но и Московского царства, Российской империи, РСФСР, СССР, постсоветской России и ныне действующей Российской Федерации.

В ходе предметного анализа последних мы выяснили, что впервые уголовно правовая норма, прямо закрепляющая полную криминализацию приведения в физическую и химическую негодность плодородного слоя земли, была сконструирована и закреплена только в УК РФ, 1996 г.

Последнее стало возможным потому что, проблемы засорения, причем как бытовыми, так и производственными отходами, окружающей человечество природной среды приобретают с каждым днем все более угрожающее влияние на уже само существование и функционирование всего человечества.

Ключевые слова: земельные правоотношения, земельные правонарушения, юридическая ответственность, уголовная ответственность, преступление, отношения собственности на землю.

Для определения направления и сущностного содержания влияния, регулируемых нормами права, земельных отношений, а самое главное особенностей правовой ответственности за их нарушение на возникновение, становление и развития, причем не только самой государственности, но основополагающих правовых институтов в нашей стране, явно не может быть осуществлено без их предварительного и, в целом, обстоятельного анализа.

История возникновения, становления и развития законодательства любой, в том числе и нашей, т.е. отдельно взятой страны, безусловно, позволяет любому объективно мыслящему исследователю проследить на базе общего доктринально правового анализа имеющихся в его распоряжении законодательных актов особенности возникновения нормативно правовой ответственности, в том числе и за порчу земли, причем одновременно в разных странах.

В данном случае, как вполне справедливо, по нашему мнению, отмечал ранее А.М. Яковлев, «...для того чтобы выявить определенные устойчивые характеристики какого-либо процесса, необходимо, во-первых, наличие достаточного количества отдельных актов, из которых складывается данный процесс, и, во-вторых, он должен быть рассмотрен за достаточно длительный период». [11. С. 3–4]

При этом, явно следует согласиться с тезисом о том, что как в прошлом, так и в настоящее время, имелись вполне достаточные основания для принятия российским государством мер нормативно правовой охраны от социально опасных посягательств на функционирование земельных отношений.

Перечисленные нами основания определялись множеством социально значимых факторов, в той или иной мере присущих всем странам современного нам мира. К последним вполне традиционно, по мнению большинства российских авторов, относятся:

- социально-политическая ситуация в стране,
- характер и уровень развития национального законодательства,
- уровень и социально значимые стандарты жизни населения,
- состояние национальной экономики, научно-технического развития и др.

Возникновение, становление и развитие государственности на территории первоначального расселения древнеславянских племен, безуслов-

но, выступает в качестве весьма существенно-го и наиболее значимого рубежа в истории всей Древней Руси.

Так как, социально-экономическую судьбу этих территориальных племенных образований определял именно типаж последующих государственно подобного объединения племенных союзов древних славян. Куда, в свою очередь, включалась и особенности взаимоотношения между основной массы соплеменников с одной стороны и князьями совместно с дружинниками последних с другой, т.е. нарождающимся государственным аппаратом, в том числе и по поводу экономического использования принадлежащих всему племенному союзу земельных участков.

Следовательно, формирование и развитие государственности у древнеславянских племен было в первую очередь обусловлено необходимостью развития именно земельных правоотношений.

В качестве первичного материально правового источника, предусматривающего минимум исторически достоверных сведений о сущностном содержании социально правового института землевладения у восточных славян, безусловно, выступает «Повесть временных лет». [10. С. 3–4]

Изучая настоящий документ, профессор И.Я. Фроянов, констатирует и доказывает свое мнение о том, что у славянских племенных объединений уже вполне сложилось и более того весьма активно функционировало именно родовые землевладение и землепользование.

В дальнейшем, с началом формирования различно рода государственно подобных объединений на территории древней Руси начинало не только действовать, но и юридически закрепляться феодальная собственность на землю, причем явно по франкскому типу, т.е. земельная собственность феодала считалась изначально священной и могла передаваться в дальнейшем по наследству. Причем правовая охрана земельных участков со стороны верховного сюзерена сводилась в первую очередь именно к защите экономических прав феодала, а также, впрочем, и к разрешению межевых споров между рядовыми общинниками.

В качестве одного из числа древнейших правовых памятников Киевской Руси весьма традиционно относится и Русская Правда или Правда Роськая. [10. С. 7–20] Подвергая указанный памятник доктринально правовому анализу, необходимо, по нашему мнению, указать, что в современной российской доктринально правовой литературе явно отсутствует единое, т.е. общепризнанное мнение о его исторических истоках. Так, например, такие довольно известные ныне российские исследователи настоящего вопроса, как М.Ф. Владимирский-Буданов [1], И.А. Исаев [2], В.О. Ключевский [3], М.Б. Свердлов [6] и О.И. Чистяков [4] предлагают своим читателям довольно различные версии разрешения последнего.

До наших дней сохранились, а, следовательно, и ныне доступны для научного исследования более 100 различных версий Русской Правды, из-

вестных, в свою очередь, под обобщающим названием «списки».

Безусловно, что, как и иной другой подобного рода нормативно правовой документ, Русская Правда была явно не в силах возникнуть спонтанно, не имея при этом под собой изначально некой явно материальной социально значимой основы. В качестве которой, т.е. в качестве ее источников, по мнению большинства современных исследователей настоящего вопроса, выступили как нормы обычного права, т.е. обычаи тех лет, так и вполне конкретные прецеденты княжеских судебных разбирательств, не дошедших, впрочем, ныне до своих исследователей.

При всем этом сама Русская Правда всего лишь фиксировала штрафы в 12 гривен за нарушение земельной или бортной (пчельники) межи. [4] Ни каких иных экологически значимых правовых норм она, в свою очередь, отнюдь не предусматривало.

Русская Правда использовалась в качестве нормативно правового акта древними славянами вплоть до XIV века. Причем этот правовой акт в последующем весьма активно подвергался весьма существенным изменениям и дополнениям, которые вносились в него либо отдельными княжескими грамотами, либо договорами славянских князей друг с другом или с администрацией феодальных городских республик¹.

Концентрация верховной сюзеренной власти и как следствие последнего создание единого славянского или русского государства неизбежно, по общему мнению, вызвало к жизни и появлению такого общероссийского нормативно правового акта как «Судебник 1497 года». В качестве автора последнего выступила боярская дума, а промульгировал его – великий князь Иван III. В последующем, т.е. в 1550 г. этот судебник был заменен другим аналогичным.

Последующая дифференциация юридической ответственности была продолжена и закреплена в Соборном Уложении 1649 г.

В Соборном Уложении уже предусматривались некоторые довольно значимые экологические правовые нормы, которые в свою очередь, располагались в основном в разделе об ответственности за посягательства на отношения собственности и в своей сущностной основе всего лишь разграничивали охоту и охрану лесов на правомерную и не правомерную².

В 1832 г. указанное выше Уложение было заменено Сводом законов уголовных. При этом последний, каких-либо экологически значимых правовых норм, в том числе и об охране земли, еще не предусматривал.

В 1845 г. указанный Свод был также замещен Уложением о наказаниях уголовных и исправ-

¹ Причем особо в этом ракурсе необходимо, по нашему мнению, отметить договоры Смоленского князя Мстислава с Ригой, с Готландом, Псковом, Новгородом и т.д.

² Например, ст. 223 устанавливала юридическую ответственность за уничтожение или повреждение леса пожаром

тельных. В этом нормативно правовом акте нами отмечается наличие в нем гл. IX «О нарушении правил для охранения чистоты воздуха и безвредности воды» размещенной в разд. VII «О нарушении уставов о казенных лесах» которого имеет мест быть гл. IX «О нарушении правил для охранения чистоты воздуха и безвредности воды», содержание правовых норм которых полностью посвящено проблемам правовой охране окружающей природной среды. Впрочем, о правовой охране именно земель в этом случае говорить еще рано и в целом весьма преждевременно.

В 1864 г. указанное выше Уложение было заменено Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В последнем нами отмечается наличие некоторых правовых норм имеющих при этом явно экологическую направленность¹. Однако и они еще не предусматривали правовую ответственность за порчу земель.

В 1903 г. вступил в свое действие последний нормативно правовой акт Российской империи, а именно Уголовное Уложение, которое в свою очередь, также пошло по пути дальнейшего совершенствования имеющихся уже ранее экологических правовых запретов. Однако нормы, касающиеся напрямую защиты именно почвенного покрова или гумуса в настоящем Уложении, по-прежнему отсутствовали.

В связи с чем, видимо нам следует предположить, что экологически значимые природные ресурсы, среди которых необходимо отметить, в первую очередь, землю, а именно ее поверхностный почвенный слой, на протяжении довольно долгого исторического периода охранялись российским государством не как наиболее ценные природные объекты, а как объекты либо частной (феодалной), либо государственной собственности. Следовательно, основной целью настоящей правовой охраны выступала необходимость защиты именно экономических интересов российского государства. Экологические интересы последней, явно отодвигались, при этом, на второй план.

7 октября 1917 г. по старому стилю, 24 ноября того же года по-новому, на территории Российской империи произошла, по мнению некоторых историков, социалистическая революция, по мнению других – всего лишь государственный переворот. Не будем углубляться и выбирать сторону примата в настоящей дискуссионной ситуации, придем всего лишь к выводу о том, что Российская империя прекратила свое дальнейшее существование. На исторической сцене, на территории этого государства возникла принципиально новая государственно подобная организация – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР).

26 октября 1917 г. новая революционная «... власть на Втором Всероссийском съезде Советов приняла и ратифицировала свой знаменитый Декрет «О земле», который известен уже тем,

¹ Например, гл. 4 «О проступках против общественного благоустройства» и т.д.

что он полностью отменил частную собственность на землю.

Согласно этому правовому документу, «...какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего ныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом» (ст. 3)». [13]

«В развитии основных положений, предусмотренных Декретом о земле Всероссийский Исполнительный Комитет 19 февраля 1918 г. промульгировал и Декрет о социализации земли.⁹ Последний предусматривал положение о том, что сам порядок использования природных ресурсов, к числу которых относились и земли, в дальнейшем будет закреплён на уровне принятия специальных законов.

Согласно ст. 5 настоящего Декрета право распоряжаться природными ресурсами закреплялось, в свою очередь, за органами уездной, губернской, областной и федеральной советской власти, причем под полным и непосредственным контролем последней». [12]

Настоящий правовой документ, безусловно, отдавал полную прерогативу правовой регуляции вопросам именно экономического характера, однако при этом он создавал уже и определенные социально правовые условия для дальнейшей нормативно правовой охраны всех российских земель.

С «...принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР в декабре 1919 г.» [12] начались не только само создание, но и последующая систематизация и дальнейшая структуризация всего советского уголовного законодательства.

Так, уже в 1922 г. был принят УК РСФСР – первый, причем не только советский, но и в истории всей России, уголовный кодекс, т.е. первый не только систематизированный, но и полностью кодифицированный нормативно правовой акт, содержащий в себе исключительно уголовно правовые нормы. [5. С. 103–125]

Указанный нами нормативно правовой акт предусматривал ответственность за экологические преступления всего лишь в 2-х статьях.

При этом, уголовной ответственности за посягательство на экологическую ценность самого почвенного покрова УК РСФСР 1922 г. еще не предусматривал.

В 1926 г. «...был принят следующий в истории России УК РСФСР». [12]

Впрочем, настоящий кодекс ничего принципиально нового не только в количестве, но и в саму конструкцию действующих ранее экологических норм, по мнению большинства современных российских исследователей, не внес. [5. С. 230–256] Однако общее количество последних было все-таки увеличено. Как и предыдущий кодекс этот нормативно правовой акт так же не предусматривал уголовную ответственность именно за порчу земли.

В условиях жесточайшей гражданской войны и последующей разрухи, в том числе и в сельском

хозяйстве, средствами уголовно правовой охраны охранялись только те природный объекты и ресурсы, которые подвергались наиболее интенсивному разрушению. Однако охрана последних осуществлялась весьма малоэффективными методами.

«...Дело охраны природы в РСФСР находится в самом критическом положении» прямо подчеркивалось в одной из докладных записок «О нуждах охраны природы в РСФСР» [5. С. 230–256], направленной в дальнейшем в ВЦИК РСФСР.

Впрочем, в период восстановления, реконструкции и развития советской экономики, особенно его промышленного составляющего, неизбежно и довольно резко вставал вопрос об увеличении выброса в окружающую среду вредных отходов промышленного и иного производства.

В период с 1959 г. по 1961 г. в СССР началась принципиально новая смена уголовного законодательства. Однако проблема охраны плодородного слоя земель от его порчи или полного, в том числе и физического, уничтожения так и не была решена. Видимо настоящая проблема в масштабах РСФСР еще не обладала своей актуальностью, так как уголовная ответственность за данное, причем явно асоциальное деяние в УК РСФСР 1960 г. [5. С. 230–256] даже не предусматривалась.

Указанное деяние подлежало криминализации только в «...шести бывших союзных республиках, а именно: в Азербайджане, Армении, Латвии, Литве, Казахстане и Узбекистане. Однако судебная практика в этих республиках по данному поводу характеризовалась явной инертностью и определенного рода пассивностью, что неоднократно и довольно прямо подчеркивалась в советской доктринально правовой литературе.

7 июля 1983 г. Верховный Суд СССР в постановлении № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы» весьма настойчиво и прямо рекомендовал судам первой инстанции действия должностных лиц, в результате которых произошла порча или загрязнение почвенного покрова квалифицировать по статьям уголовных кодексов союзных республик, предусматривающих, в свою очередь, ответственность за экологические преступления. Если в уголовном законодательстве союзных республик полностью отсутствовала подобного рода экологическая норма, то уголовная ответственность должна была наступать либо за халатность, либо за иное должностное преступное деяние.

13 декабря 1968 г. были приняты и вступили в свою законную силу Основы земельного законодательства СССР». [5. С. 230–256]

Этот нормативно правовой акт установил прямую обязанность советского государства охранять такой довольно важный и социально значимый природный объект и ресурс как земля.

Для этой цели в ч. 1 ст. 50 указанного нормативно правового документа предусматривалась как административная, так и уголовно правовая ответственность виновных лиц, совершивших противоправные деликты, направленные в свою оче-

редь на приведение в негодность как сельскохозяйственных, так и иных земель.

Более того, в ч. 4 настоящей статьи Основ предусматривалась сама возможность изъятия земельных участков у нерадивых землепользователей, а также и согласно ч. 5, обязанность юридических и физических лиц возместить в гражданско правовом порядке вред, причиненный ими земельным угодьям.

Однако такого важного правового понятия как ее порча Основы еще не предусматривали, а, следовательно, и не раскрывали.

14 мая 1970 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1970 г. «Об административной ответственности за нарушение земельного законодательства» [12] была установлена административно правовая ответственность за порчу земли.

К административной ответственности согласно этому Указу могли быть привлечены должностные лица, которые:

- привели своими действиями в негодность городские земли, в том числе и путем их загрязнения бытовыми или производственными отходами;
- использовали земельные участки не целевым образом;
- несвоевременно возвращали законным собственникам ранее занятых у них земель;
- не исполняли свои должностные обязанности, направленные на приведение ранее использованных земель в пригодное для их последующего использования состояние.

Впоследствии, в целях развития и совершенствования имеющегося ранее экологического законодательства советским верховным законодателем был промульжирован ряд весьма важных нормативно правовых «...актов, а именно:

- Постановление Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов»,
- Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов». [12]

Согласно которым, краевых, областных и республиканских органов государственной власти заставляли заниматься проведением систематических противоэрозионных мероприятий, а также и организацией профилактики загрязнения всего почвенного слоя на территории РСФСР.

С начала 90-х г.г. прошлого столетия, на территории всей нашей страны, в связи с развитием рыночной экономики и с нарастанием реальной угрозы полнейшей деградации фактически всего земельного фонда, правовая охрана этого экологически важного ресурса приобрела свою особую актуальность.

Введенный в действие еще в 1960 г. Закон РСФСР «Об охране природы в РСФСР» к концу прошлого века весьма существенно устарел.

19 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил новый Закон РСФСР с названием «Об охране окружающей природной среды». [12]

Последний сформулировал и закрепил в нормативно правовом порядке ряд экологически значимых требований направленных, в свою очередь, на обеспечение рационального использования природный ресурсов. На законодательном уровне он ввел ранее отсутствующие такие нормативно правовые понятия как «зона экологического бедствия» и «зона чрезвычайных экологических ситуаций». Кроме того, этот нормативно правовой акт предусмотрел варианты решения и других весьма крупных экологически значимых проблем.

10 января 2002 г. был принят ФЗ РФ № 7 «Об охране окружающей среды». [12]

Его появление, по общему мнению, явно способствовало дальнейшее развитие товарно-рыночных отношений в условиях функционирования российской экономики, а также и, безусловное совершенствование всех отраслей современного права Российской Федерации.

В 1996 г. был принят новый и ныне действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ). [12] Составы экологических преступлений были закреплены в нем в статьях главы 26, которая получила свое наименование «Экологические преступления». Настоящая глава насчитывала 17 вполне самостоятельных составов экологических преступлений.

Следовательно, в полном соответствии с существующей иерархией социально значимых ценностей, признанных в любом правовом демократическом обществе, общепринятыми международными правовыми нормами и требованиями неуклонной борьбы с ныне существующими формами и видами экологической преступности было приведено содержание гл. 26 УК РФ.

Таким образом, именно выделение настоящей главы в УК РФ, по общему мнению, зафиксировало тот явный и безусловный факт о том, что экологические преступления, в том числе и порча земли, посягают не столько на экономически значимые интересы российского общества, а сколько на основные и естественные права и свободы любого человека.

В ст. 254 УК РФ впервые за историю развития всего российского законодательства было закреплено не только уголовно правовое определение порчи земли, но и предусмотрена уголовная ответственность за ее осуществление.

Завершая краткий ретроспективный анализ развития отечественного законодательства, предусматривающего, в том числе и уголовно правовую ответственность за порчу земли, как мы считаем, мы вправе сделать следующие вполне обоснованные выводы, а именно:

1. До принятия и введение в действие УК РФ 1996 г. в российском законодательстве правовой нормы предусматривающую криминализацию уголовную ответственность за приведение в негодность почвенный покров земель не существовало.

2. До 1996 г. подобный деликт вызывал всего лишь административную ответственность.

3. Наличие у нашего государства довольно значительных территорий, неизбежно приводят к формированию у основной массы ее населения, как, впрочем, и у большинства ее региональных руководителей и бизнесменов мысли о безграничности российских земельных ресурсов, однако по наличию которых современная Россия находится всего лишь на четвертом месте.

4. Согласно российскому законодательству дореволюционного, советского и постсоветского периода, земельный участок вполне традиционно признавалась в качестве предмета права собственности. В качестве экологически значимого ресурса, последний на территории России стала признаваться только после принятия ныне действующего российского уголовного законодательства.

5. В свою очередь, мы считаем, дальнейшее развитие уголовного, административного и гражданского российских законодательств должно полностью соответствовать целям защиты экологически значимых интересов современного российского общества.

Литература

1. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону, 1995. 639 с.
2. Исаев, И.А. История государства и права России / И.А. Исаев. М., Юрист, 1994. 443 с.
3. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций / В.О. Ключевский. В 2 кн., М., Мысль, 1903. Т. 1. 572 с. Т. 2. 591 с.
4. Российское законодательство X–XX в.в. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси под общ. ред. О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. 432 с.
5. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 г.г.). Учебное пособие для юридических институтов. М.: Юридическое Издательство НКЮ СССР. 1933.
6. Свердлов, М.Б. От закона русского к Русской Правде / М.Б. Свердлов. М.: Юридическая литература. 1988. 174 с.
7. Собрание важнейших памятников по истории русского права. СПб., 1859.
8. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальные тексты по состоянию на 1 марта 1996 г. М.6 ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
9. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.А. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990.
10. Хрестоматия по истории отечественного законодательства и права (X век –1917 год) /сост. В.А. Тюмсинов. М.: «Зерцало», 1998.

11. Яковлев, А.М. Основания уголовно-правового запрета / А.М. Яковлев. М., 1982.
12. Уголовное законодательство // <http://jurclub.ru>
13. <http://dictum.ru>.

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION PROVIDING FOR THE CRIMINALIZATION OF BRINGING SOIL COVER INTO DISREPAIR

Agafonov A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the article proposed for study to our opponents, we tried to carry out a rather brief and apparently quite superficial retrospective analysis of the development of the legislation of our country, which, among other things, provided for criminal liability for rendering the soil layer unusable and impossible for further agricultural use.

For this purpose, we have subjected some legislative acts to a doctrinal analysis, not only of ancient Russia, but also of the Moscow Tsardom, the Russian Empire, the RSFSR, the USSR, post-Soviet Russia and the current Russian Federation.

In the course of a substantive analysis of the latter, we found out that for the first time a criminal law norm directly fixing the complete criminalization of bringing a fertile layer of land into physical and chemical unfitness was constructed and fixed only in the Criminal Code of the Russian Federation, 1996.

The latter became possible because the problems of clogging, both with household and industrial waste, of the natural environment surrounding humanity are gaining more and more threatening influence on the very existence and functioning of all mankind every day.

Keywords: land legal relations, land offenses, legal liability, criminal liability, crime, land ownership relations.

References

1. Vladimirsky-Budanov, M.F. Review of the history of Russian law / M.F. Vladimirsky-Budanov. Rostov-on-Don, 1995. 639 p.
2. Isaev, I.A. History of the state and law of Russia / I.A. Isaev, M., Lawyer, 1994. 443 p.
3. Klyuchevsky, V.O. Russian history: a complete course of lectures / V.O. Klyuchevsky. In 2 books, M., Mysl, 1903. Vol. 1. 572 p. Vol. 2. 591 p.
4. Russian legislation of the X–XX century In 9 vols. 1. The legislation of Ancient Russia under the general editorship of O.I. Chistyakova. M., Legal literature. 1984. 432 p.
5. Russian Law. 5. Collection of materials on the history of socialist criminal legislation (1917–1937). Textbook for law institutes. M.: Legal Publishing House of the NKU of the USSR. 1933.
6. Sverdlov, M.B. From the Russian law to the Russian Truth / M.B. Sverdlov. M.: Legal literature. 1988. 174 p.
7. Collection of the most important monuments on the history of Russian law. St. Petersburg, 1859.
8. Criminal Code of the RSFSR. The Criminal Procedure Code of the RSFSR. Official texts as of March 1, 1996 M.6 INFRA-M-NORM, 1996.
9. Anthology on the history of the state and law of the USSR. The pre-October period, ed. by Y.P. Titov, O.A. Chistyakov. M.: Jurid. lit., 1990.
10. A reader on the history of Russian law (X century –1917 year) / sost. V.A. Tomsinov. M.: "Mirror", 1998.
11. Yakovlev, A. M. the Foundation of the criminal law prohibition / A.M. Yakovlev. M., 1982.
12. Criminal law // <http://jurclub.ru>
13. <http://dictum.ru>.

Судебная практика в контексте современного правового регулирования

Ковалева Виктория Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: v.v.kovaleva@list.ru

Судебная практика как важнейшая составляющая правовой системы, имеет особое значение для эффективности правового регулирования, оказывая различное воздействие на решения субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности. *Теоретические основы. Методы.* Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе правового регулирования. Предметом выступает судебная практика как неотъемлемый элемент специально-юридического воздействия права на общественные отношения. Используются логический, системно-структурный, функциональный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты исследования. В настоящий период отсутствует единство мнений относительно значения и соотношения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент». Значение судебной практики и судебного прецедента в правовом регулировании зависит от конкретной правовой системы, так как классический судебный прецедент является неотъемлемой частью правовой системы Общего права. В романо-германской правовой системе данное понятие является неопределенным. Для национальной правовой системы России характерным является использования понятия «судебная практика». Судебная практика понимается в отечественной юриспруденции в узком и широком смыслах. В широком смысле судебная практика является индикатором принимаемых правотворческих решений органами законодательной и исполнительной власти, объектом правового мониторинга. Судебная практика в узком смысле, включающая в себя только решения высших судебных инстанций, непосредственно изменяет правовое регулирование, наполняет его новым содержанием и устраняет дефекты в правовом регулировании.

Обсуждение и заключение. В настоящем исследовании выделены узкий и широкий подход к пониманию судебной практики. Использование указанных подходов детерминирует их значение в системе правового регулирования. Определена роль судебной практики в узком смысле в условиях использования риск-ориентированного подхода в правотворчестве и развития высоких технологий.

Ключевые слова: судебная практика, судебный прецедент, суд, правосудие, правовое регулирование, правотворчество.

Введение. Современное общество отличается кардинальными изменениями ввиду необычайного по своему характеру динамизма, обусловленного развитием высоких технологий, которые влияют на все сферы жизни, в том числе и правовую. Ввиду этого все сферы жизни общества трансформируются, приобретают новые качества, новые функциональные возможности. В данном контексте вызывает особый интерес роль судебной практики в правовом регулировании современного общества. Следует отметить, что это один из ключевых вопросов эффективного правового регулирования, с одной стороны, и стабильного функционирования правовой системы, с другой, так как суд [1], судьи [3], судебная практика является квинтэссенцией обеспечения прав и свобод граждан, ввиду этого в отечественных и зарубежных исследованиях находят отражение различные аспекты такого многомерного явления как судебная практика. Необходимо подчеркнуть, что любое исследование национальной правовой системы не обходится без анализа особенностей и функционирования в ней судебной практики [8]. При этом анализ зарубежной литературы, позволяет сделать вывод, что роль судебной практике неоднозначна, и требует особого внимания и осмысления. Например, ее роль судебной практики во французской правовой системе оценивается как парадоксальная, так как с одной стороны, во Франции сильна традиция римского права, а с другой, судебная практика (*судебное право* – курсив наш В.К.) всегда существовала и ее роль является важной частью правовой системы [2]. На особенности места и роли судебного прецедента, акцентировал внимание и Х. Харт: «В нашей правовой системе обычай и прецедент подчиняются законодательству, так как правила обычного и общего права могут быть лишены своего статуса права законом» [7, с. 101]. В свою очередь авторитетный американский судья Б.Н. Кардозо, писал: «Тем не менее в столь развитой системе как наша, прецеденты так заполнили собой все, что они являются отправной точкой, с которой начинается работа судьи [12, с. 15]. Таким образом, в системе Общего права, ввиду ее особенностей, роль судебного прецедента была высока, однако ввиду конвергенции правовых систем, происходят изменения, которые обуславливают иную функциональную связь между судебной практикой и законодательством в процессе правового регулирования.

Целью настоящего исследования является определение на основе анализа новейшей юридической литературы роли и значения судебной практики в перманентном процессе правового регулирования современного общества. Как спра-

ведливо отмечает профессор В.В. Лазарев: «Понять и охарактеризовать современную судебную практику невозможно без выхода на цивилизационный и глобалистский уровень общественного развития. Сегодня традиционная цивилизация уступает место техногенным и глобальным процессам, предполагающим новые типы коммуникаций, новые способы хранения и передачи информации» [19, с. 46].

Теоретические основы. Методы. Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие в непрерывном процессе правового регулирования. Предметом выступает судебная практика как неотъемлемый элемент специально-юридического воздействия права на общественные отношения. Для достижения указанной цели на основе материалистической диалектики, использовались такие общенаучные методы исследования, как логический, системно-структурный подход, ввиду того что определить значение судебной практики в процессе правового регулирования возможно только посредством определения ее воздействия на законодательство и правоприменительную деятельность в целом, использовался функциональный метод. Для определения значения понятий «судебный прецедент» и «судебная практика» использовались сравнительно-правовой метод, при анализе решений высших судебных инстанций формально-юридический метод.

Результаты исследования. При рассмотрении данного вопроса, в первую очередь, необходимо определиться непосредственно с понятием «судебная практика», установить существующие подходы к ее дефинированию. Кроме того, так как данное понятие соотносится с другими тесно связанными с судебной практикой правовыми явлениями, а именно с судебный прецедентом и актами судебного толкования, следовательно, необходимо определить соотношение указанных понятий. Об особенностях указанного понятийного ряда высказывался еще в начале XX века известный российский правовед Г.Ф. Шершеневич, который писал: «К формам права относят и судебную практику, но далеко не с тем единодушием, как закон и обычай... Судебное решение, в качестве прецедента, может проявиться 1) или в разъяснении смысла уже данной, то, что англичане называют *declaratory precedent*, или 2) в создании новой нормы при молчании закона или обычая, то, что англичане называют *original precedent*» [20, с. 171]. Уже прошло более века, однако, данный вопрос является актуальным и в современный период. В связи с этим профессор М.Н. Марченко [13, с. 3], пишет, что среди многочисленных вопросов, касающихся места и роли судов в государственно-правовом механизме, традиционно в разных странах и в разные эпохи вставал вопрос о характере и видах деятельности судов, а также о юридической природе принимаемых ими решений.

Данное положение актуально и в настоящее время, во-первых, и сегодня отсутствует едино-

душие по поводу отнесения судебной практики к формам права, а во-вторых, современная юридическая наука разграничивает понятия «судебный прецедент как источник права», «прецедент судебного толкования» и «судебная практика».

По этому поводу, например, американский ученый Кр. Осаке в свое время писал, что судебный прецедент следует отличать от судебной практики; последняя является обобщением судебных решений, существующих в определенный момент. В судебную практику входят решения всех инстанций. Во всех правовых системах, в том числе и в современном российском праве, судебная практика считается ненормативным источником права. В западном праве судебный прецедент выполняет двойную роль: он заполняет пробелы в законе и этим дополняет закон, он толкует и разъясняет закон. «Но всегда и везде, – отмечает автор, – в западном праве судебный прецедент создается решением высшего суда в контексте конкретного спора, а не в контексте абстрактного толкования закона» [15, с. 20.].

Авторы совместного русско-французского исследования роли суда в государстве, исследуя природу судебного прецедента, отмечают следующее: «Судебный прецедент в классическом (англосаксонском) смысле есть оформленная судебным решением доктринальная идея, на которую суд может сослаться в обосновании своего решения. Роль прецедента определяется особой автономной природой *common law*, которое существует независимо от статутного законодательства. Его стабильности способствует также возможность прямого осуществления конституционного контроля судами. Но, считает Михеенкова М.А., оснований считать его нормативным не имеется, поскольку по сути своей прецедент представляет собой именно доктрину, а не норму права. Далее автор делает очень интересный вывод, что объективно невозможно отрицать наличие некоего значимого квазисудебного прецедента (решений по конкретным делам) и в континентальной системе, отсутствие *common law* и фактическое отсутствие прямого действия конституции делают такой континентальный судебный прецедент менее стабильным: в любой момент законодатель может полностью поменять закон, обесценив предшествующую судебную практику [18, с. 94–95]. С этим выводом следует согласиться, так как в российской правовой системе, законодатель, безусловно, может изменить существующее правовое регулирование, особенно в современный период, который отличается интенсификацией законодательства, появлением законов *ad hoc* или как их еще называют «эмоциональных» законов, что делает правовое регулирование менее ожидаемым, при этом, необходимо подчеркнуть, в таких условиях именно судебная практика выступает стабилизирующим фактором.

Представляет интерес и точка зрения В.А. Вайпана, который пишет, что, хотя официально в Российской Федерации судебный прецедент в каче-

стве источника права не признается, тем не менее на практике при разрешении споров суды учитывают решения вышестоящих судов, при этом автор подчеркивает, что возможность использования предыдущих постановлений Конституционного Суда РФ в качестве судебного прецедента прямо закреплена в конституционном судопроизводстве Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [9, с. 209].

Как мы видим дискуссионность данного вопроса обусловлена интерпретацией понятия «судебный прецедент». В России, образно выражаясь, другая «система юридических координат», отсюда не вызывает сомнения тот факт, что решения Конституционного Суда Российской Федерации, не могут рассматриваться как прецеденты в классическом «англосаксонском» восприятии.

О терминологической и содержательной особенностях судебного прецедента в разных правовых системах В.В. Момотов [14, с. 40–49] пишет, что: «говоря о роли судебной практики в правовой системе, принято в первую очередь обращать внимание на различное отношение к судебному прецеденту в странах континентально-европейской и англо-американской правовых систем. При этом основная идея состоит в том, что в англо-американской системе судебный прецедент является источником права, а в континентально-европейской системе, признающей главную роль за нормативными актами, судебный прецедент источником права не является». Далее, подчеркивает ученый, говорится, что Россия является страной континентально-европейской правовой системы, а, следовательно, прецедент не является источником российского права. Такой стереотипный образ, – подчеркивает автор, – не позволяющий глубже подойти к вопросу о роли судебной практики, со студенческой скамьи закрепляется в сознании молодых людей, получающих юридическое образование. «У нас не прецедентное право» – такое клише сопровождает молодых юристов до тех пор, пока они непосредственно не сталкиваются с юридической практикой. В реальной жизни все далеко не так категорично [14, с. 40–49].

Высказанная В.В. Момотовым точка зрения, безусловно, имеет под собой основания. Вместе с тем еще раз хочется отметить, что, когда мы рассуждаем о судебном прецеденте, о судебной практике, одним из ключевых является вопрос терминологический, от решения которого зависят выводы о значении данных явлений в процессе правового регулирования. Так, если мы под судебной практикой понимаем судебный прецедент – решение по конкретному делу, которое впоследствии становится образцом для рассмотрения аналогичных дел в последующим, в таком контексте, существуют два важных момента. Первый, неоднозначная взаимосвязь законодательства и принятых решений высшими судебными инстанциями, об этом уже говорилось выше, законодатель в любой момент может изменить правовое регулирование,

и в этом случае, применение уже состоявшихся решений теряет всякий смысл. Второй, если мы рассматриваем решения Конституционного Суда РФ, то здесь использования термина «прецедент», возможно лишь в общеупотребительном значении в смысле того, что такого решения раньше не было, т.е. оно носит беспрецедентный характер. При этом решение Конституционного Суда, в случае признания нормативного правового акта не конституционным *однократно* (курсив наш – В.К.) меняет правовое регулирование, посредством прямой отмены данного акта и возложения обязанности на субъекта правотворчества, изменить не соответствующее Конституции Российской Федерации правовое регулирование. Иная ситуация имеет место, когда Конституционный Суд принимает решения о толковании о формулирует свои правовые позиции, которые могут носить противоречивый характер и изменяться [16, с. 129]. Но и в этом случае, мы не можем использовать понятие «судебный прецедент», а можем рассуждать лишь о «прецеденте судебного толкования».

На наш взгляд обоснованной является позиция профессора В.В. Ершова [10, с. 97–98], который считает, что понятие «судебный прецедент» является неопределенным, «размытым», не содержащим объективных признаков, характеризующих его природу, следовательно, теоретически дискуссионным, а практически контрпродуктивным. В современный период, подчеркивает ученый, применение понятия «судебный прецедент» вместо понятия «судебный прецедент толкования права» представляется теоретическим спорным не только для стран романо-германского права, но и для стран «общего права», поскольку суды уполномочены прежде всего толковать имеющиеся принципы и нормы права, содержащиеся в формах национального и (или) международного права, реализующиеся в государстве, а не создавать новое право или развивать (конкретизировать) имеющееся право.

В современной юридической литературе констатируется тот факт, что термин «судебная практика» употребляется в законодательстве, в правоприменительной практике, в юридической литературе, и, несмотря на это вопросы о формах содержания и значении судебной практики является дискуссионными в отечественной правовой доктрине [19, с. 67]. Рассматривая проблему соотношения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент», Залоило М.В., Власенко Н.А., Шуберт Т.Э. считают, что «российской правовой системе более свойственно использование термина «судебная практика» для отражения процессов, роли и места любого судебного влияния на правовое регулирование в стране. Термин «судебный прецедент» практически всегда воспринимался российской юриспруденцией как элемент исследования зарубежного опыта судебного правотворчества» [19, с. 77].

Таким образом, мы приходим к выводу, что понятие «судебная практика», является на наш

взгляд более приемлемой, чем судебный прецедент, так как этимология данного слова и его различная интерпретация, зависящая от правовой ментальности, детерминированной разными правовыми системами, прежде всего, континентального и общего права, обуславливают его неточный характер. Кроме того, традиция российского правоведения ярко иллюстрирует приверженность к понятию «судебная практика».

Анализ современной юридической литературы позволил прийти к выводу о многогранности влияния судебной практики на правовое регулирование.

Так, например, представляется небезынтересным высказывание Т.Э. Шуберт [22, с. 163], согласно которому, судебная практика оказывает разнообразное влияние на законотворчество. Роль судебной практики в повышении качества законотворчества может значительно возрасти, если ее рассмотреть с точки зрения эффективного воздействия сложившейся правоприменительной деятельности на процесс создания нормативных правовых актов законотворческими органами. В результате этого в системе правовых актов происходят перемены, выражающиеся в их изменении, дополнении или отмене.

Например, ряд западных ученых считают, что верховенство судебной практики над законом, подрывают верховенство права [4]. Роль судьи и их решений на различные сферы, очень точно сформулирована Д. Фридманом [21, с. 553], который, в частности, отмечает, что судьи могут быть озабочены не только проблемой эффективности и перераспределения, но и другими проблемами, ценностями, которые обозначаются расплывчатыми, но несущими в себе большую эмоциональную мощь понятиями «справедливости» или «законности». Данное высказывание особенно актуально для России в контексте решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, так как высшие судебные инстанции формулируют свои правовые позиции на основе принципов права¹.

Как отмечает Р.А. Познер, обычное законодательство имеет ряд врожденных недостатков, затрудняющих эффективное функционирование демократического правления, которые могут исправить только суды, и самый яркий пример, подчеркивает автор, неготовность депутатов, избранных в рамках системы, страдающей от представительской диспропорции, исправить эти самые диспропорции; законодатели, которым эти диспропорции выгодны, будут всеми силами сопротивляться их исправлению [17, с. 29].

Безусловно, каждое решение, прежде всего, постановление Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации выявляют и преодолевают дефекты

законотворческих решений. В качестве примера восполнения пробела в правовом регулировании можно привести Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающими нормативными свойствами»², в котором наряду с определением нормативного правового акта, содержится дефиниция акта, содержащего разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, существенными признаками которого являются: издание его органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределенного круга лиц.

Рассматривая значение судебной практики Конституционного Суда следует согласиться с точкой зрения М.Ю. Барцевского [8, с. 31], согласно которой, правовая позиция Конституционного Суда – это единственная форма императивного указания представителю органу, что и как он должен делать, иными словами, подчеркивает автор, – это предложение от которого нельзя отказаться, при этом ученый, резюмирует, что правовые позиции – это возможно наиболее объективная оценка правовой реальности по тому или иному вопросу. Безусловно, представить себе современное правовое регулирование без правовых позиций данной высшей судебной инстанции невозможно, под их воздействием правовое регулирование изменяется и корректируется в сторону соразмерности и пропорциональности прав и обязанностей субъектов.

Таким образом, судебная практика, выступает индикатором эффективности правового регулирования в России, причем речь идет как о законодательной, так и о правоприменительной деятельности. При этом именно в процессе судебной практики преодолеваются дефекты нормативно-правового регулирования. Как подчеркивает И.П. Кожокар [12, с. 228] к основным способам преодоления дефектов нормативного правового регулирования относятся толкование и конкретизация правовых норм, аналогия права и закона, использование коллизионных правил. Безусловно, перечисленные правовые средства, имманентно присуще судебной практике. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации, по мнению ученого является субъектом устранения дефектов нормативного правового регулирования.

Обсуждение и заключение. Подводя итоги настоящего исследования, можно сделать следующие выводы. В современной юриспруденции так и не решена терминологическая проблема, обу-

¹ Например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

² URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/27541/>

словленная использованием понятий «судебная практика» и «судебный прецедент».

Судебный прецедент является неотъемлемой частью правовой системы общего права. Для континентальной правовой системы данное понятие является неопределенным, отсюда восприятие российской правовой традицией понятия «судебная практика».

Судебная практика понимается в отечественной юриспруденции в узком и широком смысле. В широком – это деятельность всех без исключений судебных инстанций, а в узком – это решения Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации. В широком смысле судебная практика является, на наш взгляд только индикатором принимаемых правотворческих решений органами законодательной и исполнительной власти, объектом правового мониторинга.

Если рассматривать судебную практику в узком смысле, как решения высших судебных инстанций, тогда она не только показывает качество принимаемых норм, но и непосредственно изменяет их, наполняет новым содержанием, и даже, отменяет (Конституционный Суд РФ), т.е. является частью процесса правового регулирования. Полагаем, что роль судебной практики в ее узком понимании будет возрастать, так как использование риск-ориентированного подхода в правотворчестве делает правовое регулирование более вероятностным, субъективным, отсюда, и рост проблем, связанных с эффективностью принимаемых правотворческих решений, риск необходим в экономике, но право, стабильное по своей юридической природе, должно обеспечивать снижения таких рисков.

Кроме того, развитие искусственного интеллекта, робототехники, биотехнологий обуславливает незавершенность правового регулирования, так как диалектика правового регулирования ярко иллюстрирует, что именно появление новых отношений, являются причиной объективных пробелов в законодательстве, и, как следствие, восполнение этих лакун судебными решениями.

Таким образом, судебная практика, является, во-первых, объектом правового мониторинга, во-вторых, индикатором эффективности законодательской деятельности; в-третьих, средством устранения дефектов в правовом регулировании.

Литература

1. Andenas, M., and Fairgrieve, D. 2019. Courts and Comparative Law. Oxford University Press Inc., N.-Y. 760 p.
2. Cohen-Tanugi, L., 2016. Case Law in a Legal System Without Binding Precedent: The French Example. Available at: <https://cgc.law.stanford.edu/commentaries/17-laurent-cohen-tanugi/>
3. Cooper, J., 2017. Being a Judge in the Modern World. Oxford University Press Inc., N.-Y. 200 p.
4. D'Agostino, J., 2018. Posner's folly: the end of legal pragmatism and coercion's clarity. British journal of

American legal studies. Volume 7: Issue 2, pp.365–400. Available at: <https://content.sciendo.com/view/journals/bjals/7/2/article-p365.xml>

5. Egonda-Ntende, L., 2005. The Role of Information Technology in Modernising the Courts // Presented to a Conference of the Southern African Judges Commission, Imperial Resort Beach Hotel, Entebbe, Uganda, 3–6 February. Available at: https://www.venice.coe.int/sacjf/2005_02_uga_entebbe/rep_egonda_ntende.htm
6. Hart H., The concept of law. 2012. The concept of law. Third Edition. Oxford University Press Inc., N.-Y. 2012. 380 p.
7. Kennedy, T.P., 2011. European Law. Oxford University Press Inc., N.-Y. 592 p.
8. Барщевский М.Ю. Кто сильнее всех на свете? // Журнал Конституционного правосудия. – 2016. – № 5. – С. 30–31.
9. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика: монография. – М.: Юстицинформ, 2017. – 280 с.
10. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М: РГУП, 2018. – 628 с.
11. Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности / Пер. с англ. – М.: Статут, 2017. – 112 с.
12. Кожокаръ И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования: монография. – М.: Проспект, 2019. – 296 с.
13. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. – М.: ТК Велби, Изд-во проспект, 2008. – 512 с.
14. Момотов В.В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. – № 5. – С. 40–49.
15. Осаке Кр. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 12–22.
16. Петров А.А., Шафиров В.М. Предметная иерархия нормативных правовых актов: монография. – Москва: Проспект, 2017. – 208 с.
17. Познер, Р.А. Рубежи теории права [Текст] / пер. с английского. И.В. Кушнаревой; под ред. М.И. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 480 с.
18. Суд и государство / Под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. – М.: Статут, 2018. – 272 с.
19. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 432 с.
20. Теория государства и права: Хрестоматия: в 2-т. / Авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юристъ, 2001. – Т. 2. – 620 с.
21. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это

важно [Текст] / пер. с англ. И. Кушнарева; науч. ред. перевода М. Одинцова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 576 с.

22. Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворчество // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 160–170.

COURT PRACTICE IN THE BACKGROUND OF CONTEMPORARY LEGAL REGULATION

Kovaleva V.V.

North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice»

The Court practice as the most important part of a legal system has a special significance for efficiency of legal regulation, where it influences differently the decisions of lawmakers and law enforcement bodies. *Theoretical Basis. Method.* The study object is social relations arising in a legal regulation process. The subject is the court practice as an essential component of special legal influence of law on the social relations. There are logical, system structural, functional, comparative and technical legal methods used.

Results. At the present period of time there is no unity of opinions regarding the meaning and the relation of the concepts “court practice” and “judicial precedent”. The meaning of the court practice and the judicial precedent in legal regulation depends on a definite legal system, as a classical judicial precedent is a part of the legal system with Common law. In the system of civil law this concept is indefinite. For the national legal system of Russia, the concept “court practice” is characteristic. The court practice in native jurisprudence is comprehended both strongly and widely. In a wide sense the court practice is an indicator of being adopted lawmaking decisions by legislative and executive bodies and an object of legal monitoring. In a strong sense the court practice, including only the decisions of supreme judicial authorities, directly changes legal regulation, filling it with new content and eliminates defects in statutory regulation.

Discussion. The given study emphasizes both strong and wide approach to the comprehension of the court practice. The usage of the pointed approaches determines their meaning in the system of legal regulation. The role of the court practice in a strong sense by the conditions of a risk-oriented approach in lawmaking is defined as well as the development of the society of high technologies.

Keywords: court practice, judicial precedent, court, justice, legal regulation, lawmaking.

References

- Andenas, M., and Fairgrieve, D. 2019. Courts and Comparative Law. Oxford University Press Inc., N.-Y. \$760
- Cohen-Tanugi, L., 2016. Case Law in a Legal System Without Binding Precedent: The French Example. Available at: <https://cgc.law.stanford.edu/commentaries/17-laurent-cohen-tanugi/>
- Cooper, J., 2017. Being a Judge in the Modern World. Oxford University Press Inc., N.-Y. 200p.
- D'Agostino, J., 2018. Posner's folly: the end of legal pragmatism and coercion's clarity. British journal of American legal studies. Volume 7: Issue 2, pp.365–400. Available at: <https://content.sciendo.com/view/journals/bjals/7/2/article-p365.xml>
- Egonda-Ntende, L., 2005. The Role of Information Technology in Modernizing the Courts // Presented to a Conference of the Southern African Judges Commission, Imperial Resort Beach Hotel, Entebbe, Uganda, 3–6 February. Available at: https://www.venice.coe.int/sacjf/2005_02_uga_entebbe/rep_egonda_ntende.htm
- Hart H., The concept of law. 2012. The concept of law. third edition. Oxford University Press Inc., N.-Y. 2012. 380 p.
- Kennedy, T.P., 2011. European Law. Oxford University Press Inc., N.-Y. \$592
- Barshchevsky M. Yu. Who is the strongest in the world? // Journal of Constitutional Justice. – 2016. – No. 5. – S. 30–31.
- Vaypan V.A. Theory of justice: law and economics: monograph. – M.: Yustitsinform, 2017. – 280 p.
- Ershov V.V. Legal and individual regulation of public relations: Monograph. – M: RGUP, 2018. – 628 p.
- Cardoso B.N. The nature of judicial activity / Per. from English. – M.: Statute, 2017. – 112 p.
- Kozhokar I.P. Defects in legal regulation: monograph. – M.: Prospekt, 2019. – 296 p.
- Marchenko M.N. Judicial lawmaking and judicial law. – M.: TK Velby, Publishing house prospect, 2008. – 512 p.
- Momotov V.V. The role of judicial practice in the legal system: Russian experience in the global context // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2017. – No. 5. – P. 40–49.
- Osakwe Kr. Typology of modern Russian law against the background of the legal map of the world // State and Law. – 2001. – No. 4. – S. 12–22.
- Petrov A.A., Shafirov V.M. Subject hierarchy of normative legal acts: monograph. – Moscow: Prospekt, 2017. – 208 p.
- Posner, R.A. Frontiers of the theory of law [Text] / transl. from English. I.V. Kushnareva; ed. M.I. Odintsova; National research University “Higher School of Economics”. – M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2017. – 480 p.
- Court and State / Ed. L.V. Golovko, B. Mathieu. – M.: Statute, 2018. – 272 p.
- Judicial practice in the modern legal system of Russia: monograph / T. Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.V. Gabov and others; ed. T. Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2018. – 432 p.
- Theory of State and Law: Reader: in 2 vols. / Auto-stat. V.V. Lazarev, S.V. Lipen. – M.: Jurist, 2001. – T. 2. – 620 p.
- Friedman D. Order in law. What does economics have to do with law and why is it important [Text] / transl. from English. I. Kushnareva; scientific ed. translation by M. Odintsov. – M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2017. – 576 p.
- Schubert T.E. The impact of judicial practice on lawmaking // Journal of Russian law. – 2016. – No. 4. – P. 160–170.

Договор присоединения: оценка советским правом в 20-х – 30-х годах XX столетия

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н., доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eumatveeva@fa.ru

В настоящей статье проведено научное исследование, ставящее целью изучить договор присоединения в оценках советской правовой науки в период 20-х-30-х годов прошлого столетия. В отечественном праве на развитие специальной договорной конструкции договора присоединения влиял государственный идеологический запрос и следовавшая за ним установка или смена взглядов и теорий, происходившие в юридической науке в двадцатом столетии. Договор присоединения стал применяться в гражданско-правовом обороте как востребованная практикой гражданско-правовая конструкция, способствующая ускорению делового оборота, ответ на потребность упрощения договорных отношений. Кроме того, изначально договор присоединения развивался под эгидой необходимости защиты слабой стороны в отношениях по предоставлению публичных услуг и явился основой для развития института публичного договора. В отечественном праве советского периода отношение к договору присоединения в 20-е годы формировалось в условиях действия новой экономической политики, что предопределяло лояльное отношение советского права к данному правовому институту. В 30-х годах, с отменой НЭП и последовавшей идеологизацией права, договор присоединения стал восприниматься как договорной институт, присущий капиталистической формации и чуждый социалистическому строю.

Ключевые слова. Договор присоединения, монополизация, публичные услуги, типовой договор, защита слабой стороны.

Отношение к различным гражданско-правовым институтам в Советском государстве менялось в зависимости от того, в каком периоде развития находилась страна и в зависимости от того, какие идеологические задачи ставились перед правовой наукой. Данная тенденция полной мере относится и к договору присоединения.

Советская правовая наука начинает упоминать о договоре присоединения уже в 20-х годах прошлого столетия. Примерно в это время договор присоединения начинает активнейшим образом применяться в договорной практике капиталистических стран, где постоянно росла потребность в универсализации договорных отношений, практика требовала упрощения и ускорения делового оборота и, как следствие, применения договорных форм, позволяющих быстро совершать сделки. В то же время, поскольку в СССР частно-правовой оборот не являлся движущей силой экономики, в нашей стране не признавалась и необходимость внедрения в правовое поле инструментов, сопровождающих и упрощающих гражданско-правовые отношения. В силу этого договор присоединения постепенно стал рассматриваться отечественной правовой наукой не как прогрессивная, востребованная временем договорная конструкция, а, прежде всего, как правовая конструкция, присущая капиталистической экономике и чуждая экономике социалистической.

Однако, это произошло не сразу.

В период 1917–1930 г. отечественная правовая наука еще не проявляла категорического неприятия «буржуазного права» и советские ученые сравнительно лояльно оценивали применение нового в общемировой практике договора присоединения.

Так, профессор, доктор юридических наук Михаил Михайлович Агарков (1890–1947) в 1922 году отмечал, что договор присоединения в определенных сферах (полиция, народное образование, почта и телеграф, железнодорожные дороги, суд) становится обязательным для организации, оказывающей публичные услуги. При этом «акты государственной власти, которые создают и организуют публичную службу, являются законами в материальном смысле этого слова», а «всякое частное лицо может воспользоваться услугами публичной службы» [1, с. 12–13]. Т.е. М.А. Агарков обозначает, что при применении договора присоединения в публичной сфере ограничивается свобода не только слабой стороны, которой отказано в формулировании условий договора, но и сильной стороны, которой отказано в выборе определенного контрагента.

Известный русский и советский правовед, профессор Владимир Михайлович Гордон (1871–1926)

и вовсе радикально «приветствовал» применение договоров присоединения в советском правовом регулировании. Он писал о том, что общественный интерес, обслуживаемый торговым оборотом, требует ограничения принципа свободы договора: «раз торговое предприятие принципиально предназначено служить интересам общественности, оно не может быть свободным в выборе контрагента: оно не может вступать в договор с одним и отказываться вступить в такой же договор с другим» [5, с. 10].

В 20-е годы к договору присоединения неоднократно обращался в своих трудах доктор юридических наук, профессор Самуил Наумович Ландкоф (1887–1970). Профессор Ландкоф признавал, что договоры присоединения в виде типовых договоров или формуляров созданы организационными потребностями – «эти формуляры стремятся сделать однообразными в кругу, в котором они применяются, содержание и действие договора» [8, с. 21]. Более того, Ландкоф указывал на то, что договоры «на пользование услугами общественно-полезных предприятий» нуждаются даже в более «повелительной и жесткой регламентации» чем договоры коммерческой сферы. Также примечательно, что С.И. Ландкоф обозначил замену «индивидуального договора» «договором, изготавливаемым сериями для единообразного пользования им множеством договаривающихся сторон» следствием развития новых общественных отношений в коммерческой и финансовой сфере, там где операции «по своей природе совершаются только массами». Он пишет: «В этих областях полис, бордеро или формуляр заняли место ... индивидуализированного договора».

В 1927 году профессор Ландкоф выпускает книгу «Торговые сделки», в которой уделяет много внимания договорам, которые осуществляются общественно-полезными предприятиями, к которым относит предприятия в перевозке, хранении и страховании товаров, в снабжении светом и водой. По сути, С.Н. Ландкоф впервые обосновал необходимость и закономерность одновременного применения в одном договорном обязательстве двух специальных договорных конструкций: договора присоединения и публичного договора.

Для настоящего исследования выделим из работы профессора Ландкофа те положения, которые касаются договора присоединения.

С.Н. Ландкоф обобщает все свойства «договоров присоединения» (*contrat d'adhesion*), присущие договорам публичной службы:

- 1) договорные условия оказания услуг являются единообразными
- 2) условия или вырабатываются государственным органом или разрабатываются самим предприятием и утверждаются государственным органом
- 3) договорные условия преподносятся клиенту «в виде твердых условий, изменить которые он, клиент, не в состоянии изменить в какой бы ни было мере».
- 4) отказ клиента от принятия предложенных ему предприятием условий означает также отказ и от использования услуг предприятия

5) если клиент присоединяется к условиям, предложенным предприятием, то «клиент подписывает стандартный бланк, формуляр или иной документ, содержание которого соответствует нормативным правилам данного предприятия и не может быть изменяемо клиентом».

Для советского государства С.Н. Ландкоф обосновывает вмешательство нормативных правил государства в договорную свободу «углублением процессов подчинения предпринимательских интересов интересам народного хозяйства». Кроме того С.Н. Ландкоф делает выводы о том, что потеря индивидуализации договоров является следствием развития товарного хозяйства: «Товарные массы все больше и больше теряют свои индивидуальные признаки. Индивидуализация товаров в сделках заменена стандартными обозначениями, определяющими качества и свойства товаров, устанавливаемые государственными органами, одинаковые и равно обязательные для сторон» [7, с. 254].

Следует также упомянуть работу «К вопросу о кооперативном кодексе СССР» приват-доцента Дьякова Федора Васильевича (1888–1939), который в 1929 году «расширил границы» применения договора присоединения, указав на то, что вступление новых товарищей в уже созданное кооперативное объединение реализуется «посредством простого присоединения (*contrat d'adesion*) (*contrat par adhesion*), такого же типа, как и договор железной дороги с пассажиром, абонента телефонной сети с администрацией этой сети, страхователя и страховщика, и т.д.» [6, с. 92]. Так же Ф.В. Дьяков по сути определил признаком договора присоединения «безразличность» к личности контрагента-покупателя, отнеся к договорам присоединения наряду с покупкой всякого рода билетов (театральных, железнодорожных и т.д.) и обычные покупки товаров в магазинах.

Необходимо отметить, что в 20-е годы советская наука также достаточно лояльно оценивала и капиталистическую практику использования договоров присоединения в форме продиктованных договоров, признавая их необходимым атрибутом военного и послевоенного времени. Так в исследовании 1927 года, посвященном регулированию гражданского права профессором Борисом Сергеевичем Мартыновым (1882–1948) и на тот момент еще доцентом Самуилом Исааковичем Акснэем (1888–1952) введение продиктованных договоров в системах военного хозяйства капиталистических государств оценивалось как необходимый и закономерный процесс. Для советского же государства указанные авторы видели договоры присоединения как атрибут планового воздействия государства на участников оборота не только в условиях военного коммунизма, но и в мирное время. Характеризуя природу таких договоров С.И. Акснэи и Б.С. Мартынов указывали: «перед нами особая правовая фигура принудительного договора с предписанным содержанием, в котором переплетены элементы гражданско-правовые

с административно-правовыми, частно-правовые с публично-правовыми». [3, с. 47–48]. Проявление публичного начала авторам виделось в принудительности определения содержания таких договоров, обязательности их заключения и не возможности изменения. Проявление частно-правового – в том, что отношения сторон все же регулируются договором с использованием традиционных для гражданского права инструментов, таких как «имущественная ответственность за просрочку, за ненадлежащее исполнение, неустойка, отпадение ответственности при выявившейся невозможности исполнения и пр.».

Договор присоединения в 20-х годах изучался советской наукой и в контексте дискусионности признания за данным правовым институтом собственно статуса «договора». Сторонники, не признававшие договорного характера, выдвигали теорию, согласно которой договоры присоединения и особенно договоры присоединения в общественно-полезной сфере не являются договорами, т.к. клиенту отказано в выборе условий, а предприятию отказано в выборе клиента – «нет проявления двух волей – нет договора». Так, профессор Борис Моисеевич Рубинштейн (1902–1937) полагал, что договоры, содержание которых уже заранее установлено (*contrats de guichet*, *contrats d'adhesion* и т.д.) «не являются договором в смысле старого понятия его, выработанного еще римским правом. Как можно считать свободным соглашением двух волей «договор» пересылки писем по почте, автоматы всякого рода, договоры железнодорожной перевозки с их сложной, точно выработанной и от целого ряда условий зависящей системой тарифов и с обязанностью дороги принять к перевозке всякий груз или любого пассажира?» [9, с. 74].

Представителем противоположной позиции являлся профессор С.Н. Ландкофф, который указывал: «Как ни незначителен удельный вес «воли» сторон при использовании услуг общественно-полезного предприятия, все же имеется соглашение сторон, характеризующее желанием одной стороны использовать услуги и фактической готовностью другой стороны предоставить эти услуги. Эти отношения являются по существу договорными» [7, с. 255].

Начиная с 30-х годов советская правовая наука постепенно вырабатывает позицию категорического неприятия договоров присоединения, используемых в практике капиталистических стран. Отвергая договор присоединения и обозначая его как непреходящий атрибут монополистической общественной системы советская цивилистика выдвигала следующие «обвинения».

Во-первых договор присоединения преподносился как полный отказ от принципов свободы договора [12, с. 15–16], при чем присущий не в целом капиталистическому обществу, а именно в капиталистическому обществу в его монополевой формации [13, с. 220]. Так, например М.М. Агарков, который еще в 1922 году отмечавший закономерность применения договоров присоединения

в публичной сфере, в 1940м году делает акцент исключительно на «анти-справедливые» аспекты: «развитие капиталистических монополий наглядно показало, что в тех случаях, когда капиталистическое предприятие имеет дело с отдельным физическим лицом, выступающим в качестве потребителя, клиента, а также и в тех случаях, когда предприятие вступает в отношения с более мелким и менее мощным предприятием, оно диктует контрагенту свои условия» [2, с. 106–107].

Доктор юридических наук, профессор Владимир Иванович Серебровский (1987–1971) связывал появление договора присоединения исключительно «с возникновением крупно-капиталистических предприятий» и характеризовал его как «договор буржуазного права, предназначенный к защите капиталистической собственности», «представляющий собой сильное и гибкое оружие в руках капиталиста» [11, с. 150].

Интересно, что, одновременно с этим, по сути аналогичные договору присоединения генеральные договоры, которыми в СССР оперировали целые отрасли промышленности, расценивались советским правом как необходимое «организующее начало» социалистической экономики с правомерным диктованием цены, точных условий расчета, количества, сроков, ассортимента, порядка и места сдачи и приема товаров. П.И. Стучка указывал: «В способе заключения генерального договора мы по существу имеем диктовку цен, но плановую диктовку с тенденцией на максимальное снижение цен». По мнению П.И. Стучки такие договоры уже не относились к гражданскому праву, поскольку их «цель не Д–Т–Д+Д, а снабжение масс на основе снижения цен и прибыли под прямым давлением в эту сторону со стороны Соввласти (социалистическая рационализация, снижение накладных расходов и т.д.)» [13, с. 221].

В 1933 году под руководством профессора С.И. Раевича выходит учебник для вузов «Иностранное гражданское и торговое право». В данном труде договорам присоединения уделено достаточно много внимания, более того им фактически посвящен целый параграф (§ 55 «Типизация сделок») [14, с. 174–176], автором которого являлся доктор юридических наук, профессор Иван Сергеевич Перетерский (1889–1956). В качестве основного признака договора присоединения выделяется, что этот договор активно применяется именно в условиях монополизации рынка, когда предприятие, занимающее доминирующее положение «имеет возможность навязывать своим контрагентам свои договорные условия».

В дальнейшем, в послевоенный период обостряется противостояние социалистического и капиталистического мироустройства и это в полной мере калькируется на отторжение советской цивилистикой права капиталистического, что в частности проявилось в том, что договор присоединения становится в отечественной науке символом «империалистического беспредела», творимого посредством «формулярного и каучукового» права.

Статья посвящена анализу специальной договорной конструкции договора присоединения в трудах советских цивилистов в период 20-х-30-х годов прошлого столетия. Отношение отечественной правовой науки к договору присоединения следует воспринимать с учетом политического и экономического развития страны в указанных десятилетиях.

В начале 20-х годов политика военного коммунизма сменилась новой экономической политикой (НЭПом), что было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства. Крестьянству было предоставлено право распоряжаться излишками сельхозпродукции, что сразу же реанимировало рынок, создало спрос как на сельскохозяйственные так и на промышленные товары и, как следствие, оживило гражданско-правовой оборот. Безусловно, в условиях активизации гражданско-правовых отношений купли-продажи, мены, займа, кредитования, страхования, перевозки, хранения, поручительства, найма – т.е. всех тех правовых институтов, которые сопровождают частно-предпринимательскую деятельность, роль гражданского права возросла. Обществу необходимы были регуляторы гражданско-правовых отношений. Именно тогда была проведена первая кодификация советского гражданского права и разработчики гражданского кодекса 1922 г. «видели основное назначение и содержание будущего Кодекса в том, чтобы регламентировать гражданский оборот на началах рыночной экономики» [14, с. 21]. В этих условиях институт договора присоединения относительно лояльно оценивался советской правовой наукой. В 20-х годах отечественными учеными признавалась необходимость и закономерность использования договора присоединения в условиях военного времени, а также позитивное начало типизации гражданско-правовых договоров при развитии массового товарооборота. При анализе договоров присоединения советским правом признавалось, что при оказании публичных услуг (перевозка, страхование, связь, коммунальные услуги и т.д.) использование данной правовой конструкции служит ограничению произвола сильной стороны, т.е. поставщика соответствующей услуги. Проводились доктринальные исследования о правовой природе договора присоединения.

В 30-х годах, после отмены НЭПа советское общество начинает активно политизироваться и право начинает выступать как проводник государственной воли и идеологии, как инструмент (а в терминологии А.Я. Вышинского – «особая дубинка»), «при помощи которой пролетарское государство осуществляет свои задачи подавления и принуждения» [4, с. 6]. Начиная с 30-х годов, в условиях «безраздельной победы» социалистического уклада советская юридическая наука демонстрирует попытку полностью отказаться от начал «буржуазного права» и договор присоединения начинает восприниматься отечественным правом уже исключительно, как институт, свойственный ка-

питалистическому обществу в его монопольной формации. Советским правом не оценивается тот факт, что одновременно с массовым применением договоров присоединения в западных странах начинает активно развиваться антитрастовое и антимонопольное законодательство. Акценты делаются исключительно на «антисправедливые» акценты договора присоединения: на диктате условий слабой стороне, на защите капиталистической собственности. При этом де-факто применяемые в советском государстве договоры присоединения в виде генеральных договоров рассматриваются как «организующее начало» социалистической экономики с правомерным диктованием цен и условий.

Литература

1. Агарков М.М. Юридическая природа железнодорожной перевозки / М. Агарков // Право и Жизнь. – М., 1922. – Книга 2 (Июль). – С. 29–40; Книга 3. – С. 7–19 // с. 12-с.13.
2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с. – (Ученые труды / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР; выпуск III) // с. 106–107
3. Аскназий С.И. Гражданское право и регулируемое хозяйство / С.И. Аскназий (Доцент Ленинградского государственного университета) и Б.С. Мартынов (Профессор Ленинградского государственного университета). – Л.: Издание научного общества марксистов, 1927. – 109 с., [3] с. объявл. – (Труды Научного общества марксистов / Под общей редакцией проф. М.В. Серебрякова. Секция права и государства; Вып. I) // с. 47–48
4. Вышинский А.Я. Революция и законность / А. Вышинский // Советская юстиция. – М., 1933. – № 5 (март). – С. 4–8 // с. 6
5. Гордон В.М. Система советского торгового права: Обзор действующего законодательства по внутренней торговле / Проф. В.М. Гордон. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1924. – [2], IV, 127 с // с. 10
6. Дьяков Ф.В. К вопросу о кооперативном кодексе СССР / Прив.-доц. Ф.В. Дьяков // Известия Правового факультета Азербайджанского государственного университета имени В.И. Ленина. – Баку, 1929. – Выпуск IV. – С. 63–82; 1929. – Выпуск V–VI. – С. 81–112 // с. 92
7. Ландкоф С.Н. Торговые сделки. Теория и практика: Агентурный договор; Залог товара в обороте; Государственные подряды и поставки; Купля-продажа; Договор комиссии; Договор складского хранения и врантты; Договор текущего счета и чек / Проф. С.Н. Ландкоф. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1929. – 273 с // с. 254
8. Лямбер Э. Иностранная критика советского гражданского кодекса: Переводы статей /

Э. Лямбер, Г. Фройнд; Под ред. и с очерком С.Н. Ландкофа. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928. – 87 с // с. 40

9. Рубинштейн Б.М. Принцип социально-экономического назначения права в гражданском кодексе РСФСР / Борис Рубинштейн // Советское право. – М.; Л., 1926. – № 3. – С. 69–81; № 4. – С. 59–84 // с. 74
10. Раевич С.И. Иностранное гражданское и торговое право: Учебник для вузов и практическое пособие / Составлен бригадой под руководством С.И. Раевича; Правовая секция Института монополии внешней торговли. – [М.]: Государственное издательство «Советское законодательство», 1933. – 276 с., С. 174–176.
11. Серебровский В.И. Обзор иностранных журналов по вопросам гражданского права / Проф. В. Серебровский // Ученые записки / Московский юридический институт НКЮ Союза ССР. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – Выпуск I. – С. 148–160 // с. 150.
12. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. I: Введение в теорию гражданского права: Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для вузов и Комвузов / П.И. Стучка; Коммунистическая Академия. Секция права и государства. – М.: Издательство Коммунистической Академии, 1927. – 230 с // с. 34; Стучка П.И. Государство и право в период социалистического строительства / П. Стучка // Революция права. – М., 1927. – № 2. – С. 3–26 // с. 15–16.
13. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. II: Общая часть гражданского права: Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для вузов и комвузов / П.И. Стучка; Коммунистическая Академия. Секция права и государства. – М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. – 376 с // с. 220
14. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А.Л. Маковский. – М.: Статут, 2010. – 736 с. \ \ с. 21

THE TREATY OF ACCESSION: ASSESSMENT BY SOVIET LAW IN THE 1920S – 1930S

Matveeva E. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this article, a scientific study has been carried out with the aim of studying the accession agreement in the assessments of Soviet legal science in the period of the 20s-30s of the last century. In domestic law, the development of a special contractual structure of an accession agreement was influenced by the state ideological request and the subsequent installation or change of views and theories that took place in legal science in the twentieth century. The accession agreement began to be used in civil law turnover as a civil law structure in demand in practice, contributing to the acceleration of business turnover, a response to the need to simplify contractual relations. In addition, initially, the accession agreement was developed under the auspices of the need to protect the weak side in relations for the provision of public services and was the basis for the development of the institution of a public agreement. In the domestic law of the Soviet period, the attitude to the accession agreement

in the 1920s was formed under the conditions of the new economic policy, which predetermined the loyal attitude of Soviet law to this legal institution. In the 30s, with the abolition of the NEP and the subsequent ideologization of law, the accession agreement began to be perceived as a contractual institution inherent in the capitalist formation and alien to the socialist system.

Keywords: Accession agreement, monopolization, public services, model agreement, protection of the weak side.

References

1. Agarkov M.M. The legal nature of railway transportation / M. Agarkov // Law and Life. – М., 1922. – Book 2 (July). – С. 29–40; Book 3. – pp. 7–19. // pp. 12 – pp. 13.
2. Agarkov M.M. Obligation for Soviet civil law / M.M. Agarkov. – М.: Legal publishing house of the NKYu USSR, 1940. – 192 p. – (Proceedings / All-Union Institute of Legal Sciences of the NKYu USSR; issue III). // p.106–107
3. Asknazy S.I. Civil law and regulated economy / S.I. Asknazy (Associate Professor of Leningrad State University) and B.S. Martynov (Professor of the Leningrad State University). – L.: Publishing of the Scientific Society of Marxists, 1927. – 109 p., [3] p. announced – (Proceedings of the Scientific Society of Marxists / Under the general editorship of Prof. M.V. Serebryakov. Section of Law and State; Issue I). // pp. 47–48
4. Vyshinsky A. Ya. Revolution and legality / A. Vyshinsky // Soviet justice. – М., 1933. – No. 5 (March). – С. 4–8 // p.6
5. Gordon V.M. The system of Soviet trade law: Review of current legislation on domestic trade / Prof. V.M. Gordon. – Kharkiv: Legal publishing house of the NKYu Ukrainian SSR, 1924. – [2], IV, 127 p. // p.10
6. Dyakov F.V. On the question of the cooperative code of the USSR / Priv.-Assoc. F.V. Dyakov // Bulletin of the Faculty of Law of the Azerbaijan State University named after V.I. Lenin. – Baku, 1929. – Issue IV. – С. 63–82; 1929. – Issue V–VI. – С. 81–112 // p.92
7. Landkoff S.N. Trade deals. Theory and practice: Agency agreement; Pledge of goods in circulation; Government contracts and supplies; Purchase and sale; Commission agreement; Warehouse storage agreement and warrants; Current account agreement and check / Prof. S.N. Landkoff. – Kharkiv: Legal publishing house of the NKYu Ukrainian SSR, 1929. – 273 p. // P. 254
8. Lamber E. Foreign criticism of the Soviet civil code: Translations of articles / E. Lamber, G. Freund; Ed. and with an essay by S.N. Landkoff. – Kharkiv: Legal publishing house of the NKYu Ukrainian SSR, 1928. – 87 p. // p. 40
9. Rubinstein B.M. The principle of the socio-economic purpose of law in the civil code of the RSFSR / Boris Rubinstein // Soviet law. – М.; Л., 1926. – No. 3. – P. 69–81; No. 4. – P. 59–84 // p.74
10. Raevich S.I. Foreign civil and commercial law: Textbook for universities and a practical guide / Compiled by a team led by S.I. Raevich; Legal Section of the Institute for Foreign Trade Monopoly. – [М.]: State Publishing House “Soviet Legislation”, 1933. – 276 p., Pp. 174–176.
11. Serebrovsky V.I. Review of foreign journals on civil law / Prof. V. Serebrovsky // Scientific notes / Moscow Law Institute of the People's Commissariat of Justice of the USSR. – М.: Legal Publishing House of the NKYu USSR, 1939. – Issue I. – P. 148–160 // p.150.
12. Knocking P.I. The course of Soviet civil law. I: Introduction to the theory of civil law: The Scientific and Political Section of the State Academic Council was admitted as a textbook for Universities and Komuniversities / P.I. Knock; Communist Academy. Section of Law and State. – М.: Publishing House of the Communist Academy, 1927. – 230 p. // p.34; Stuchka P.I. State and law during the period of socialist construction / P. Stuchka // Revolution of law. – М., 1927. – No. 2. – С. 3–26 // p. 15–16.
13. Stuchka P.I. The course of Soviet civil law. II: General part of civil law: The Scientific and Political Section of the State Academic Council was admitted as a textbook for universities and komuniversities / P.I. Knock; Communist Academy. Section of Law and State. – М.: Publishing house of the Communist Academy, 1929. – 376 p. // p. 220
14. Makovsky A.L. On the codification of civil law (1922–2006) / A.L. Makovsky. – М.: Statut, 2010. – 736 p. \ \ p.21

Формирование современного правосознания как инструмент реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации

Скударнов Дмитрий Александрович,

аспирант Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: nonordinaryschool@gmail.com

В контексте актуальных внешнеполитических событий, связанных с постоянными попытками смен существующих политических режимов на постсоветском пространстве, прослеживается четкая тенденция, направленная на уничтожение государственности и создание предпосылок гражданских войн на территориях ряда бывших советских республик. Кроме того, международные транснациональные организованные преступные группировки совершенствуют методы своей противоправной деятельности, направленные на подрыв государственной и общественной безопасности. Правовое регулирование национальной безопасности приобретает принципиально новый облик в условиях современных вызовов. Меняется правовая оценка многих действий, ранее вовсе не подлежащих регулированию со стороны права. Так, например, целый ряд отношений, в которые граждане вступают виртуально, сегодня подлежат оцениванию с точки зрения государственной и общественной безопасности, а также их правомерности. В этой связи деятельность государства должна быть направлена не только на выработку и принятие качественных нормативно-правовых актов в области национальной безопасности, но и на создание условий для их усвоения гражданами. Именно правовое воспитание и развитие современного правового сознания граждан является одним из базовых элементов в сфере правового регулирования национальной безопасности.

Ключевые слова: правовое воспитание, национальная безопасность, информационная безопасность, антинаркотическая политика.

В связи с возросшей необходимостью укрепления и защиты основ Российской государственности, целесообразно уделить особое внимание вопросам правового регулирования национальной безопасности. Также верно отмечено, что «глобальные геополитические изменения, нестабильность внутригосударственных процессов, осложненных экономическими кризисами, сырьевой зависимостью России и жесткими условиями внешней конкуренции, представляют собой угрозу существования Российской Федерации как суверенного государства [1, с. 28]. Одним из основных ресурсов обеспечения безопасности на национальном уровне являются сами граждане, объединенные общими идеологическими, духовно-нравственными и правовыми ориентирами. В качестве базового элемента конструкции безопасности российского государства и общества можно рассматривать воспитательное воздействие, направленное на развитие правовой культуры, правового сознания, патриотизма и гражданственности.

В Конституции РФ сказано, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим...» [2, ст. 67.1]. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года, «национальная безопасность включает в себя государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [3, ст. 6]. В последние годы были утверждены соответствующие данным приоритетам стратегии развития, изменения в действующем законодательстве.

Правовое воспитание можно считать одним из важных инструментов сохранения государственной и общественно-национальной безопасности. Особенно важным и актуальным становится повышение уровня правовой культуры на фоне появления новых форм противоправной деятельности, носящих глобальный характер и представляющим угрозу национальным интересам. В нормативных актах стратегического характера сказано об угрозах, связанных с «неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми и наркоторговлей, и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» [3,

ст. 22]. Здесь же говорится об осуществлении противозаконной деятельности «с использованием информационных, коммуникативных и высоких технологий» [3, 22].

Правовое воспитание является важнейшим инструментом осуществления антинаркотической деятельности. В данной области выделяется сразу несколько важнейших проблем, а именно: формирование осознанного негативного отношения к наркотическим средствам в условиях глобальной тенденции легализации таких легких наркотиков, как марихуана, усовершенствование схем распространения наркотиков через сеть TOR, активное вовлечение в употребление и распространение наркотических веществ несовершеннолетних, правовое регулирование отношений, связанных с пропагандой наркотиков, а также совершенствование нормативно-правовой базы противодействия незаконному обороту наркотиков. Указом президента РФ от 23 ноября 2020 года была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. В ее общих положениях сказано, что «настоящая стратегия является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [3, ст. 1]. Новая антинаркотическая стратегия содержит воспитательный элемент: «...совершенствование педагогических программ и методик профилактики противоправного поведения несовершеннолетних... практики... уделение особого внимания духовно-нравственному воспитанию в образовательных организациях, формирующему у обучающихся устойчивое неприятие незаконного потребления наркотиков» [4, ст. 14].

В настоящее время отмечается рост вовлечения несовершеннолетних в деятельность по употреблению и распространению наркотиков. Подростки являются наиболее активными пользователями глобальной сети интернет, которая часто является инструментом пропаганды лояльного отношения к наркотикам в так называемых передовых и цивилизованных странах. Верно отмечено, что основной причиной употребления молодежью наркотиков является «потеря значительной частью молодежи в минувшее десятилетие социальных надежд и перспектив, неумение и нежелание за них бороться, раздражение и оппозиция по отношению к обществу» [5, с. 75]. Существует еще одна серьезная проблема, связанная с вовлечением представителей подростковой группы в противоправную деятельность по распространению наркотиков. Установленный в законодательстве возраст наступления уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, является причиной использования подростков, не достигших шестнадцати лет в различных схемах распространения наркотических средств. Широкое применение сегодня получили способы организации тайников-«закладок» наркотиков, позволяющих сделать максимально анонимным и безопасным взаимодействие рас-

пространителей и покупателей запрещенных законом веществ. Курьерами для пополнения таких тайников нередко являются подростки, не достигшие возраста уголовной ответственности и получающие за это серьезное вознаграждение. Достижению социально-полезных целей правового воспитания молодежи в сфере антинаркотической деятельности противостоит возможность легкого обогащения с одновременной перспективой освобождения от юридической ответственности. Другой важной проблемой является либерализация законодательства в области противодействия наркотизации. Учитывая рекомендации ВОЗ, комиссия ООН по наркотическим средствам решила «исключить каннабис из списка особо опасных наркотиков» [6]. Процессы по легализации таких легких наркотиков как марихуана уже давно имеют место в США, Канаде, странах Южной Америки и Европы. Таким образом в настоящее время на международном уровне постепенно формируется концепция толерантного отношения к употреблению марихуаны в рекреационных целях. На глобальном уровне через сеть Интернет осуществляется пропаганда свободного употребления наркотиков. Подобные глобальные тенденции несут разрушительные и негативные последствия для национального самосознания. В складывающихся условиях необходимо рассматривать антинаркотическую идеологию как важнейшую часть современного национального правосознания. Именно правовое воспитание может и должно сыграть важнейшую роль в формировании и закреплении в сознании граждан антинаркотических установок. Отсутствие эффективного воспитательного воздействия в конце концов приводит к решению проблемы с помощью максимально жестких мер правового воздействия. Существуют предложения по использованию «антинаркотической концепции силового воздействия, которая должна быть реализована в России и существовала в бывшем СССР» [7, с. 32]. Речь идет о введении уголовной ответственности за употребление наркотических веществ с одной стороны, а также об активном применении психиатрического лечения употребляющих наркотики лиц с другой. Ужесточение санкций можно рассматривать как самый простой способ противодействия наркотизации населения. Но все-таки более важным и эффективным в данном случае является способ, направленный на формирование соответствующих идеологических установок. Сочетание правовых средств в области борьбы с пропагандой наркотиков вместе с одновременным формированием негативного отношения к культуре употребления запрещенных законом веществ может быть очень важным для решения вопросов национальной безопасности.

В условиях развития информационного общества одним из приоритетных направлений, касающихся сохранения национально-государственной целостности является информационная безопасность. Верно отмечено, что «именно традиционные духовно-нравственные ценности, исторически

сложившиеся в России, как основа национально-государственной идентичности, должны рассматриваться в качестве объекта информационного воздействия с целью нанесения вреда национальной безопасности, путем их разрушения, подмены, а в итоге ликвидации духовно-нравственного суверенитета исторической России» [8, с.99]. Справедливо сказано, что «проблема защищенности духовно-нравственной сферы российского общества становится сегодня особенно актуальной и рассматривается в качестве одного из важнейших условий обеспечения национальной безопасности» [9, с. 183]. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы говорится о развитии правосознания граждан и их ответственного отношения в области использования информационных технологий и пользовательской культуры [10, ст. 26]. Представители молодежной группы являются постоянными и активными участниками правоотношений, в виртуальной реальности. Сознание молодых людей подвергается сильнейшему информационному влиянию и его качество очень часто не соответствует таким целям как формирование высоконравственной, законопослушной и компетентной личности. Правовое воспитание в цифровой сфере особенно актуально в своем противостоянии деструктивным информационным воздействиям, угрожающим воспитанию достойных граждан нашей страны. Существуют объективные проблемы, связанные с формированием установок правомерного поведения в сети интернет среди молодежи. Справедливо отмечено, что родители и другие лица, воспитывающие несовершеннолетних, осуществляют лишь минимальный контроль за онлайн-активностью детей. Это связано как с объективной невозможностью обеспечить постоянный контроль, так и с тем, что представители старшего поколения не обладают необходимыми навыками и грамотностью, так как сами используют сетевые компьютерные технологии значительно менее активно [11, с.26].

Важно понимать, что сегодня ряд действий, которые ежедневно и по привычке совершаются пользователями в сети интернет могут иметь правовые последствия. Так, например, в настоящее время наблюдается тенденция привлечения пользователей социальных сетей к уголовной ответственности за «лайки» и «репосты». [12, с.157]. В первую очередь речь идет о привлечении к юридической ответственности за совершение в сети преступлений экстремистской направленности. Так, например, «студент юридического факультета Воронежского института получил 2,5 года колонии-поселения по статье 282 УК РФ. Причины привлечения к ответственности стало то, что во время написания дипломной работы об экстремизме студент скопировал и выложил на своей странице в социальной сети несколько изображений, чтобы провести социологическое исследование. В данных изображениях эксперты нашли лингвистические и психологические признаки воз-

буждения ненависти и вражды к различным группам- коммунистам, евреям, уроженцам Кавказа и Средней Азии, а также призывы к насильственным действиям против власти» [13, с.67].

Россия как любое многонациональное и многоконфессиональное государство должно иметь механизмы защиты от любых проявлений экстремизма. Российская Федерация ведет активную борьбу с любыми его проявлениями в интернет-пространстве. Важное значение здесь имеет повышение уровня правовой культуры молодежи. Молодые пользователи сети нуждаются в полном понимании юридических последствий возникающих в результате опубликования комментариев и размещения репостов определенного информационного содержания. Именно правовая воспитанность пользователей позволит с одной стороны избежать последним уголовной и административной ответственности за действия с контентом экстремистского содержания, а с другой стороны будет способствовать организации безопасного информационного пространства. Вот лишь некоторые рекомендации воспитательного характера для того, чтобы избежать ответственности по ст. 282 УК РФ: «быть осторожным любых высказываниях, которые касаются, чужой национальности расы религии пола нужно придерживаться элементарных норм вежливости, сохранять приватность, проверять реестр экстремистских материалов, быть аккуратным символикой запрещенных в России организаций» [13, с.67].

Анонимность перестает быть привычным доступным благом, которое гарантирует полную действий интернет-пользователей. Информационная безопасность имеет для государства и общества приоритетное значение и требует совершенствования мер правового воздействия в виртуальной реальности. Справедливо сказано, что «сохранять анонимность современном интернете становится практически невозможным-пользователь связан с целым набором различных цифровых идентификаторов, IP- адресов, цифровых подписей, логинов и паролей множество различных аккаунтов и т.д.» [14, с. 20]. Безопасность Российского государства и общества в информационной сфере зависит как от уровня правовой культуры пользователей-граждан, так и отсутствия тенденций злоупотребления правом со стороны соответствующих правоохранительных ведомств. Верно отмечены «два перспективных аспекта решения задачи развития правовой компетенции всех субъектов права, действующих в информационной сфере, при помощи правового просвещения: необходимость выстроить систему формирования адекватного уровня правовой компетенции граждан чтобы обеспечить сдерживание роста числа правонарушений в информационной сфере совершаемых без прямого умысла; и необходимость совершенствовать систему развития и актуализации специфических компетенций профессиональных правоприменителей (правоохранительных органов регуляторов и надзорных органов)» [15, с. 136].

Начиная с двадцатого столетия, стремительно растет уровень технического развития человечества. Двумя главными критериями, определяющими суть любого технического нововведения являются комфорт и безопасность. Особую роль в области обеспечения безопасного взаимодействия с различными техническими средствами играют технико-юридические нормы. Верно сказано, что «в условиях объективной необходимости развития высокотехнологичного промышленного сектора экономики важно понимание роли технико-юридического регулирования в области промышленного производства, которая может быть определена как гарантия безопасности и защиты прав человека» [16, с. 46]. Скорость развития современной техники значительно опережает темпы повышения правовой культуры ее пользователей и создателей. Здесь важно обратить внимание на связь правового воспитания и технико-юридического регулирования общественных отношений в контексте безопасности. Элемент воспитательного воздействия важен не только на этапе использования того или иного технического новшества, но и на этапе его создания. Так, например, в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года изложены основные этические принципы робототехники. Данными нормами следует руководствоваться на стадиях проектирования разработки и использования робототехники. [17, с. 150].

Правовая политика государства в области национальной безопасности является одним из важнейших направлений. С одной стороны, здесь важна мгновенная реакция законодателя на регулярные вызовы быстро меняющейся современной действительности, с другой стороны необходимо своевременно донести до граждан понятную правовую информацию, имеющую значение для их комфорта и безопасности.

Литература

1. Ковалева Н.В. Категории «безопасность» и «техническое регулирование» в системе законодательства Российской Федерации // Вестник КГТУ. Государство и право: вопросы теории и практики. – 2014. – № 4.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от **01.07.2020 № 1-ФЗ**) // Собрание законодательства РФ. – 03.07.2020. – N 31. – ст. 4412.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1. – ст. 212.
4. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 48. – ст. 7710.
5. Воронин Ю.А. Противодействие наркомании и наркопреступности: итоги минувшего и стратегия в наступающем десятилетии // Викимология. – 2021. - № 1. – С. 73–78.
6. Новости ООН [Электронный ресурс]-URL: <http://news.un.org/ru/story/2020/12/1391702>.
7. Шеслер А.В, Шеслер С.С. Концепция контроля как основа Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой социально-гуманитарный аспекты. Материалы международного научно-практического семинара. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Красноярск), 2021 – С. 29–34.
8. Востриков П. П., Коннов И.А, Сомов В.А. Государственная политика обеспечения информационной безопасности в сфере образования и воспитания: политико-правовое исследование: монография / П.П. Востриков, И.А. Коннов, В.А. Сомов; Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации. – Нижний Новгород, 2020. – С. 100.
9. Хабибуллин А.Г., Мурсалимов К.Р. Формирование духовно-нравственных ценностей-отправное начало правовой политики современного российского государства // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 181–194.
10. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 6203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – ст. 2901.
11. Гребеньков А.А., Гребенькова Л.А. Пропаганда социально-негативного поведения среди несовершеннолетних как общественно опасное явление // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 3. – С. 24–28.
12. Букина К.К. Лайк – это призыв или оправдание: уголовная ответственность за «лайки» и «репосты» в социальных сетях // Актуальные вопросы публичного права. Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018. – С. 156–161.
13. Михальцова И.Д. Квалификация преступлений экстремистской направленности в сети интернет // Особенности реализации молодежной политики в вопросах профилактики экстремизма в городе Новосибирске. Сборник материалов IV научно-практического форума. – Новосибирск: Сибирский институт управления филиал РАНХиГС, 2019. С. 66–69.

14. Труфанова Е.О. Приватное и публичное цифровом пространстве: размывание границ// *Galactica media: journal of media studies*. – 2021. – № 1. – С14–38.
15. Гаврилова Ю. Б., Кунашев Ю.М. К вопросу о формировании правовой компетенции субъектов правоотношений в информационной сфере//*Балтийский гуманитарный журнал*. – 2019. – № 2. – С. 134–137.
16. Ковалева Н.В. Техничко-юридическое регулирование как инструмент развития промышленности/ Н.В. Ковалева. – Москва: Инфра-М, 2015. – 79.
17. Макарейко Н.В. Риски правового регулирования цифровой экономики/Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 148–154.

FORMATION OF MODERN LEGAL CONSCIOUSNESS AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Skudarnov D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Within the context of actual international political events that are strongly affiliated with disturbance and destructive activity concerning former soviet republic, we can see trends that may bring civil war situation. Besides, transnational organized criminal groups developing their methods that are dangerous for the stability and safety of state and society. Legal regulation of national safety becomes brand-new while facing new challenges. Many of actions are estimated from the point of law and safety although it had never like this before. For example, vast number of relationships people are in must be noticed as public safe and legal. Thus, state activity must be productive in passing of legislation dedicated to national security from the one hand and effective in bringing it to the citizens from the other. Legal education coupled with legal conscience development are the key elements for legal regulation of national safety.

Keywords: legal education, national safety, informational safety, antidrug policy.

References

1. Kovaleva N.V. Categories of “security” and “technical regulation” in the system of legislation of the Russian Federation// *Bulletin of KSTU. State and law: questions of theory and practice*. –2014. – № 4.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2- FKZ, dated 07.21.2014 No. 11-FKZ, dated 07.01.2020 No. 1-FZ) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 03.07.2020. – N 31. – Art. 4412.
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 “On the national security strategy”// *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 2016. – № 1. – st.212.
4. Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 No. 733 “On approval of the strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030”// *Meeting of the legislation of the Russian Federation*. – 2020. – No. 48. – art. 7710.
5. Voronin Yu.A. Counteracting drug addiction and drug crime: results of the past and strategy in the coming decade// *Victimology*. – 2021. – № 1. – p.73–78.
6. UN News [Electronic resource] – URL: <http://news.un.org/ru/story/2020/12/1391702>.
7. Shesler A.V., Shesler S.S. The concept of control as the basis of the Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation for the period until 2030 // *Countering the drug threat at the present stage: legal, social and humanitarian aspects. Materials of the international scientific-practical seminar*. -Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk), 2021 – p.29–34.
8. Vostrikov P.P., Konnov I.A., Somov V.A. State policy of ensuring information security in the field of education and upbringing: political and legal research: monograph / P.P. Vostrikov, I.A. Konnov, V.A. Somov; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. – Nizhny Novgorod, 2020. – P. 100.
9. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Formation of spiritual and moral values is the starting point of the legal policy of the modern Russian state // *Legal science: history and modernity*. – 2020. – No.11. – S. 181–194.
10. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 6203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”// *Collected Legislation of the Russian Federation*. –2017. – No.20. – st.2901.
11. Grebenkov A.A., Grebenkova L.A. Promotion of socially negative behavior among minors as a socially dangerous phenomenon // *Problems of law enforcement*. – 2019. – No. 3. – S. 24–28.
12. Bukina K.K. Like is an appeal or justification: criminal liability for “likes” and “reposts” in social networks//*Actual issues of public law. Materials of the All-Russian scientific conference of young scientists and students*. -Ekaterinburg: Ural State Law University, 2018. – P. 156–161.
13. Mikhaltsova I.D. Qualification of extremist crimes on the Internet// *Features of the implementation of youth policy on the prevention of extremism in the city of Novosibirsk. Collection of materials of the IV scientific and practical forum*. – Novosibirsk: Siberian Institute of Management-branch of the RANEPa, 2019. – S. 66–69.
14. Trufanova E.O. Private and public digital space: blurring of boundaries//*Galactica media: journal of media studies*. – 2021. – #1. – C14–38.
15. Gavrilova Yu.B., Kunashev Yu.M. To the question of the formation of the legal competence of subjects of legal relations in the information sphere//*Baltic Humanitarian Journal*. – 2019. – #2. – p. 134–137.
16. Kovaleva N.V. Technical and legal regulation as a tool for the development of industry / N.V. Kovaleva. – Moscow: Infra-M, 2015. – 79.
17. Makareiko N.V. Risks of legal regulation of the digital economy / *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. –2019. – № 1. – p. 148–154.

Правовое регулирование деофшоризации в Российской Федерации

Андрианова Наталья Геннадьевна,

соискатель Института государства и права Российской академии наук
E-mail: natalia.g.andrianova@gmail.com

Появление международного антиофшорного регулирования привело к возникновению и развитию законодательного регулирования отношений в сфере деофшоризации в России. С помощью проведения анализа правовых норм и правовых отношений в сфере деофшоризации автор приходит к выводу о возможности выделения деофшоризации в качестве самостоятельного института финансового права ввиду особенности предмета, метода правового регулирования отношений, единства правовых норм, единства содержания правового института, видового состава правовых норм. Многообразие и комплексность правовых отношений позволяет выделить несколько субинститутов в институте деофшоризации, каждый из которых имеет свою специфику в предмете и методе регулируемых отношений, но при этом находится в системной связи с иными субинститутами института деофшоризации. Ввиду сложности и стремительности развития регулирования отношений в сфере деофшоризации для поддержания правомерного поведения в сфере деофшоризации предлагается осуществление деофшоризационного комплаенс-контроля, внедрение механизма предварительного согласования правовых последствий, осуществляемых субъектами института деофшоризации операций.

Ключевые слова: деофшоризация, офшорные юрисдикции, институт финансового права, международное налогообложение, уклонение от уплаты налогов, комплаенс-контроль.

Появление и развитие правового регулирования деофшоризации в России во многом связано с активизацией антиофшорного регулирования на международном уровне. Осознание опасности функционирования офшорных юрисдикций в части предоставления возможностей минимизации и уклонения от налогообложения, незаконной легализации денежных средств, с одной стороны, и попытки создать правовой механизм репатриации капитала и контроля трансграничных операций и зарубежных активов российских налоговых резидентов с другой стороны, привели к возникновению комплекса правовых мер, направленных на деофшоризацию в России. Деофшоризация направлена на противодействие незаконному и недобросовестному использованию офшорных структур при осуществлении предпринимательской деятельности. Среди основных источников правового регулирования деофшоризации в России следует выделить:

- 1) Налоговый Кодекс Российской Федерации [1];
- 2) Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2];
- 3) Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» [3];
- 4) Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [4];
- 5) Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» [5];
- 6) Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6];
- 7) Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7];
- 8) Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ «О специальных административных районах

на территориях Калининградской области и Приморского края» [8];

9) Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» [9].

Выделение данного перечня источников правового регулирования сферы деофшоризации предопределено тем кругом угроз, которые возникают в связи с «вредоносным» характером воздействия офшорных юрисдикций на российскую экономику, создание специальных административных районов на территории России является правовым механизмом, обеспечивающим возможность редомициляции иностранных компаний на территорию России, а процесс добровольного декларирования был направлен на стимулирование репатриации капитала в Россию.

Многоаспектный характер правового регулирования отношений в сфере деофшоризации в России позволяет проанализировать возможность обособления деофшоризации как самостоятельного института финансового права. Правовой институт в финансовом праве – это «первичное самостоятельное структурное подразделение данной отрасли, где правовые нормы группируются по их содержанию» [10, с. 42]. Поскольку это первичное объединение правовых норм, то можно говорить о том, что предмет правового регулирования института права уже предмета правового регулирования подотрасли или отрасли финансового права. Своеобразие предмета правового регулирования влечет возможность появления специфики в методе правового регулирования, также для того, чтобы судить о наличии самостоятельного правового института нужно проанализировать такие критерии как юридическое единство правовых норм, единство содержания правового института, видовой состав правовых норм.

Поскольку целевая направленность возникновения правового регулирования деофшоризации заключается в создании условий для налогообложения трансграничных операций и зарубежных активов российских налоговых резидентов при повышении прозрачности финансовых операций, то можно выявить связь деофшоризации с процессом аккумулирования денежных средств в публичные денежные фонды. Аккумулирование денежных средств традиционно [11, с. 49–50] является элементом предмета российского финансового права.

Главенствующим методом правового регулирования отношений в сфере деофшоризации является императивный метод ввиду преимущественного установления обязывающих норм и норм-запретов в сфере деофшоризации. Например, обязанность уведомлять налоговые органы от открытых зарубежных счетов (вкладах) преследует информационную и контрольную функции. При этом условно-диспозитивный метод правового регулирования также имеет ограниченное применение в сфере деофшоризации. Например, осуществление редомициляции является правом налогоплательщика, при этом в случае принятия решения

о редомициляции следующая за этим решением последовательность действий строго регламентирована законом, т.е. условно – диспозитивный метод имеет применение в рамках вступления в некоторые категории отношений, при этом дальнейшее поведение лиц строго регламентировано нормами финансового права. Полнота регулирования сферы деофшоризации достигается за счет сочетания уполномочивающих, обязывающих и запрещающих норм в сфере деофшоризации.

Отношения в сфере деофшоризации связаны с регулированием отношений с офшорными юрисдикциями, иностранными организациями или зарубежными активами, принадлежащими российским резидентам, в этом заключается единство содержания правовых норм в сфере деофшоризации. Комплексный подход и закрепление правовых норм, входящих в состав иных подотраслей и институтов финансового права, позволяет обеспечить системный подход к правовому регулированию отношений в сфере деофшоризации в России. Юридическое единство правовых норм в сфере деофшоризации обеспечивается и действием общих принципов, распространяющимся на всю совокупность отношений в сфере деофшоризации, главными из которых являются законность и определенность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деофшоризация является самостоятельным комплексным институтом российского финансового права. Институт деофшоризации относится к особенной части финансового права ввиду того, что регулирование сферы деофшоризации осуществляется налогово-правовыми, валютно-правовыми, банковско-правовыми мерами, мерами в сфере противодействия легализации денежных средств и мерами, направленными на репатриацию капитала, при этом деофшоризация как институт финансового права обладает собственными предметом правового регулирования не схожим с предметом правового регулирования иных подотраслей и институтов финансового права. Обособление института деофшоризации наряду с другими институтами в системе финансового права обеспечивает завершенность и целостность системы финансового права в современных условиях.

Комплексный характер отношений в сфере деофшоризации позволяет выделить в рамках структуры института деофшоризации несколько субинститутов – объединений норм права в еще более узкие группы чем институт права по признакам предмета и метода правового регулирования, однородности и системности. Предлагается выделение следующих субинститутов в институте деофшоризации:

- 1) субинститут противодействия уклонению от уплаты налогов и злоупотреблению нормами финансового права с использованием иностранных юрисдикций;
- 2) субинститут противодействия незаконной легализации денежных средств с использованием иностранных юрисдикций;

3) субинститут репатриации активов на территорию Российской Федерации;

4) субинститут финансового контроля в сфере деофшоризации.

Каждый из выделенных субинститутов отличается, прежде всего, спецификой предмета и метода правового регулирования, а также находится во взаимосвязи с иными подотраслями и институтами финансового права. Так, например, в субинституте репатриации активов на территорию Российской Федерации прослеживается ограниченное применение условно-диспозитивного метода правового регулирования. Данный субинститут находится во взаимосвязи с иными институтами финансового права, т.к. благодаря созданию условий по репатриации капитала в России, в том числе, обеспечивается исполнение обязанностей и норм-запретов в сфере деофшоризации, устанавливаемых иными субинститутами института деофшоризации, а именно субинститутом противодействия уклонению от уплаты налогов и злоупотреблению нормами финансового права с использованием иностранных юрисдикций и субинститутом противодействия незаконной легализации денежных средств с использованием иностранных юрисдикций. Субинститут финансового контроля в сфере деофшоризации позволяет поддерживать правомерное поведение и выявлять, а также пресекать совершение правонарушений в сфере, регулируемой субинститутом репатриации активов на территорию Российской Федерации. Аналогичные виды взаимосвязей прослеживаются и между другими выделенными субинститутами.

Стремительное развитие правового регулирования отношений в сфере деофшоризации ставит вопрос о контроле исполнения многочисленных обновляющихся норм и правил в сфере деофшоризации.

С одной стороны, предлагается развитие комплаенса, а именно практики соблюдения требований действующего законодательства, а также выявление и анализ последней правоприменительной и судебной практики в сфере деофшоризации. Для этого представляется эффективным внедрение и развитие деофшоризационного комплаенс-контроля, заключающегося в обеспечении соблюдения требований законодательства в сфере деофшоризации за счет отслеживания и анализа организациями и физическими лицами, осуществляющими трансграничные операции и владение зарубежными активами, всех последних законодательных изменений, судебной и правоприменительной практики в сфере деофшоризации, проверке соответствия деятельности организации или физического лица таким требованиям. В крупных организациях для эффективной реализации деофшоризационного комплаенс-контроля рекомендуется разработка деофшоризационной комплаенс-политики.

С другой стороны, необходимо развитие процедур по предварительному согласованию

с уполномоченными государственными органами последствий совершаемых физическими лицами и организациями операций в сфере деофшоризации для осуществления со стороны таких государственных органов предварительного контроля операций и фиксации их правовых последствий как для субъектов института деофшоризации, так и для уполномоченных государственных органов.

Таким образом, можно говорить об обоснованности выделения деофшоризации как самостоятельного комплексного института особенной части финансового права. Разносторонний характер правового регулирования мер по деофшоризации в России позволяет сделать вывод о возможности выделения ряда субинститутов в институте деофшоризации, находящихся в системной взаимосвязи и обеспечивающих комплексное регулирование деофшоризации в России. Для поддержания правомерного поведения в сфере деофшоризации предлагается осуществление деофшоризационного комплаенс-контроля и внедрение механизма предварительного согласования правовых последствий, осуществляемых субъектами института деофшоризации операций.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3418.
3. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4859.
4. Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Собрание законодательства РФ, 13.05.2013, № 19, ст. 2306.
5. Федеральный закон от 15.02.2016 № 23-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.02.2016, № 7, ст. 911.
6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 227-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4353.

7. Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.06.2015, № 24, ст. 3367.
8. Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Собрание законодательства РФ, 06.08.2018, № 32 (часть I), ст. 5084.
9. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // Собрание законодательства РФ, 06.08.2018, № 32 (часть I), ст. 5083.
10. Финансовое право: учебник для бакалавров/ под ред. И. А. Цинделиани. М.: Проспект, 2016.
11. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.

REGULATION OF DEOFFSHORIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Andrianova N.G.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

The emergence of international anti-offshore regulation has led to the emergence and development of legislative regulation of relations in the field of deoffshorization in Russia. By analyzing legal norms and legal relations in the field of deoffshorization, the author comes to the conclusion of the possibility to allocate deoffshorization as an independent institution of financial law due to the peculiarities of the subject, the method of legal regulation of relations in this sphere, the unity of legal norms, the unity of the content of the legal institution, the composition of legal norms. The complexity of legal relations in the sphere of deoffshorization makes it possible to distinguish several sub-institutions in the institution of deoffshorization, each of which has its own specifics in the subject and method of relations, but at the same time is in systemic connection with other sub-institutions of the institute of deoffshorization. In order to maintain lawful behavior in the field of deoffshorization, it is proposed to carry out

deoffshorization compliance control, introduce a mechanism for preliminary coordination of legal consequences of operations carried out by the subjects in the sphere of deoffshorization.

Keywords: deoffshorization, offshore jurisdictions, financial law institute, international taxation, tax evasion, compliance-control.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part one) dated 31.07.1998 No. 146-FZ// Assembly of Legislation of the Russian Federation, No. 31, 03.08.1998, Art. 3824.
2. Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" //Legislative Assembly of the Russian Federation, 13.08.2001, No. 33 (Part I), Art. 3418.
3. Federal Law of 10.12.2003 No. 173-FZ "On Currency Regulation and Currency Control" //Legislative Assembly of the Russian Federation, 15.12.2003, No. 50, Art. 4859.
4. Federal Law of 07.05.2013 No. 79-FZ "On the Prohibition of Certain Categories of Persons to Open and Have Accounts (Deposits), Store Cash and Valuables in Foreign Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation, Own and/or Use Foreign Financial Instruments" //Russian Legislative Assembly, 13.05.2013, No. 19, Art. 2306.
5. Federal Law of 15.02.2016 No. 23-FZ "On Amending the Budget Code of the Russian Federation" //Assembly of Legislation of the Russian Federation, 15.02.2016, No. 7, Art. 911.
6. Federal Law of 13.07.2015 No. 227-FZ "On Amendments to the Federal Law" On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs" //Assembly of Legislation of the Russian Federation, 20.07.2015, No. 29 (Part I), Art. 4353.
7. Federal Law of 08.06.2015 No. 140-FZ "On voluntary declaration by individuals of assets and accounts (deposits) in banks and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" //Assembly of Legislation of the Russian Federation, 15.06.2015, No. 24, Art. 3367.
8. Federal Law of 03.08.2018 No. 291-FZ "On Special Administrative Regions in the Territories of the Kaliningrad Region and Primorsky Territory" //Legislative Assembly of the Russian Federation, 06.08.2018, No. 32 (Part I), Art. 5084.
9. Federal Law of 03.08.2018 No. 290-FZ "On International Companies and International Funds" //Collection of Legislation of the Russian Federation, 06.08.2018, No. 32 (Part I), Art. 5083.
10. Financial law: textbook for bachelors/ed. I.A. Tsindeliani. M.: Prospect, 2016.
11. Krokhina J.A. Financial law of Russia: textbook. M.: Norma: INFRA-M, 2021.

Нормативное регулирование реализации принципа прозрачности бюджета

Васькина Алина Александровна,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: vaskina.aa@students.dvfu.ru

Монахов Герман Дмитриевич,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: monakhov.gd@students.dvfu.ru

Кузьменко Екатерина Сергеевна,

студент, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: kuzmenko.es@students.dvfu.ru

В данной работе авторами была проанализирована сущность принципа прозрачности бюджета, а также была установлена его связь с косвенно закреплённым в Конституции Российской Федерации правом на публичную информацию. Также авторами данной научной статьи было установлено значение эффективной реализации данного принципа как для российской экономики, так и для российского общества в целом. Во второй половине работы авторами был проведён сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства в направлении обеспечения реализации принципа прозрачности бюджетного процесса. Кроме того, авторами были выявлены и проанализированы ключевые проблемы реализации принципа прозрачности бюджета, а также предложены пути их решения, а именно было предложено принятие отдельного нормативно-правового акта, закрепляющего основы реализации анализируемого принципа.

Ключевые слова: принцип прозрачности бюджета, право на информацию, бюджетный процесс, бюджет, доступ к информации, Международный валютный, Закон «О публичной информации».

Затяжной экономической кризис в Российской Федерации, обусловленный рядом факторов, на первое, главными из которых являются высокий уровень коррупции и отсутствие широко используемых инструментов для контроля наполняемости бюджета и расходованием целевых денежных средств и привлечение широкой общественности к процессу осуществления данного контроля ставит перед российским законодателем всё новые вызовы, касающиеся совершенствования законодательства, в том числе тех норм и механизмов, которые обеспечивают реализацию основополагающих принципов бюджетного процесса.

Бюджет – это наиболее важный политический документ, являющийся прежде всего неким контрактом между государством и обществом, в котором государство обязуется показывать общественности то, каким образом привлекаются денежные средства в государственную казну и каким образом они распределяются для достижения в первую очередь экономических и социально значимых целей общества, получая в качестве встречного предоставления доверие и поддержку со стороны общества.

И краеугольным камнем обеспечения эффективности бюджетного процесса является принцип прозрачности. Именно эффективность реализации принципа прозрачности бюджета является залогом обеспечения «легализации» всех расходов и доходов внутри государства и залогом роста доверия потенциальных инвесторов и кредиторов в лице Международного валютного фонда (МВФ) и Международного бюджетного партнёрства (МБП).

Разными авторами принцип прозрачности определяется по-разному. Так, Г. Коппиц определяет прозрачность бюджета как открытость правительства для общественности, которая характеризуется полным доступом точной, полной и понятной и сопоставимую на международном уровне информации о своей деятельности, чтобы участники рынка и избиратели могли наиболее точно оценить финансовое состояние страны и реальные затраты и выгоды от правительственных мер, реализуемых ею в бюджетном секторе [3]. Другой американский учёный, С. Ким характеризует принцип прозрачности как открытую систему управления, предоставляющую открытый и свободный доступ к публичной информации [5]. Данной позиции также придерживаются и многие отечественные учёные.

Своё понимание прозрачности бюджета давали и некоторые международные организации. Так, ОЭСР под бюджетной прозрачностью понимает своевременное, регулярное и полное раскрытие

финансовой информации. Международный валютный фонд в своём Кодексе фискальной прозрачности также дал своё определение бюджетной прозрачности: «Бюджетная прозрачность рассматривается как характеристика правительства, характеризующаяся открытостью для общественности информации о государственном бюджете за предыдущие годы, тактических и стратегических целях бюджетной политики, а также структуре и функциях правительства, которые определяют эту политику и ее результаты».

Как можно заметить, принцип прозрачности бюджетного процесса тесно связан с правом на информацию, которое, будучи впервые отражённым во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, получило своё закрепление как и в других международно-правовых актах, так и в Конституциях разных государств, в том числе и в российской Конституции, хоть оно в ней и закреплено лишь косвенно. О праве на информацию в Российской Федерации говорят и отдельные федеральные законы. Так, в ст. 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указано, что: «Гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы» [11]. Можно сказать, само отражение в Конституции РФ права на информацию в некотором роде предопределяет признание принципа прозрачности бюджета и обеспечение его реализации.

В мировом сообществе часто встречается мнение о том, что именно право на информацию является одним из ключевых элементов в построении демократического общества [1]. Однако данное право, дарованное Конституцией как одно из важнейших, для своего реального претворения в жизнь должно быть подкреплено необходимыми условиями, повсеместными гарантиями и действенными механизмами как закреплёнными законодательно, так и существующими в социальном порядке того или иного общества. И само существование данного права безусловно зависит от реального обеспечения реализации принципа прозрачности бюджета.

Несмотря на то что в обновлённом рейтинге Индекса прозрачности бюджета IBP (international budget partnership) Россия занимает 14 место, имея равную оценку с Францией и, к слову, отставая всего на 2 пункта от США и опережая на 3 пункта Канаду, в настоящее время в отечественном бюджетном процессе существует ряд ключевых проблем, связанных с реализацией принципа прозрачности бюджетного процесса [4]. Так, одной из ключевых проблем реализации данного принципа является увеличения доли закрытых расходов федерального бюджета. В 2020 году доля закрытых расходов составила 13% [9]. Как правило, подобные расходы идут на «силовые» статьи

расходов, а также на «несиловые» пункты расходов, связанные с подготовкой военных специалистов, производство продукции двойного назначения и т.д. Безусловно, вопросы государственной тайны и соблюдения государственных интересов не должны игнорироваться и порицаться общественностью, однако сокрытие информации о финансировании подобных закрытых статей расходов должны соотноситься с законодательно закреплённым перечнем расходов, связанных с государственной тайной.

В том случае, если закрытый доступ к информации некоторых пунктов финансирования в области обеспечения обороноспособности страны ещё можно объяснить, понять целесообразность изъятия из публичного доступа информации о субсидировании ряда отраслей гражданского производства, а также некоторых государственных корпорации, Роскосмоса и Росатома в частности, представляется крайне затруднительным действием.

Увеличение доли «секретных» расходов федерального бюджета, по нашему мнению, является большой угрозой для соблюдения принципа прозрачности бюджетного процесса и, соответственно, права граждан на информацию. Более того, подобное явление может привести к крайне негативным последствиям для российской экономики. Все мы помним плачевный опыт бюджетного процесса позднего Советского Союза, при котором бюджет формировался таким образом, что о реальном положении дел в экономике страны не были осведомлены не только рядовые граждане, но и абсолютное большинство государственных чиновников высшего ранга. Подобная ситуация отчасти и привела к крушению советской экономики и стала одной из причин провала экономических реформ середины 90-х годов прошлого века, когда «творцы» тех реформ в следствие отсутствия какой-либо бюджетной документации, сильно переоценили возможности российской экономики и недооценили положение позднего советского «хозяйства».

В связи с этим, принцип прозрачности бюджета необходимо рассматривать не только как инструмент для осведомлённости граждан о расходовании государственных бюджетных средств, соблюдения из права на информацию, но и как профилактическое лекарство для государственной экономики, как средство самоконтроля от злоупотребления властными полномочиями в области формирования бюджета.

Не менее важной проблемой следует признать обзорный характер публикуемой государственными и муниципальными органами власти информации как о формировании бюджета, так и о его реализации. Часто при характеристике принципа прозрачности бюджета, а также при разговорах об эффективности его реализации, акцент делается прежде всего на его реализацию. Однако данная стадия бюджетного процесса – это не весь его процесс, и даже не безусловно важная его стадия. Формирование бюджета – это та стадия, прозрачность прохождения которой отражает по-

казатели национальных доходов и даёт гражданам понимание того, в каком состоянии находятся те или иные отрасли гражданского производства, а также дают уверенность в том, что действительно все доходы национального бюджета действительно учтены в рамках составленного бюджета.

Ещё одной проблемой для эффективной реализации указанного принципа является трудные для понимания с крайне обобщённой информацией документы, касающиеся бюджетного процесса. Отсутствие детализированности в них не даёт общественности полного понимания того, куда действительно расходуются целевые денежные средства. Более того, по нашему мнению, стоит брать во внимание низкий уровень финансовой грамотности российского населения, который характеризуется отсутствием навыков владения специальной терминологией, а также невозможностью анализировать большой пласт информации. При непонимании населением информации о бюджетном процессе, по нашему мнению, невозможна вообще какая бы то ни была реализация принципа прозрачности бюджета. И даже при формальном соблюдении всех условий открытости, доступности и прозрачности публичной информации, отсутствие условий для её понимания населением не позволит говорить о реальной реализации данного принципа.

По нашему мнению, решением описанных выше проблем, связанных с реализацией принципа прозрачности бюджетного процесса, может стать принятие отдельного нормативно-правового акта, посвящённого дефиниции, критериям определения, обеспечению реализации принципа прозрачности бюджета, как это было, к примеру, сделано в Республике Польша. Принцип прозрачности бюджета красной нитью проходит через все положения Закона Республики Польша «О публичных финансах», который изначально задумывался польским законодателем в качестве того нормативно-правового акта, который обеспечивал бы реализацию конституционного права граждан на доступ к публичной информации, имея в своей основе два принципа – гласность и прозрачность [8].

Безусловным достоинством данного нормативно-правового акта является закрепление понимания законодателем понятий «прозрачность» и «открытость». Согласно Закону, прозрачность означает «возможность получить бесплатный доступ к информации обо всех финансовых операциях с публичными финансами». Также параграф 1 Закона устанавливает случаи, когда можно отступить от принципа прозрачности. В качестве таковых упоминаются правила и положения международных договоров, позволяющих в тех или иных случаях отступить от реализации данного принципа, а также в качестве таковых называются случаи, перечисленные в Законе «О защите секретной информации» [2], Закон «О главном свидетеле» и Законе «О защите персональных данных» [7].

Ещё одним достоинством данного закона следует назвать чётко установленные критерии от-

крытости и прозрачности бюджетного процесса. Так, рассмотрение проекта бюджета, принятого бюджета, обсуждения и утверждения отчетов об исполнении бюджета в Нижней палате парламента и Сенате, а также представителями местного самоуправления должна соответствовать требованиям открытости.

Устанавливается обязанность публиковать сведения о долгосрочных финансовых планах муниципалитетов, об объёме субсидий, выделяемых из государственного бюджета и бюджетов муниципалитетов, субсидии, выделяемые из государственных целевых фондов.

Более того, обязательными данными для публикации Законом называется информация о контрактах, заключённых представителями частного сектора, сведения о размере средств, выделённых на оплату бюджетных обязательств публично-правовых образований, участвующих в гражданско-правовом обороте в форме юридических лиц. Кроме того, должностные лица Национального фонда здравоохранения обязаны публиковать данные об источниках доходов и расходов, подробностях соглашений Фонда, их существенных условиях и расходах, что также обосновано необходимостью проведения принципа прозрачности бюджета.

Принятие данного Закона в 2009 году очень положительно сказалось на реализации принципа прозрачности бюджета в Польше. Так, в рейтинге Индекса прозрачности бюджета IBP с 2008 по 2012 [10] год Польша поднялась на 8 позиций, что было явно достигнуто не без влияния Закона «О публичных финансах». К слову, за этот же период Россия опустилась в этом рейтинге на 16 позиций.

По нашему мнению, участникам российского бюджетного процесса на всех уровнях, как на высшем государственном, так и на муниципальном, не хватает единого понимания критериев реализации принципа прозрачности бюджета и критериев разграничения ситуаций, в которых возможно отступление от данного принципа. В данный закон необходимо включить расширенные критерии отчётов о расходовании целевых денежных средств для органов местного самоуправления, государственных органов субъектов Российской Федерации и федеральных органов власти. Так, данное нововведение позволит исключить проблему крайней широты статей доходов и расходов отчётов, которая не даёт общественности детального понимания того, куда действительно расходуются целевые денежные средства.

Касательно проблемы, связанной с пониманием информации о бюджетном процессе широкими слоями населения, представляется, что будет целесообразно установить в предполагаемом нами законе критериев и требований относительно доступности для понимания публикуемой информации. Также, по нашему мнению, важнейшую роль в устранении проблемы финансовой грамотности должны сыграть социальные проекты, направленные на повышение уровня финансовой грамотности граждан.

Также в данном законе необходимо закрепить то, в каких случаях те или иные статьи расходов в федеральном бюджете допускается включать в категорию «секретные расходы». Опасность бесконтрольного отнесения расходов к данной категории, как было описано нами ранее, может крайне негативно отразиться как на экономическом развитии отечественной экономике, так и на инвестиционном климате в России. Эту проблему должен решить предлагаемый нами закон путём закрепления критериев допустимости и закрепления механизма проверки соответствия тех или иных расходов установленным критериям. Да, проработка такого механизма потребует больших усилий, особенно при решении вопроса нахождения баланса между сохранением государственной тайны и государственных интересов и соблюдением принципа прозрачности бюджета и правом российских граждан на публичную информацию.

Считаем важным обратить внимание на ряд актов ОЭСР (хоть Россия и не является его членом) и МВФ. В частности, на Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере, изданное МВФ в 2007 году, которое по восторженным откликам специалистов финансового права в разных уголках мира имело эпохальное значения для установления единообразной и целостной системы по совершенствованию бюджетного процесса в разных странах мира. И данный документ являет собой замечательный пример и шаблон, с помощью которого российское национальное законодательство в сфере бюджетного права может быть построено в соответствии с нормами и стандартами международного права.

В заключение, хотелось бы ещё раз подчеркнуть важность эффективной реализации принципа прозрачности бюджета. Открытость, гласность и прозрачность бюджетного процесса и вовлечение широких масс в него – это ключ к решению проблем Российской Федерации, связанных с коррупцией, с неэффективным использованием целевых денежных средств, инвестиционным климатом и с доверием зарубежных кредиторов к российской экономике. И только осознание того, что данный принцип имеет в своей основе далеко не только формальные признаки доступности и открытости публичной информации, но и её детализированность и адаптированность для понимания гражданами, могут обеспечить реализацию данного принципа и как следствие решение многих экономических проблем и рост доверия граждан к российским властям по вопросам не только касающихся бюджетного процесса.

Литература

1. A. Jamróz, *Demokracja współczesna. Wprowadzenie*, Białystok 1993, p. 137
2. Dz. U. 2007 nr 36 poz. 232.
3. Kopits G. *Transparency in Government Operations//International monetary Fund*. – Access mode: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/op/158/op158.pdf>

cess mode: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/op/158/op158.pdf>

4. Rankings. *Open Budget Survey: [Electronic resource] // International Budget Partnership – URL: https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/rankings*
5. *Toward Participatory and Transparent Governance: Report on the Sixth Global Forum on Reinventing Government.* Public Administration Review/P. Suk Kim, J. Halligan, N. Cho, C.H. Oh, A.M. Eikenberry. – 2005. – № 65 (6). – P. 646–654.
6. USTAWA z dnia 5 sierpnia 2010 r. o ochronie informacji niejawnych
7. USTAWA z dnia 29 sierpnia 1997 r. o ochronie danych osobowych
8. Uzasadnienie z dnia 23 kwietnia 2005 r. do projektu ustawy o finansach publicznych, Druk Sejmowy nr 1182.
9. *Закрытые траты бюджета по разделу экономики в пандемию поставили рекорд: [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/05/10/2021/6156fc2d9a79478100fe69e0*
10. *Отчет Международного бюджетного партнерства (IBP) об индексах открытости бюджетов стран за 2012 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://internationalbudget.org/wpcontent/uploads/OBI2012-Report-English*
11. *Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ*

REGULATORY REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF BUDGET TRANSPARENCY

Vaskina A.A., Monakhov H.D., Kuzmenko E.S.
Far Eastern Federal University

In this paper, the authors analyzed the essence of the principle of budget transparency, and also established its connection with the right to public information indirectly enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Also, the authors of this scientific article have established the importance of the effective implementation of this principle both for the Russian economy and for Russian society as a whole. In the second half of the work, the authors carried out a comparative legal analysis of foreign legislation in the direction of ensuring the implementation of the principle of transparency of the budget process. In addition, the authors identified and analyzed the key problems of implementing the principle of budget transparency, and also proposed ways to solve them, namely, it was proposed to adopt a separate legal act that establishes the foundations for implementing the analyzed principle.

Keywords: principle of budget transparency, right to information, budget process, budget, access to information, International Monetary Law, Law on Public Information.

References

1. A. Jamróz, *Demokracja współczesna. Wprowadzenie*, Białystok 1993, p. 137
2. Dz. U. 2007 nr 36 poz. 232.
3. Kopits G. *Transparency in Government Operations//International monetary Fund*. – Access mode: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/op/158/op158.pdf>
4. Rankings. *Open Budget Survey: [Electronic resource] // International Budget Partnership – URL: https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/rankings*

5. Toward Participatory and Transparent Governance: Report on the Sixth Global Forum on Reinventing Government.' Public Administration Review/P. Suk Kim, J. Halligan, N. Cho, C.H. Oh, A.M. Eikenberry. – 2005. – № 65 (6). – P. 646–654.
6. USTAWA z dnia 5 sierpnia 2010 r. o ochronie informacji niejawnych
7. USTAWA z dnia 29 sierpnia 1997 r. o ochronie danych osobowych
8. Uzasadnienie z dnia 23 kwietnia 2005 r. do projektu ustawy o finansach publicznych, Druk Sejmowy nr 1182.
9. Closed budget spending on the division of the economy in a pandemic set a record: [Electronic resource] // RBC. Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/05/10/2021/6156fc2d9a79478100fe69e0>
10. Report of the International Budget Partnership (IBP) on the indices of open budgets of countries for 2012 [Electronic resource] – Access mode: <http://internationalbudget.org/wpcontent/uploads/OBI2012-Report-English>
11. Federal Law “On information, information technologies and information protection” dated July 27, 2006 N 149-FZ.

Обеспечительные меры защиты вещных прав и законного владения в рамках судебных споров

Габолаев Георгий Владимирович,
генеральный директор, ООО «ГАБО»
E-mail: Gabolaev.georgiy@yandex.ru

Защита вещных прав и законного владения представляет собой совокупность мер и способов, закрепленных законодательно и имеющих целью признание или же восстановление данных прав, а также последующую защиту этих прав. В статье рассмотрены основные этапы защиты вещных прав и законного владения. Обеспечительные меры в рамках судебного спора служат способом защиты вещных прав и законного владения пострадавшего лица в условиях, когда вторая сторона спора предпринимает попытки скрыть оспариваемое имущество либо другим способом уйти от обязательств. Запрашиваемые в ходатайстве обеспечительные меры должны быть соразмерны требованию истца. Автором в статье рассмотрены виды обеспечительных мер защиты вещных прав и законного владения, применяемые в рамках судебных споров, а также порядок установления данных мер.

Ключевые слова: обеспечительные меры, судебный акт, арест имущества, ходатайство, стороны судебного спора.

Имущество, находящееся в собственности у граждан\юрлиц\РФ\субъектов РФ\МО подлежит судебной защите в равной степени (согласно ст. 212 ГК РФ [1]). Защита вещных прав и законного владения в России представлена средствами и способами, прописанными в ГК РФ, основной целью которых является восстановление данных прав и последующая защита. Защита вещных прав и законного владения представляет собой судебный процесс. Основные этапы защиты вещных прав и законного владения [7]:

1. Составление заявления, сбор всех необходимых документов, согласно АПК РФ (ст. 125–126). Истец, в частности, должен приложить документы – подтверждение своих прав на рассматриваемое имущество, а также факты нахождения этого имущества у ответчика, факт отсутствия договорных отношений между истцом и ответчиком. В иске также необходимо указать весь перечень оспариваемого имущества.

2. Подача заявления в суд. Физические лица подают в районный или городской суд, юрлица – в арбитражный. При подаче иска, предмет спора которого является недвижимое имущество, иск необходимо подавать по месту нахождения такого имущества.

3. Проверка заявления, приложенных документов, право собственности истца, правомерность заявленных прав.

4. Вынесение судебного решения.

Обеспечительные меры в рамках судебного спора служат способом защиты вещных прав и законного владения пострадавшего лица в условиях, когда вторая сторона спора предпринимает попытки скрыть оспариваемое имущество либо другим способом уйти от обязательств. При всей важности обеспечительных мер в гражданско-процессуальном кодексе нет четкого определения какие именно меры могут быть применены в судебном процессе, данный вопрос рассматривается более подробно в судебных актах. В рамках судебных споров применение обеспечительных мер возможно по следующим причинам:

- без данных мер исполнение судебного решения будет представлять некую сложность;
- без указанных мер невозможно восстановление справедливости.

Принятие или отмену обеспечительных мер может просить только участник данного судебного спора, необходимо внести ходатайство, неуполномоченному лицу суд откажет. В ходатайстве о применении обеспечительных мер необходимо указать причины, согласно которым может быть

утрачен спорный предмет. Самым важным требованием к составлению ходатайства является наличие исчерпывающих доказательств, согласно которым обеспечительные меры должны быть применены судом в обязательном порядке и срочно (п. 2 ст. 139, п. 3 ст. 140 ГПК РФ [5]). Доказать важность применения обеспечительных мер должен именно заявитель ходатайства. В случае, если доказать необходимость применения мер не представляется возможным – суд вправе отказать в применении данных мер, так как согласно судебным решениям – обеспечительные меры являются только правом, но никак не обязанностью [3]. Участник судебного спора вправе подать ходатайство о необходимости применения обеспечительных мер в любой момент рассмотрения иска, например при подаче самого иска. Стоит отметить, что суд по своему усмотрению и без детального рассмотрения ходатайства с предоставлением доказательств необходимости мер не может налагать меры обеспечения по иску. В свою очередь ответчик может опротестовать применение обеспечительных мер и предоставить свои доказательства, в ходе рассмотрения которых данные меры могут быть отменены или оставлены в силе, если ответчик не сможет привести убедительные доводы.

Несмотря на всю важность предоставления доказательств необходимости применения обеспечительных мер в законе не определен конкретный перечень этих доказательств. Заявитель ходатайства может требовать применение конкретных мер к спорному имуществу или как вариант, наложение ареста на имущество ответчика на определенную сумму.

Рассмотрим меры, которые допустимы судебными актами в качестве обеспечительных мер защиты вещных прав и законного владения.

1. Арест спорного имущества.

Арест возможен только после предоставления доказательств о необходимости данного действия, а также описания возможных отрицательных последствий. Арест может быть наложен вне зависимости от того, в чьем фактическом владении находится данное имущество (ответчика или третьих лиц).

2. Запрет каких-либо правовых операций с оспариваемым имуществом.
3. Приостановка продажи рассматриваемого имущества. В данном случае необходимо предоставить в суд доказательства, что ответчик имеет цель реализовать спорное имущество, если это не будет доказано – суд вправе отказать.
4. Запрет на изменение регистрационных данных в ЕГРП.
5. Приостановление взыскания по ИП.
6. Запрет передачи оспариваемого имущества третьим лицам (п. 2 ст. 926 ГК РФ).

Запрашиваемые в ходатайстве обеспечительные меры должны быть соразмерны требованию истца. В ходе рассмотрения ходатайства судом

оценивается связь запрашиваемых мер и конкретного предмета спора, последствия применения данных мер и как именно данная мера будет обеспечивать в действительности сохранность оспариваемого имущества. Соразмерность является оценочной категорией и не регламентируется четко законом.

Принятые судом обеспечительные меры должны быть официально представлены в соответствующие госорганы. В делах касаясь средств массовой информации применение обеспечительных мер согласовывается на основании гл. 13 ГПК РФ [5]. В ходе судебного спора судья может разрешить применение нескольких обеспечительных мер или применить иные чем рассмотренные в данной статье меры. При нарушении данных мер обеспечения иска (нарушении обозначенных запретов) на виновное лицо может быть наложен штраф, размер его и порядок наложения определяется в гл. 8 ГПК РФ [5]. В этом случае истец имеет право требовать от виновных лиц возмещения убытков, если таковые были.

Судом рассматривается ходатайство о применении обеспечительных мер, решение чаще всего выносится быстро – в день поступления. Далее исполнительный лист выдается истцу, копия при этом обязательно высылается ответчику. Следующим шагом идет уведомление соответствующих органов о наложении ограничений в отношении оспариваемого имущества. Если в ходе судебного спора было принято решение о смене одной обеспечительной меры на другую – порядок действий остается таким же.

Автором в статье рассмотрены основные обеспечительные меры защиты вещных прав и законного владения в рамках судебных споров. Однако стоит отметить, что данное право с каждым годом все реже реализуется судом. Согласно исследованию «Право.ru» [6] с 2018 года прослеживается уменьшение общего количества удовлетворенных ходатайств о применении обеспечительных мер в судебном споре. Согласно статистике [6] первое место среди обеспечительных мер занимает – арест спорного имущества и запрет на распоряжение им, 2 место – запрет регистрационных действий, 3 место – приостановление взыскания, ликвидации и на последнем месте значится запрет пользования деньгами, в том числе счетами в банке.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/
2. Хузмиева М.Б. Защита права собственности и иных вещных прав от посягательств. – Краснодар, 2009.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.01.2016 по делу № 33а-470/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1002204#Ha4GGvS63mm6RKdt.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695065/>
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/5359982979c645078ed8ea4ce7b77e65f7e9403a/
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/news/215282/?desc_search=
7. Хасаншин Р. И., Хасаншина Ф.Г. Усмотрение в вещном праве // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 4 (131). – С. 201–202.

INTERIM MEASURES OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS AND LEGAL POSSESSION IN THE FRAMEWORK OF JUDICIAL DISPUTES

Gabolaev G.V.
LLC “GABO”

The protection of property rights and legal possession is a set of measures and methods enshrined in law and aimed at recognizing or restoring these rights, as well as the subsequent protection of these rights. The article discusses the main stages of the protection of property rights and legal possession. Interim measures

in the framework of a judicial dispute serve as a way to protect the property rights and legal possession of the injured person in conditions when the second party to the dispute attempts to hide the disputed property or in another way to evade obligations. The interim measures requested in the petition must be proportionate to the plaintiff's claim. The author considers the types of interim measures of protection of property rights and legal possession applied in the framework of judicial disputes, as well as the procedure for establishing these measures.

Keywords: interim measures, judicial act, seizure of property, petition, parties to a court dispute.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation. [electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/
2. Khuzmиеva M.B. Protection of property rights and other property rights from encroachments. – Krasnodar, 2009.
3. Appeal ruling of the Moscow City Court of 14.01.2016 in case No. 33a-470/2016. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1002204#Ha4GGvS63mm6RKdt>.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 29, 2010 No. 10/22 “On some issues arising in Judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other proprietary rights.” [electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695065/>
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 30.12.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 10.01.2022). [electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/5359982979c645078ed8ea4ce7b77e65f7e9403a/
6. [Electronic resource]. – Access mode: https://pravo.ru/news/215282/?desc_search=
7. Khasanshin R. I., Khasanshina F.G. Discretion in property law // Eurasian Legal Journal. – 2019. – № 4 (131). – Pp. 201–202.

К вопросу о сущности и проблемах реализации института индексации присужденных денежных сумм

Гордеев Кирилл Владимирович,

студент, юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: gordeev.kv@students.dvfu.ru

Онищук Мария Ярославовна,

студент, юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: onishchuk.mia@students.dvfu.ru

Морозова Анна Александровна,

студент, юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: morozova.aale@dvfu.ru

В настоящем исследовании рассматривается институт гражданского процесса – индексация присужденных денежных сумм. Авторами анализируется сущность рассматриваемого института, которая проявляется в возмещении финансовых потерь от инфляции. В связи с нестабильностью национальной валюты Российской Федерации индексация присужденных сумм является необходимым инструментом для восстановления нарушенных прав граждан, что доказывает её актуальность. Авторами также отмечается, что указанный институт гражданского процесса не является эффективным ввиду нарушения законодателем принципа правовой определённости в конструкции статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В завершение своего исследования авторы приходят к мнению, что необходимо внести изменения в процессуальное законодательство в части урегулирования таких вопросов, как порядок расчёта размера индексации, начало периода применения индексации.

Ключевые слова: индексация присужденных сумм, гражданский процесс, проблемы, правовая определённость, расчёты, начало периода применения индексации.

Индексация присужденных денежных сумм является важнейшим институтом гражданского процесса, выступающим гарантией права на удовлетворение иска. Отметим, что присужденные суммы представлены в виде денежных средств, которые имеют инфляционные свойства. Инфляция, будучи распространённым явлением в экономике любого государства, представляет собой устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги¹. Например, по предварительным данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации в 2021 году инфляция достигла своего максимума с 2015 года и составила 8,39%². Тем самым, присужденные судебными органами суммы в своём денежном эквиваленте в виду инфляционных процессов могут обесцениваться. С целью предотвращения этого негативного явления и существует институт индексации³.

Следует отметить, что указанный институт не является мерой гражданской или иной ответственности и применяется независимо от вины лица, обязанного выплатить денежные средства. Обратим внимание, что на данный факт также указывают Конституционный⁴ и Верховный Суды Российской Федерации⁵. При этом индексация присужденных денежных сумм не лишает права требовать присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство (исполнение судебного акта) в разумный срок⁶. На основании вышеуказанного можно сделать вывод о том, что институт индексации существует с единственной целью предотвращения инфляционных процессов.

Рассматриваемый институт регулируется статьей 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Законодатель закрепил, что по заявлению взыскателя или должника суд,

¹ Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации // URL: https://www.cbr.ru/dkp/about_inflation/ (дата обращения: 10.12.2021).

² Инфляция в РФ в 2021 году разогналась до 8,4% // Портал «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/813268> (дата обращения: 11.01.2022).

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 77-КГ17–14 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2018 № 35-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2014 № 81-КГ14–17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

рассмотревший дело, может произвести индексацию взысканных судом денежных сумм на день исполнения решения суда в случаях и в размерах, которые предусмотрены федеральным законом или договором. Обратим внимание, что указанная норма неоднократно становилась предметом обжалования в Конституционном Суде Российской Федерации в связи с её правовой неопределённостью¹.

Во-первых, следует отметить, что процессуальный закон не устанавливает порядок расчётов размера индексации, а также не закрепляет, что именно необходимо использовать при подсчётах.

Как мы уже отмечали выше, индексация устанавливается в размерах, которые предусмотрены федеральным законом или договором². Однако до 1 января 2005 года действовал Закон РСФСР от 24.10.1991 № 1799-1 «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР», который устанавливал, что для индексации в связи инфляцией используется индекс потребительских цен. На данный момент федерального закона, который бы устанавливал размер индексации, не существует. При этом Конституционный Суд Российской Федерации, признав не соответствующей Конституции Российской Федерации статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, возложил обязанность на законодателя внести изменения в процессуальный закон, позволяющие судам индексировать присужденные денежные суммы на основании заявлений взыскателей или должников и тем самым реально восстанавливать их право на правильное и своевременное исполнение решения суда. При этом Конституционный Суд Российской Федерации установил, что впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, в целях реализации статьи 208 в случаях, когда условия и размер индексации присужденных денежных сумм не установлены договором, надлежит использовать в качестве критерия индексации утверждаемый Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации индекс потребительских цен³.

Во-вторых, процессуальный закон не закрепляет каким образом необходимо осуществлять расчёты индексации. Отметим, что, на наш взгляд, это не самое простое занятие.

¹ См. напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2018 № 35-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.01.2021 № 1-П.

² Отметим, что в 2018 году Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ была введена возможность установить размер такой индексации договором или федеральным законом. До 2018 года в процессуальном законе вообще не было нормы о размере индексации. Таким образом, законодатель встал на путь установления определённости данной нормы, но не завершил его, при этом фактически передал решение указанной проблемы на усмотрение участников материально-правовых отношений.

³ Указанные позиции высказаны Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23.07.2018 № 35-П и Постановлении от 12.01.2021 № 1-П.

Так, индекс потребительских цен представляет собой процентное изменение цен⁴. Обратим внимание, что согласно разъяснениям Верховного суда Российской Федерации, индексация производится по росту индекса потребительских цен⁵. В связи с чем, при расчётах не должны учитываться индексы, если они составляют менее 100%⁶, так как в данном случае происходит уменьшение индексируемой суммы, а не её увеличение, что не соответствует целям индексации.

Более того, процессуальный закон не устанавливает временной предел применения индексации. В статье 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации закреплено, что индексации подлежат денежные суммы на день исполнения решения суда. Однако индекс потребительских цен рассчитывается Федеральной службой государственной статистики на полный месяц. В связи с чем в судебной практике возникает неоднородность по вопросу о возможности индексации в сроки менее месяца. Верховный Суд Российской Федерации, отменяя решения нижестоящих судов, обращает внимание на то, что поскольку закон не устанавливает минимальный срок, за который может быть исчислена компенсация в порядке статьи 208, то нельзя согласиться с выводами о невозможности применения индексации в сроки, составляющие менее одного месяца⁷.

Также нельзя не обратить внимание на то, что законодатель определил лишь предельный срок индексации, которым выступает день исполнения решения суда, при этом не указав начало течения срока, с которого взысканные суммы должны быть проиндексированы. Отметим, что по указанному вопросу позиции судебных органов также расходятся. Так, Московский городской суд считает, что при расчёте индексации необходимо использовать только индексы за целые месяцы, начиная с месяца, следующего за датой вынесения решения суда, и заканчивая месяцем, предшествовавшим выплате⁸. Впрочем, высшие судебные орга-

⁴ Например, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации на ноябрь 2021 года составлял 101%.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.07.2018 по делу № 5-КГ18-152 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ См. напр.: Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 23.08.2016 по делу № 33-10172/2016; Апелляционное определение Саратовского областного суда от 17.05.2016 № 33-2784/2016 по делу № 33-2784/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 18.01.2016 № 33-31335/2015 33-583/2016 по делу № 33-31335/2015; Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 23.07.2015 № 33-7525/2015 по делу № 33-7525/2015.

⁷ См. напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2015 № 81-КГ14-15; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2014 № 81-КГ14-17.

⁸ См. Определение Московского городского суда от 16.06.2016 по делу № 33-23315/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021). Необходимо отметить, что аналогичная позиция содержится в следующих судебных актах: Решение Братского районного суда Иркутской области № 2-4610/2019 2-655/2020 2-655/2020(2-

ны Российской Федерации придерживаются иной позиции. В частности, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что моментом присуждения денежных сумм является день вынесения судебного акта¹. Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации². По нашему мнению, следует согласиться с позициями высших судов. Иное бы означало нарушение права на удовлетворение иска, так как в случае следования первой позиции компенсация инфляционных потерь осуществляется не в полном объеме.

В-третьих, на данный момент не существует механизма для индексации присужденных сумм по отношению к юридическим лицам. В соответствии с Официальной статистической методологией организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчёта индексов потребительских цен³ определение индекса потребительских цен характеризует изменение во времени общего уровня цен на товары и услуги, приобретаемые населением для непроизводственного потребления. Таким образом, индекс потребительских цен не может применяться по отношению к юридическим лицам, а значит механизма защиты интересов организаций на данный момент попросту не существует.

На основании анализа судебной практики нами сделаны выводы о необходимости внесения изменений в статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Отметим, что на момент написания данного исследования Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении рассмотрела и единогласно одобрила законопроект № 1207285–7⁴, в котором в качестве критерия индексации закрепляется индекс потребительских цен. При этом законодатель закрепил данный критерий в качестве факультативного на случай, если иное не предусмотрено федеральным законом или договором. Таким образом, вместо того чтобы разработать и принять полноценный закон, который бы устанавливал конкретные критерии как

¹ См. напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2018 № 47-КГ18–11; от 20.01.2015 № 81-КГ14–15; от 09.12.2014 № 81-КГ14–17; от 30.06.2009 № 74-Г09–12.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 703-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

³ Приказ Росстата от 30.12.2014 № 734 «Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчёта индексов потребительских цен» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

⁴ Законопроект № 1207285–7 «О внесении изменения в статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1207285-7> (дата обращения: 12.01.2021).

для физических, так и для юридических лиц, законодатель решил исполнить обязанность, возложенную на него Конституционным Судом Российской Федерации несколько лет назад. В связи с чем, вопросы порядка и сроков осуществления индексации так и останутся без законодательного урегулирования.

В завершение своего исследования хотим обратить внимание, что на наш взгляд, в статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации необходимо внести изменения, в части определения порядка и периода осуществления индексации присужденных сумм. Однако указанных мер недостаточно. Законодателю совместно с органами исполнительной власти предстоит «кропотливая» работа над разработкой критериев такой индексации для физических и юридических лиц. По нашему мнению, указанные меры сделают данный институт эффективным средством для реализации права на удовлетворение иска.

Литература

1. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 23.07.2015 № 33–7525/2015 по делу № 33–7525/2015 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 10.12.2021).
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.01.2016 № 33–31335/2015 33–583/2016 по делу № 33–31335/2015 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 10.12.2021).
3. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 23.08.2016 по делу № 33–10172/2016 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 10.12.2021).
4. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 17.05.2016 № 33–2784/2016 по делу № 33–2784/2016 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 10.12.2021).
5. Законопроект № 1207285–7 «О внесении изменения в статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1207285-7> (дата обращения: 12.01.2021).
6. Инфляция в РФ в 2021 году разогналась до 8,4% // Портал «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/813268> (дата обращения: 11.01.2022).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2018 № 47-КГ18–11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2014 № 81-КГ14–17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2015 № 81-КГ14–15 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2009 № 74-Г09-12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.07.2018 по делу № 5-КГ18-152 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 703-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
13. Определение Московского городского суда от 16.06.2016 по делу № 33-23315/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 77-КГ17-14 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2014 № 81-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
16. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации // URL: https://www.cbr.ru/dkp/about_inflation/ (дата обращения: 10.12.2021).
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.01.2021 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2018 № 35-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).
20. Приказ Росстата от 30.12.2014 № 734 «Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчёта индексов потребительских цен» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2021).

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE AND PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF INDEXING OF THE AWARDED SUMS OF MONEY

Gordeev K.V., Onishchuk M. Ya., Morozova A.A.
Far Eastern Federal University School of Law

In this study, the authors consider the institution of civil procedure – the indexing of awarded sums of money. The authors have established the essence of the institution in question, which manifests itself in the compensation of financial losses from inflation. Due to the instability of the national currency of the Russian Federation, the indexation of the awarded amounts is a necessary tool for restoring the violated rights of citizens, which proves its relevance. The au-

thors note that this institution of civil procedure is not effective due to the violation by the legislator of the principle of legal certainty in the construction of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. At the end of their research, the authors propose to amend the procedural legislation regarding the settlement of such issues as: the procedure for calculating the amount of indexing; the beginning of the period of application of indexing.

Keywords: indexing of the awarded amounts, civil proceedings, problems, legal certainty, calculations, the beginning of the period of application of indexing.

References

1. The appeal ruling of the Volgograd Regional Court dated 23.07.2015 No. 33-7525/2015 in case No. 33-7525/2015 // GAS “Justice” (date of appeal: 10.12.2021).
2. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 18.01.2016 No. 33-31335/2015 33-583/2016 in case No. 33-31335/2015 // GAS “Justice” (date of appeal: 10.12.2021).
3. Appeal ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court of 23.08.2016 in case no. 33-10172/2016 // GAS “Justice” (date of appeal: 10.12.2021).
4. Appeal ruling of the Saratov Regional Court dated 17.05.2016 No. 33-2784/2016 in case No. 33-2784/2016 // GAS “Justice” (date of appeal: 10.12.2021).
5. Draft Law No. 1207285-7 “On Amendments to Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation” // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1207285-7> (accessed: 12.01.2021).
6. Inflation in the Russian Federation in 2021 accelerated to 8.4% // Interfax portal. URL: <https://www.interfax.ru/business/813268> (accessed: 11.01.2022).
7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 47-KG18-11 dated 02.10.2018 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2014 No. 81-KG14-17 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.01.2015 No. 81-KG14-15 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.06.2009 No. 74-G09-12 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.07.2018 in case No. 5-KG18-152 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.03.2016 No. 703-О // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
13. Ruling of the Moscow City Court of 16.06.2016 in case no. 33-23315/2016 // SPS “ConsultantPlus” (date of application: 10.12.2021).
14. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.06.2017 No. 77-KG17-14 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
15. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2014 No. 81-KG14-17 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
16. Official website of the Central Bank of the Russian Federation // URL: https://www.cbr.ru/dkp/about_inflation/ (date of request: 10.12.2021).
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P of 12.01.2021 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.07.2018 No. 35-P // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 dated 29.03.2016 // SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 10.12.2021).
20. Rosstat Order No. 734 dated 30.12.2014 “On approval of the Official Statistical Methodology for the Organization of statistical monitoring of consumer prices for goods and services and calculation of consumer price indices” // SPS “ConsultantPlus” (date of application: 10.12.2021).

Права и обязанности субъектов, осуществляющих государственный надзор и муниципальный контроль целевого использования земельных участков

Костенко Евгений Александрович,

соискатель, директор по правовым вопросам, ООО «Аэропорт Девелопмент»

E-mail: oripsis@mail.ru

В статье автор анализирует формы и методы государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля. Исследует в динамике источники определяющие и регулирующие формы и методы государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля. Автор выявляет основные формы и методы выявления нарушений земельного законодательства в части нарушения режима целевого использования земельных участков. Автор системно анализирует целесообразность и обоснованность применения риск-ориентированного подхода при вынесении решения о проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Исследует обоснованность и целесообразность применения «индикатора риска» при принятии решения о проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Автор приходит к выводу о нецелесообразности применения «индикаторов риска». Автор исследует целесообразность и обоснованность применения проверочных листов при проведении контрольных (надзорных) мероприятий и дает ряд рекомендаций, позволяющих повысить эффективность контрольных (надзорных) мероприятий.

Ключевые слова: государственный земельный надзор, муниципальный земельный контроль, целевое использование, риск-ориентированный подход, «индикатор риска», проверочный лист.

Продолжая исследования в области государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в части целевого использования земельных участков предлагаем обратиться к проблемам прав и обязанностей субъектов, осуществляющих соответствующий надзор и контроль.

Правовой статус субъектов, осуществляющих государственный надзор и контроль целевого использования земельных участков, берет свое начало в Земельном кодексе РФ [1].

Объем полномочий, а также прав и обязанностей органов, осуществляющих государственный надзор и муниципальный контроль, раскрывается в Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2]. Специальные полномочия, права и обязанности для органов, осуществляющих государственный земельный надзор предусмотрены «Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» утвержденном Постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 [3].

Не смотря на то что и Федеральный закон от 31.07.2020 № 284-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и «Положение о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» утвержденное Постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 вступили в силу в 2021 году. Редакция Административного регламента осуществления Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственного земельного надзора утвержденная Приказом Росреестра 2019 года, [4] осталась неизменной.

Указанным Административным регламентом предусмотрено право должностного лица проводить «предварительные проверки» поступившей информации, [5] которое выражается в запросе дополнительной информации, как письменной, так и устной, как у лица предоставившего сведения о событии и возможном правонарушении, так и непосредственно у субъекта проверки. Предоставление запрашиваемой информации не является обязательным. При получении дополнительной информации и подтверждении наличия признаков правонарушения допускается назначение внеплановой проверки. При этом ни Положением, ни Регламентом не урегулирован вопрос последствий не предоставления субъектом запрашиваемой информации.

В обязанности должностных лиц, осуществляющих государственный земельный надзор, в том числе входит проведение плановых и внеплановых проверок. Проведение указанных мероприятий, по сути является основным способом выявления нарушений целевого использования земельных участков, за нарушение которых законодательством Российской Федерации предусмотрена административная ответственность.

В целом спектр прав и обязанностей должностных лиц, осуществляющих государственный земельный надзор достаточно широк. Полагаем, что для реализации указанных прав и обязанностей, должностные лица Росреестра должны обладать высокой степенью компетенции в области земельного и градостроительного законодательства, административного права и административного процесса, делопроизводства и т.д., а также высокими моральными и нравственными качествами.

Следует обратить внимание на открытость перечня прав должностных лиц, предусмотренных п.п. 10 п. 7 Административного регламента, что на наш взгляд, порождает широту толкования полномочий и затрудняет защиту субъектов в отношении которых проводится проверка, а также влечет возможность злоупотребления со стороны уполномоченных лиц, осуществляющих государственный земельный надзор.

Учитывая, что основными функциями Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, все-таки являются государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, проведение государственного кадастрового учета недвижимого имущества, землеустройство, государственный мониторинг земель, навигационное обеспечение транспортного комплекса. Возникает очевидный вопрос в достаточной ли мере должностные лица Росрееста осуществляющие государственный земельный надзор обладают требуемой компетенцией и мотивацией.

С.М. Зырянов отмечает, что в статусе должностного лица контрольно-надзорного органа переплетаются разрешительные, контрольно-надзорные и административно-юрисдикционные полномочия. Должностное лицо участвует в разработке обязательных требований, соблюдение которых оно впоследствии проверяет. В результате у должностного лица возникает личная заинтересованность в установлении заведомо невыполнимых, необоснованно затратных, избыточных требований. Действующая система оценки эффективности и результативности деятельности должностного лица контрольно-надзорного органа основана на «палочной системе», искажающей мотивацию должностного лица, ориентирующей его на поиск признаков формальных нарушений обязательных требований, не влияющих на безопасность деятельности проверяемого объекта. Обоснована необходимость гармонизации законодательства о государственном контроле (надзоре), законодательства об административных правонарушениях

и законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан, в частности содержащих сведения о нарушениях обязательных требований [6].

Полагаем, что проблема компетенции и мотивации должностных лиц органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный контроль очевидна и нуждается в дальнейшей, глубокой проработке.

Следует отметить еще один государственный орган исполнительной власти которому присуще проведение проверок, в том числе целевого использования земельных участков. Речь идет о Росимуществе РФ.

Право проведения проверок целевого использования земельных участков у должностных лиц Росимущества возникает в отношении земельных участков федеральной собственности, предоставленных в аренду. Может создаться впечатление, что это не значительный пласт правообладателей не заслуживает внимания, тем не менее это не совсем верно. Например, на черноморском побережье Краснодарского края большая часть земельных участков ограничены в обороте, чаще всего это связано с включением территорий, в том числе из земель населенных пунктов в особо охраняемые природные территории [7]. В связи с чем возможность приобретения в собственность земельных участков входящих в состав особо охраняемых природных территорий сведена к минимуму.

В настоящее время критерии отнесения курортов к особо охраняемым природным территориям изменились, но ранее введенные о особо охраняемые территории курорты сохранены в составе особо охраняемых природных территорий.

С.Р. Багаутдинова в своих исследованиях отмечает, что при буквальном толковании законодательства, можно прийти к выводу о том, что правовой режим курортов и земель в границах курортов в настоящее время зависит от даты создания курорта [8], а Э.А. Грядя указывает что в целом в отношении земель курортов существует некоторая законодательная неопределенность [9].

Как следствие на данных территориях широко распространены арендные отношения и в случае если в аренду предоставлен земельный участок федеральной собственности, возникает контроль целевого использования со стороны арендодателя – Росимущества РФ.

Приказом Минэкономразвития РФ от 26.10.2011 № 598 утвержден Административный регламент по исполнению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной функции по проведению проверок использования имущества, находящегося в федеральной собственности (далее – Регламент) [10].

В соответствии с указанным Регламентом, Росимущество вправе проводить плановые проверки в соответствии с утвержденным графиком, а также, при определенных обстоятельствах внеплановые проверки. Также предусмотрено право должностных лиц Росимущества, в рамках проверки фактов сведений о сохранности федераль-

ного имущества, проводить проверки в том числе на предмет установление фактов неиспользования, неэффективного использования или использования не по целевому назначению объектов недвижимого имущества, включая земельные участки [11].

Первое на что стоит обратить внимание, при проведении проверки целевого использования предоставленного в аренду земельного участка федеральной собственности – это отсутствие возможности со стороны проверяемых Росимуществом субъектов требовать соблюдения норм федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [12], поскольку действие указанного федерального закона не распространяется на указанные проверки со стороны Росимущества. Графики проверок Росимущества формируются по иному принципу нежели графики Росреестра или органа местного самоуправления уполномоченного осуществлять земельный контроль. В связи с чем возможны проверки со стороны Росимущества и органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный контроль, в отношении одних и тех же субъектов с аналогичным предметом проверки, в частности целевого использования земельных участков.

Ст. 42 и 43 Земельного кодекса РФ, по сути уравнивают в правах собственников и арендаторы земельных участков. Соответственно совершенно не обосновано право проведения дополнительных проверок целевого использования земельных участков федеральной собственности со стороны должностных лиц Росимущества, в том числе, с правом самостоятельного требования досрочного расторжения договора аренды в случае выявления признаков нецелевого использования земельного участка, без проведения специальных исследований присущих государственному земельному надзору.

В указанном случае, полагаем более правильным был бы подход перенаправления должностными лицами Росимущества сведений о возможном нарушении в части целевого использования земельных участков в том числе и федеральной собственности, в адрес уполномоченных органов, осуществляющих государственный земельный надзор или муниципальный контроль. И только в случае подтверждения факта нецелевого использования земельного участка федеральной собственности Росимуществом может быть инициирован иск о расторжении договора аренды земельного участка.

Рассмотрим правовой статус субъектов, осуществляющих муниципальный контроль целевого использования земельных участков. Муниципальный земельный контроль осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Феде-

рации, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов местного самоуправления [13].

Во исполнение указанных положений ст. 72 Земельного кодекса РФ, например, нормативными актами Краснодарского края [14] и города Краснодара [15] определены права, обязанности и ответственность инспекторов, осуществляющих муниципальный земельный контроль.

Следует обратить внимание на факт того, что муниципальный земельный контроль, по сути не является полностью самостоятельным, его эффективность во многом зависит от взаимодействия с органами государственного земельного надзора.

В частности, в соответствии с Порядком взаимодействия между федеральными органами государственного земельного надзора с органами, органами муниципального земельного контроля, проекты ежегодных планов муниципальных проверок до их утверждения направляются органами муниципального земельного контроля на согласование в территориальные органы федеральных органов государственного земельного надзора [16].

Процесс согласования плана муниципальных проверок абсолютно оправдан и преследует цель недопущения проведения контрольно/надзорных мероприятий в отношении одних и тех же субъектов.

Также органы муниципального контроля, в случае выявления в ходе проведения проверки нарушения требований земельного законодательства, за которое законодательством Российской Федерации предусмотрена административная и иная ответственность, в течение 3 рабочих дней со дня составления акта проверки направляют копию акта проверки с указанием информации о наличии признаков выявленного нарушения в структурное подразделение территориального органа федерального органа государственного земельного надзора. Должностными лицами государственного земельного надзора, по результатам рассмотрения представленных материалов принимает решение о возбуждении дела об административном правонарушении либо об отказе.

Рассмотрев права и обязанности должностных лиц, осуществляющих муниципальный земельный контроль и государственный земельный надзор, в целом практически идентичны. Существенным отличием является наличие права должностных лиц, осуществляющих государственный земельный надзор, в случаях выявления нарушений режима целевого использования земельных участков, выдавать обязательный к исполнению предписание и осуществлять составление протоколов об административных правонарушениях.

Отсутствие у должностных лиц, осуществляющих муниципальный земельный контроль права составления протоколов об административных правонарушениях и/или вынесении нарушителю обязательных к исполнению индивидуальных пра-

вовых актов, как следствие, отсутствие ориентированности на недопущение и предотвращение нецелевого использования земельных участков субъектами земельных отношений, существенно снижает полезный эффект земельного контроля и сводит суть работы должностных лиц к объему выявленных нарушений в парадигме больше – лучше. Тем не менее, полагаем что муниципальный контроль должен носить исключительно назидательный характер, соответственно, наделение органов муниципального контроля полномочиями вынесения обязательных к исполнению предписаний, считаем достаточным.

Подводя общий итог статьи полагаем очевидны следующие выводы.

Необоснованность полномочий должностных лиц Росимущества в части проведения проверок целевого использования земельных участков. Порождает избыточность и бесконтрольность количества и качества проверок в отношении субъектов земельных отношений, не являющихся собственниками земельных участков. А также влечет возможность дополнительного неблагоприятного последствия для указанных субъектов в форме расторжения договора аренды земельного участка, фактической утратой права на земельный участок.

Полагаем, что решение обозначенных в статье вопросов в части прав и обязанностей субъектов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль, позволит существенно продвинуться в вопросе регулирования земельных отношений между субъектами, осуществляющими государственный земельный надзор, муниципальный контроль с одной стороны и правообладателями земельных участков в отношении которых проводятся контрольно/надзорные мероприятия.

Литература

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022). [1], [13]
2. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». [12]
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 06.12.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2]
4. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об особо охраняемых природных территориях». [7]
5. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» (вместе с «Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)») [3]
6. Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 № 2019 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих федеральный государственный земельный контроль (надзор), с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [16]
7. Приказ Минэкономразвития РФ от 26.10.2011 № 598 «Об утверждении Административного регламента по исполнению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом государственной функции по проведению проверок использования имущества, находящегося в федеральной собственности». [10], [11]
8. Приказ Росреестра от 18.06.2019 № П/0240 «Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственного земельного надзора». [4], [5]
9. Закон Краснодарского края от 04.03.2015 № 3126-КЗ (ред. от 22.07.2021) «О порядке осуществления органами местного самоуправления муниципального земельного контроля на территории Краснодарского края» [14]
10. Решение городской Думы Краснодара от 16.07.2009 № 58 п. 28 (ред. от 16.12.2021) «Об утверждении положения о муниципальном земельном контроле на территории муниципального образования город Краснодар» [15]
11. Зырянов С.М. «Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа» [6]
12. Багаутдинова С.Р. «Публичные и частные интересы в регулировании оборотоспособности земель в границах курортов» [8]
13. Грядя Э.А. «Приобретение права частной собственности на земельные участки курортных населенных пунктов: дозволения и запреты» [9]

RIGHTS AND OBLIGATIONS OF SUBJECTS EXERCISING STATE SUPERVISION AND MUNICIPAL CONTROL OF PURPOSE USE OF LAND PLOTS

Kostenko E.A.
Airport Development LLC

In the article, the author analyzes the forms and methods of state land supervision and municipal land control. Investigates in dynamics the sources of determining and regulating forms and methods of state land supervision and municipal land control. The author reveals the main forms and methods of detecting violations of land legislation in terms of violations of the targeted use of land plots. The author systematically analyzes the feasibility and validity of the application of a risk-oriented approach when making a decision to carry out control (supervisory) activities. Examines the validity and feasibility of using the "risk indicator" when making a decision to carry out control (supervisory) activities. The author comes to the conclusion that it is inexpedient to use "risk indicators". The author examines the feasibility and validity of the use of checklists when carrying out control (supervisory) activities and gives a number of

recommendations to improve the effectiveness of control (supervisory) activities.

Keywords State land supervision, municipal land control, targeted use, risk-based approach, "risk indicator", checklist.

References

1. Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended on December 30, 2021) (as amended and supplemented, effective from January 10, 2022). [1], [13]
2. Federal Law of December 26, 2008 N 294-FZ (as amended on June 11, 2021) "On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control". [12]
3. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 6, 2021) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" [2]
4. Federal Law No. 33-FZ of March 14, 1995 (as amended on June 11, 2021) "On Specially Protected Natural Territories." [7]
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1081 "On Federal State Land Control (Supervision)" (together with the "Regulations on Federal State Land Control (Supervision)") [3]
6. Decree of the Government of the Russian Federation of November 24, 2021 No. 2019 "On approval of the Rules for the interaction of federal executive authorities exercising federal state land control (supervision) with authorities exercising municipal land control, and on recognizing certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid" [sixteen]
7. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated October 26, 2011 No. 598 "On Approval of the Administrative Regulations for the Federal Agency for State Property Management to Perform the State Function of Inspecting the Use of Federally Owned Property". [10], [11]
8. Order of Rosreestr dated June 18, 2019 No. P/0240 "On Approval of the Administrative Regulations for the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of State Land Supervision". [4], [5]
9. Law of the Krasnodar Territory dated March 4, 2015 No. 3126-KZ (as amended on July 22, 2021) "On the procedure for the implementation by local authorities of municipal land control in the territory of the Krasnodar Territory" [14]
10. Decision of the City Duma of Krasnodar dated July 16, 2009 No. 58 p.28 (as amended on December 16, 2021) "On approval of the regulation on municipal land control in the territory of the municipal formation of the city of Krasnodar" [15]
11. Zyryanov S.M. "Administrative and legal status of an employee of the control and supervisory authority" [6]
12. Bagautdinova S.R. "Public and private interests in regulating the turnover of land within the boundaries of resorts" [8]
13. Ridge E.A. "Acquisition of the right of private ownership to land plots of resort settlements: permissions and prohibitions" [9]

Особенности продажи имущества сельскохозяйственной организации-банкрота

Косынкин Александр Александрович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: kosynkinaa@yandex.ru

С 2021 года активно стала обсуждаться необходимость внесения изменений в законодательство о банкротстве. Эти изменения касаются, в том числе, стадий проведения торгов по реализации имущества должников-банкротов. Несмотря на поддержку аграрного сектора со стороны государства, количество банкротных процедур сельскохозяйственных организаций не уменьшается.

В данной статье рассмотрены особенности продажи имущества сельскохозяйственной организации-банкрота на стадии конкурсного производства. Несмотря на значительное количество продаж на банкротных торгах имущества сельскохозяйственных организаций, у организаторов торгов, кредиторов, покупателей имущества возникают вопросы к порядку реализации такого имущества, срокам продажи, порядку заключения договора купли-продажи, как имущественного комплекса в целом, так и отдельному виду имущества. Значительное количество арбитражных споров возникает при реализации покупателем имущества сельскохозяйственной организации-банкрота права преимущественной покупки такого имущества. Автором были проанализированы судебные акты по делам, указанной категории и сделаны выводы, отраженные в статье.

Ключевые слова: банкротство, конкурсное производство, торги, сельскохозяйственное имущество, арбитражные споры.

В последние несколько лет, учитывая экономические процессы, проходящие в Российской Федерации, активно стал проявляться интерес по приобретению имущества сельскохозяйственных организаций, которые проходят процедуры банкротства. В частности, наибольшее количество торгов проходит в процедуре конкурсного производства.

Согласно нормам Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) имущество сельскохозяйственной организации реализуется с учетом преимущественного права приобретения имущества должника (ст. 179 Закона о банкротстве).

На практике возникает немало вопросов, связанных с порядком реализации имущества и имущественных прав сельскохозяйственной организации-банкрота на стадии конкурсного производства.

Отнесение организации-банкрота к категории сельскохозяйственной

При изучении арбитражной практики рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) автором был сделан вывод о том, что арбитражными судами субъектов Российской Федерации, по-разному, устанавливался статус организации-банкрота, как сельскохозяйственной. Некоторые суды, уже в своих решениях о введении конкурсного производства, указывали на статус организации, как сельскохозяйственной [1], в ряде случаев, конкурсные управляющие должников в процедуре конкурсного производства обращались в суд, рассматривающий дело о банкротстве с ходатайством о признании за должником статуса сельскохозяйственной организации по правилам § 3 главы IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». [2] Существует и иная практика, согласно которой конкурсный управляющий при определении порядка реализации имущества должника-банкрота выносит на собрание кредиторов положение о порядке, сроках и условиях продажи имущества организации, в котором устанавливает порядок с учетом положений ст. 179 Закона о банкротстве. Для определения статуса организации-банкрота, как сельскохозяйственной, конкурсный управляющий изучает бухгалтерский баланс должника за предыдущий год до введения процедуры наблюдения или конкурсного производства (в случае ликвидации организации), а так же изучает информацию (отчеты), полученную от структурных подразделений Министер-

ства сельского хозяйства Российской Федерации на территории соответствующего субъекта России. И в случае, если документально подтверждаются признаки сельскохозяйственной организации, указанные в пункте 1 статьи 177 Закона о банкротстве, то конкурсный управляющий должен подготовить положение о продаже имущества сельскохозяйственной организации. Если собранием кредитором не утвержден порядок реализации имущества, то рассмотрение вопроса об утверждении порядка продажи имущества передается в суд, рассматривающий банкротное дело.

На наш взгляд принципиальной разницы по вышеуказанным порядкам определения статуса сельскохозяйственной организации нет, но, если дело передается на рассмотрение в суд, то сроки процедуры конкурсного производства могут существенно затянуться.

Не все кредиторы могут одобрить реализацию имущества с учетом ст. 179 Закона о банкротстве, поэтому, если порядок продажи передается на рассмотрение в арбитражный суд, то не исключены стадии апелляции и кассации. [3]

Нежелание кредиторов в таком одобрении объясняется тем, что имущество первоначально будет реализовываться единым комплексом и это затянет процедуру конкурсного производства, а также тем, что конкурсный управляющий имеет потенциальную возможность создать условия неконкурентной борьбы покупателей за такое имущество, хотя, по мнению автора, последний довод является надуманным.

Определение этапов реализации имущества на торгах

В ряде случаев возникают разногласия между кредиторами должника и конкурсным управляющим по определению этапов (стадий) продажи имущества сельскохозяйственной организации-банкрота. В Законе о банкротстве отсутствует конкретная норма, устанавливающая этапы реализации имущества сельскохозяйственной организации. Однако при системном анализе положений статей, регламентирующих продажу имущества должников с учетом специальной нормы – статьи 179 Закона о банкротстве, а также сложившейся арбитражной практики, автор выделяет следующие этапы торгов:

Первый этап: реализация на торгах предприятия, как имущественного комплекса должника. После проведения инвентаризации имущества, оценки его рыночной стоимости и утверждения собранием кредиторов/арбитражным судом порядка продажи имущества, оно выставляется на торги. На первых торгах реализуется все недвижимое, движимое имущество, сельскохозяйственные животные права аренды, интеллектуальная собственность предприятия и т.п., а также дебиторская задолженность должника. Причем, имущество реализуется всё в комплексе, включая и залоговое имущество.

Второй этап: реализация на торгах предприятия, как имущественного комплекса должника (имущество должника, дебиторская задолженность), с ценой на 10% ниже от цены реализации на первых торгах. Состав имущества остается тот же самый, что на первых торгах.

Третий этап: реализация единым лотом производственно-технологического комплекса должника – сельскохозяйственной организации, т.е. того имущества, которое используется для сельскохозяйственной деятельности и отдельная реализация иного имущества. Как правило, в производственно-технологический комплекс (ПТК) включается все имущество, за исключением дебиторской задолженности должника. Это здания, автомобили, самоходные машины, сельскохозяйственное оборудование, животные и т.д., т.е. без чего, не может заниматься производственной деятельностью сельскохозяйственная организация.

Параллельно с реализацией ПТК конкурсный управляющий должен начать самостоятельную реализацию по лотам иного имущества, не входящего в производственно-технологический комплекс.

Четвертый этап: реализация ПТК и иного имущества с ценой на 10% ниже от цены реализации на третьих торгах.

Пятый этап: в случае, если на вышеуказанных этапах имущество реализовано не было, конкурсный управляющий начинает реализовывать имущество отдельными лотами по начальной стоимости каждого вида имущества, определенной в отчете об установлении рыночной стоимости имущества. Залоговое имущество реализуется на основании положения о продаже залогового имущества, утвержденного залоговым кредитором.

Шестой этап: реализация имущества отдельными лотами с ценой на 10% ниже от цены реализации на пятых торгах.

Седьмой этап: реализация всего оставшегося имущества посредством публичного предложения.

Проблемы преимущественного права покупки

Главной особенностью реализации имущества сельскохозяйственной организации является учет конкурсным управляющим права преимущественной покупки такого имущества. До выставления на торги имущества, конкурсный управляющий должен запросить из управления сельского хозяйства на территории которого расположен должник информацию о лицах, занимающихся производством или переработкой сельхозпродукции и о наличии у них земельных участков, граничащих с земельным участком должника-банкрота.

Часть 2 ст. 179 Закона о банкротстве определяет круг лиц, которые имеют преимущественное право в покупке имущества сельскохозяйственной организации перед другими участниками торгов. Данные лица разделяются на несколько катего-

рий: обладающие «первичным» и «вторичным» правом покупки.

Первичное право покупки имеют лица, занимающиеся производством или производством и переработкой сельскохозяйственной продукции и владеющие земельными участками, непосредственно прилегающими к земельному участку должника. Закон не раскрывает критерии покупателей, которые входят в понятие «лица». По этому вопросу существует различная судебная практика. Некоторые суды указывают, что для реализации преимущественного права не имеет значения объем выручки покупателя от реализации сельскохозяйственной продукции, а квалифицирующим признаком является наличие у покупателя на любом праве, включая право аренды, земельного участка, граничащего с земельным участком должника-банкрота [4], другие говорят о том, что первичным преимущественным правом обладают юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющий статус сельскохозяйственного товаропроизводителя (критерии определены Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства») и владеющие земельным участком на любом праве, включая право аренды, земельного участка, граничащего с земельным участком должника-банкрота. [5]

На наш взгляд, первичным преимущественным правом должны обладать лица, имеющие статус сельхозтоваропроизводителя и обладающие земельным участком.

Вторичное преимущественное право принадлежит сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам, расположенным в той же местности, где расположена сельскохозяйственная организация-банкрот, а также субъекту РФ или муниципальному образованию на территории которых зарегистрирован должник.

Организатор торгов после составления протокола о результатах торгов, при наличии победителя, должен уведомить лиц, имеющих преимущественное право покупки о возможности приобретения такого имущества по цене, определенной по итогам торгов. Для этого он публикует сообщение в газете, на территории соответствующего муниципального образования по месту регистрации должника и персонально извещает «преимущественников» согласно сведениям, представленным управлением сельского хозяйства. Если в течение одного месяца никто из лиц, обладающих преимущественным правом покупки, не изъявил желание на приобретение такого имущества, то конкурсный управляющий заключает договор купли-продажи с победителем торгов.

Данное правило по аналогии можно сравнить с продажей имущества находящегося в долевой собственности, где каждый дольщик имеет преимущественное право покупки, в случае отчуждения доли собственником.

На практике возникает значительное количество споров при заключении договора купли-продажи с лицом, имеющим преимущественное

право покупки. Как правило, с иском об оспаривании результатов торгов или о переводе на себя прав и обязанностей покупателя обращается лицо, являющееся победителем торгов. [6] В ряде случаев, иск подается от лица, считающего, что оно имеет преимущественное право покупки, но по какой-то причине не уведомленное организатором торгов. [7]

При рассмотрении таких споров судам необходимо в каждом случае исследовать документы, подтверждающие наличие/отсутствие объема выручки покупателя от реализации сельскохозяйственной продукции, права на земельный участок и его местоположение относительно земельного участка должника-банкрота.

Таким образом, хотя действующее банкротное законодательство при реализации имущества сельскохозяйственной организации направлено на сохранение имущественного комплекса должника, но учитывая значительное количество споров при реализации преимущественного права, оно нуждается в дальнейшей доработке.

Литература

1. Решение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–5846/2013 от 15.11.2016 г., решение Арбитражного суда Республики Марий Эл по делу № А38–12151/2016 от 13.06.2017 г.// СПС «Консультант Плюс».
2. Определение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–3776/2016 от 16.02.2021 г.// СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.11.2021 № Ф09–2602/18 по делу № А50–22829/2016// СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–2567/2013 от 16.11.2018 г. // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение Арбитражного суда Республики Марий Эл по делу № А38–12151/2016 от 04.06.2020 г.; «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020. // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.12.2020 № Ф01–14612/2020 по делу № А11–5931/2014; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.02.2021 № Ф06–18018/2017 по делу № А57–18314/2014// СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.03.2021 № Ф08–129/2021 по делу № А32–32994/2017// СПС «Консультант Плюс».

PECULIARITIES OF THE SALE OF PROPERTY OF A BANKRUPT AGRICULTURAL ORGANIZATION

Kosynkin A.A.

Sredne-Volzhsky Institute (branch) of the Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Since 2021, the need to amend the bankruptcy law had been under active discussion. These changes include the tendering stages for the disposal of debtors' bankrupt assets. Despite the support of the State for the agricultural sector, the number of bankruptcy procedures of agricultural organizations has not decreased.

This article deals with the peculiarities of the sale of the property of an agricultural-economic organization-bankrupt at the stage of competitive production. Despite the large number of sales at bankrupt tenders of the property of agricultural organizations, the organizers, lenders and buyers of the property have questions about the manner in which the property is to be disposed of, the timing of the sale, the manner in which the contract is to be concluded, sales, both to the property complex as a whole and to a separate asset. A significant number of arbitration disputes arise when the buyer of the property of a bankrupt agricultural organization exercises a right of priority for the purchase of such property. The author analysed the judicial decisions in the cases in question and drew the conclusions reflected in the article.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy proceedings, auction, agricultural property, arbitration disputes.

References

1. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia in case No. A39–5846/2013 dated 11/15/2016, decision of the Arbitration Court of the Republic of Mari El in case No. A38–12151/2016 dated 06/13/2017// Consultant Plus SPS.
2. Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia in case No. A39–3776/2016 dated February 16, 2021// Consultant Plus ATP.
3. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District of November 16, 2021 No. F09–2602/18 in case No. A50–22829/2016// Consultant Plus SPS.
4. Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia in case No. A39–2567/2013 dated November 16, 2018. // SPS “Consultant Plus”.
5. Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Mari El in case No. A38–12151/2016 of 06/04/2020; “Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020)” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 2020. // Consultant Plus ATP.
6. Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated December 28, 2020 No. F01–14612/2020 in case No. A11–5931/2014; Decree of the Arbitration Court of the Volga District dated February 11, 2021 No. F06–18018/2017 in case No. A57–18314/2014// Consultant Plus SPS.
7. Ruling of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated March 1, 2021 No. F08–129/2021 in case No. A32–32994/2017// Consultant Plus SPS.

К вопросу о средней степени смешения товарных знаков

Ларионов Игорь Петрович,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: skayboy3939@mail.ru

В настоящей статье проанализирована судебная практика, посвященная вопросу интерпретации новой правовой категории – «средняя степень смешения товарных знаков». Рассматривая разные подходы к интерпретации сущности данной категории в контексте методики определения степени смешения товарных знаков, раскрыты основные аспекты, по которым заявленное к регистрации обозначение и зарегистрированные товарные знаки могут оцениваться как сходные до средней степени смешения. Установлено, что Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) выработала практику отклонять заявку о регистрации нового товарного знака при существовании средней степени смешения заявленного обозначения и зарегистрированных товарных знаков. Данная позиция Роспатента поддержана российскими судебными органами.

Цель статьи – определить сущность и особенности методики определения средней степени смешения товарных знаков.

Методология исследования выстроена на основе анализа судебной практики РФ по анализируемому вопросу.

Новизна исследования заключается в систематизации судебной практики и определении основного показателя средней степени схожести товарных знаков. Средняя степень смешения товарных знаков и обозначений заключается в совпадении одного из элементов заявленного обозначения и словесного элемента зарегистрированного товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, заявленное обозначение, сходство товарных знаков, сходство до степени смешения, средняя степень смешения, элементы товарного знака.

В современной судебной практике появилась новая категория сходства до степени смешения – «средняя». Так в деле № 300-ЭС19–26515 суд первой инстанции сделал вывод о средней степени сходства товарного знака и оспариваемого обозначения. Однако на сегодняшний день в правовом поле РФ не существует категории «средняя степень сходства» товарных знаков. В определении Верховного суда РФ от 17 марта 2020 г. по этому делу указано: «применение судом понятия средней степени сходства не дает возможности определить наличие или отсутствие сходства сравниваемых товарных знаков (обозначений) при проведении их сопоставительного анализа» [1]. В последующем концепция «средней степени сходства» товарных знаков получила свое развитие в судебной практике.

Некоторые конкретизирующие рекомендации по определению сходства разных товарных знаков были приведены в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2006 г., № 2979/06 [2], № 3691/06 [3] и № 16577/11 [4] от 17 апреля 2012 г., а также в п. 37 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом ВС 23 сентября 2015 г., где указано, что вывод о сходстве товарных знаков должен быть сделан на основе восприятия не их отдельных элементов [5], а в целом, т.е. на основании общего впечатления от обозначения. Исходя из этого стоит заключить: если в представленном к анализу обозначении есть несколько различных структурных элементов, один из которых имеет сходство до степени смешения с ранее зарегистрированными товарными знаками, то оценка всего обозначения должна проводиться с точки зрения комплексного ассоциативного восприятия, с установлением ключевого (сильного) индивидуализирующего элемента и его взаимосвязи значимости и положения всех составляющих товарный знак словесных элементов.

В Постановлении № 10 Верховного суда указано, что при проведении оценки степени сходства разных товарных знаков должны учитываться отношения элементов товарного знака и обозначения [6]. Если сходство прослеживается при соотношении сильных элементов товарного знака и обозначения – то элементы схожи до степени смешения. В случаях, когда сходство прослеживается между слабым элементов обозначения и всем зарегистрированным товарным знаком или его частью, то оно не будет расцениваться в качестве сходства до степени смешения. Более того, в п. 162 указано, что сходство лишь неохранных элементов товарного знака и обозначения во внимание не прини-

мается. Собственно, из п. 162 усматривается новая концепция установления сходства в определенной степени, а не по факту наличия сходства, которая заключается в определении таких признаков сходства как степень сходства, степень однородности. При этом на оба этих показателя могут оказывать влияние иные обстоятельства интерпретации степени сходства обозначений. Из этого положения становится очевидным вывод, что для установления факта нарушения о схожести товарных знаков достаточно опасности, а не реального смешения товарного знака и спорного обозначения обычными потребителями.

В решении Суда по интеллектуальным правам от 27 мая 2020 г. концепция «средней степени смешения» была существенно дополнена [7]. При сравнении регистрируемого обозначения и товарных знаков № 516100 и № 518596 установлена «средняя» степень смешения. Сущность «средней степени смешения» раскрывается через призму анализа следующих элементов обозначения и товарных знаков:

1) графический элемент: наличие графического элемента в заявленном обозначении не приводит к отличному зрительному впечатлению с противопоставляемыми товарными знаками;

2) словесный элемент: частично совпадает с противопоставляемыми товарными знаками.

Подчеркнем, что в соответствии с общепринятой методологией определения восприятия потребителем комбинированного обозначения, состоящего из графического и словесного элементов, основное внимание перебирает на себя именно словесный элемент, так как он легче запоминается. Более того, в данном случае слово «голос» из заявленного обозначения стоит в сильной позиции и на самом деле вызывает прямые ассоциативные связи с противопоставляемыми товарными знаками.

В данном случае прослеживается ситуация, когда один из элементов заявленного обозначения полностью совпадает с элементами зарегистрированных товарных знаков. В данном случае следует отталкиваться от позиции Суда по интеллектуальным правам, выраженной в постановлении по делу № СИП-261/2018 от 25.01.2019 г. «не может быть признано полное отсутствие сходства обозначений при наличии одного полностью совпадающего словесного элемента, являющегося единственным словесным элементом противопоставленного товарного знака и одним из двух словесных элементов спорного товарного знака» [8]. Поскольку обозначение по заявке № 2018710957 частично (на 50%) совпадает с единственным словесным элементом товарных знаков № 516100 и № 518596, можно утверждать о реально существующей степени смешения между ними. Такая степень смешения различается на уровне графического оформления обозначения и товарных знаков, но совпадает в словесном оформлении зарегистрированных товарных знаков и сильного элемента заявленного обозначения. Следовательно,

Роспатент при анализе заявленного обозначения и противопоставленных товарных знаков пришел к рациональному выводу об их сходстве до средней степени смешения. Судебная коллегия СИП поддержала такую позицию Роспатента.

Таким образом, в судебной практике Российской Федерации концепция «средней» степени смешения уже получила свою определенную конкретизацию, следовательно, такая категория как «средняя степень смешения» товарных знаков по факту существует в правовом поле России. Из этого можем сделать заключение о необходимости закрепления данной правовой категории в законодательстве и более детально конкретизировать методологию определения средней степени смешения для экспертного сообщества. Эти вопросы являются предметом последующих исследований.

Литература

1. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 3691/06. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www1.fips.ru/about/otdelenie-palata-po-patentnym-sporam/VAS_18072006.pdf Дата обращения: 10.01.2022.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2012 г. № 16577/11. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70193158/> Дата обращения: 10.01.2022.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=10333 Дата обращения: 10.01.2022.
4. Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.01.2019 г. № СИП-261/2018. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=68108> Дата обращения: 10.01.2022.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/ppvs-10-20190423.pdf> Дата обращения: 10.01.2022.
6. Определение Верховного суда Российской Федерации от 17 марта 2020 г. по делу № 300-ЭС19-26515. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/SIP-102-2019_20200317_Opredelenie.pdf Дата обращения: 10.01.2022.
7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 27 мая 2020 г. по делу № СИП-1060/2019. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094803/> Дата обращения: 10.01.2022.

8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 2979/06. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12049539/> Дата обращения: 10.01.2022.

ON THE QUESTION OF THE AVERAGE EXTENT OF TRADEMARKS MIXING

Larionov I.P.

Academy of Labor and Social Relations

The judicial practice devoted to the interpretation of a new legal category – “the average extent of trademarks mixing” was analysed in this article. Considering different approaches to interpreting the essence of this category according to methodology for determining the extent of trademarks mixing the main aspects were proved – a claimed designation and registered trademarks can be assessed as similar to an average extent of mixing. It was established that Federal Service for Intellectual Property (hereinafter – Rospatent) developed the practice of rejecting an application for registration of a new trademark in the presence of an average extent of mixing between the claimed designation and registered trademarks. This position of Rospatent is supported by the Russian judicial authorities. The aim of the article is to determine the essence and features of the methodology for determining the average extent of trademarks mixing.

The research methodology is based on the judicial practice analysis about the subject of our research (the average extent of trademarks mixing).

The novelty of the research lies in the systematization of judicial practice and the determination of the main indicator of the average extent of trademarks similarity. The average extent of mixing between trademarks and designations lies in the match of one of the claimed designation elements and the verbal element of the registered trademark.

Keywords: trademark, claimed designation, similarity of trademarks, similarity to the extent of mixing, average extent of mixing, elements of a trademark.

References

1. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of of Russia in the case № 3691/06 dated 18/06/2006 – [site]. – URL https://www1.fips.ru/about/otdelenie-palato-po-patentnym-sporam/VAS_18072006.pdf (date accessed: 10.01.2022).
2. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of of Russia in the case № 16577/11 dated 17/04/2012 – [site]. – URL <http://base.garant.ru/70193158/> (date accessed: 10.01.2022).
3. Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual property rights. – [site]. – URL http://vsrf.ru/Show_pdf.php? Id=10333 (date accessed: 10.01.2022).
4. Resolution of the Intellectual Property Court in the case № СИП-261/2018 dated 25/01/2019 – [site]. – URL <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=68108> (date accessed: 10.01.2022).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23/042019 No. 10 « On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation. – [site]. – URL <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/ppvs-10-20190423.pdf> (date accessed: 10.01.2022).
6. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in the case № 300-ЭС19-26515 dated 17/03/2020 – [site]. – URL https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/SIP-102-2019_20200317_Opredelenie.pdf (date accessed: 10.01.2022).
7. Resolution of the Intellectual Property Court in the case № СИП-1060/2019 dated 27/05/2020 – [site]. – URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094803/> (date accessed: 10.01.2022).
8. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of of Russia in the case № 2979/06 dated 18/07/2006 – [site]. – URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12049539/> (date accessed: 10.01.2022).

Проблемы применения правил субсидирования ВТО при поддержке сельскохозяйственного сектора экономики России

Покровская Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, аспирант Московского государственного лингвистического университета
E-mail: nataliav/pokrovskaia@gmail.com

В рамках статьи рассмотрены вопросы субсидирования производителей сельскохозяйственной продукции, осуществляемого с учетом правил Всемирной торговой организации. Целью статьи является проблемный анализ положений о порядке предоставления субсидий, предусмотренных нормами Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам от 15 апреля 1994 г. и Соглашения ВТО по сельскому хозяйству от 15 апреля 1994 г. Предметом статьи являются условия и основания субсидирования сельского хозяйства со стороны России как государства-члена Всемирной торговой организации. Для изучения данного вопроса применялись методы анализа, дедукции, формально-логический и формально-юридический методы. Научная новизна статьи обусловлена проблемным анализом различных аспектов доказывания факта неправомерности введения программ субсидирования сельского хозяйства. В статье определены проблемы применения норм о введении субсидий в аграрном секторе государства, указаны пробелы и слабые места в регламентации правомерности оснований для поддержки сельхозпроизводителей. Итогом статьи является вывод о необходимости конкретизации требований к предоставлению субсидий как в части, касающейся установления экспортноориентированного характера субсидий, так и в части, касающейся приобретения продукции местного производства.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, сельское хозяйство, субсидирование, свобода торговли.

Достигнутый к настоящему моменту уровень либерализации мировой торговли, предусмотренный соответствующими соглашениями Всемирной торговой организации (далее – ВТО), может сталкиваться с разнообразными барьерами на национальных рынках государств-членов ВТО, одним из которых является протекционистская поддержка производителей сельскохозяйственной продукции. Многие государства-члены ВТО продолжают оказывать помощь агропроизводителям, одной из форм которой выступает субсидирование. Важно, чтобы субсидирование сельского хозяйства государства-члена ВТО не вступало в противоречие с основными принципами и правилами свободы международной торговли. Для достижения данного компромисса в праве ВТО предусмотрены действенные механизмы согласования правил либерализации мировой торговли с субсидированием сельского хозяйства государства-члена ВТО.

Субсидии представляют собой один из наиболее простых механизмов поддержки отдельных отраслей собственной экономики государства-члена ВТО. Их объемы и формы определяются текущими задачами конкретной отрасли экономики и осуществляются в виде прямого перевода денежных средств или в ряде случаев в виде отказа от получения предусмотренного дохода со стороны самого государства.

Рассмотрим основные правила субсидирования, предусмотренные положениями ГАТТ 1994 г. [1] и Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам от 15 апреля 1994 г. (далее – ССКМ) [2]. В нормах права ВТО содержится указание на правомерность применения субсидий как меры поддержки национальной экономики со стороны государства-члена ВТО в случае, если данные меры не вызывают негативных последствий для торговых интересов других государств. В последнем случае промышленность иного государства, создающего условия недобросовестной конкуренции, может пострадать в случае применения субсидирования в той или иной отрасли.

Нормы ССКМ предусматривают уведомительный порядок введения мер субсидирования, при котором уполномоченный орган ВТО – Комитет по субсидиям и компенсационным мерам (далее – Комитет) – еще до начала действия программы субсидирования получает уведомление, содержащее точную информацию о вводимых мерах поддержки того или иного сектора экономики (ст. 8.3). Предоставленная информация должна исчерпывающим образом доносить до других государств-членов ВТО условия и критерии субсидирования

в целях минимизации рисков для торгующих сторон. Другие государства-члены ВТО вправе получать дополнительную информацию по вводимым мерам в рамках программы субсидирования.

Относительно предоставленного уведомления Секретариат ВТО вправе сделать свои аналитические выводы при условии поступления запроса в данный орган со стороны Комитета.

ССКМ содержит правовую дефиницию субсидии в ст. 1.1, состоящую из формального перечисления мер, подпадающих под понятие субсидии, и результата применения данных мер – преимущество в торговле, предоставляемое производителю, как итог поддержки со стороны государства. Перечень конкретных мер, приводящих к предоставлению такого преимущества, заключается в финансовом содействии со стороны государства в лице любого публичного органа в пределах экономического суверенитета данного государства. Такое содействие осуществляется в пользу национального производителя или группы производителей и оказывается в виде прямого перевода денежных средств, либо принятия обязательств по их переводу, а также отказа государства от причитающегося ему дохода. ССКМ использует широкий подход к понятию «правительство», включая в это понятие региональные органы власти, а также муниципальное самоуправление. Под преимуществом, создаваемым такой финансовой поддержкой, можно понимать любое преимущество, достигнутое производителем при условии, что без такого содействия со стороны государства данное преимущество не было бы достигнуто [4, с. 55].

Субсидии создают для производителя более благоприятные условия ведения торговли, чем для других торговых агентов. Субсидии в рамках ССКМ носят специфический характер и не ориентированы на неограниченный круг лиц (ст. 1.2). Субсидии широкого круга (общие субсидии) не регламентированы данным соглашением и не препятствуют справедливому распределению продукции внутри национальной экономики. Таким образом, первостепенной задачей для Комитета является идентификация программы субсидирования как системы специфических субсидий. Для такого рода идентификации в ст. 2.1 ССКМ предусмотрено три условия. Во-первых, публичный орган вводит ограничения по доступу к субсидиям, отсекая от программы субсидирования неограниченный круг субъектов. Во-вторых, отсутствуют какие-либо объективные критерии предоставления субсидий, зафиксированные в официальных документах государства, делающие порядок получения данных субсидий автоматическим. И, наконец, ССКМ устанавливает возможность рассмотрения иных обстоятельств, указывающих на ограниченный характер действия программы субсидирования, предоставляющей преимущества лишь определенному кругу производителей.

Исходя из рассмотренных обстоятельств признания специфического характера предоставляемых субсидий, следует отметить, что их перечень

ограничивает не сам круг предприятий, приобретающих право на получение подобного рода поддержки, как если речь шла именно о субсидировании определенной отрасли экономики. Специфический характер субсидирования ограничивает право на получение подобного рода поддержки, предоставляя публичному органу государства дискреционные полномочия по распределению субсидий среди производителей. Так, контроль цен на энергоресурсы со стороны государства, предоставляемые предприятиям определенной отрасли экономики с целью поддержки их работы и производства, не будет считаться специфической субсидией в рамках ССКМ.

Необходимо отметить, что нормы ст. 3 ССКМ устанавливают запрет на введение субсидий, условия предоставления которых каким-либо образом связаны с результатами экспорта продукции. Также к числу запрещенных относятся субсидии, направленные на замещение импорта продукцией национального производителя в пределах рынка государства-члена ВТО. Практика ВТО демонстрирует, что в рамках запрещенных экспортноориентированных субсидий могут пониматься также и субсидии, предполагающие возможность увеличения будущей экспортной выручки производителя.

Правомерной причиной для предоставления субсидий может считаться реальный ущерб интересам национальной промышленности государства-члена ВТО, либо угроза подобного рода ущерба. Так, «производство сельскохозяйственной продукции сталкивается с рядом проблем, многие из которых являются общими для стран мира, в том числе России. Таковыми проблемами являются: низкий рост производительности труда и наличие рисков, которые часто невозможно предвидеть» [6, с. 297].

Предоставление субсидий может привести к серьезному ущемлению интересов других участников международной торговли. Такая ситуация складывается в результате действия субсидий, благодаря которым происходит вытеснение товаров конкурирующих производств с национального рынка, либо затруднение импорта таких товаров. Также в результате действия субсидий может происходить необоснованное рыночными условиями занижение цены на производимую продукцию, что также препятствует конкуренции среди производителей. В конечном итоге производитель, получающий субсидирование со стороны государства-члена ВТО, может неконкурентным образом увеличить занимаемую долю рынка того или иного товара.

Переходя к рассмотрению практики субсидирования сельхозпроизводителей, необходимо отметить, что в данной сфере правоотношений действует Соглашение ВТО по сельскому хозяйству от 15 апреля 1994 г. (далее – ССХ) [3]. Следует подчеркнуть, что проблемным аспектом ССХ является отсутствие в нем запрета на введение программ субсидирования по замещению импорта

сельскохозяйственной продукции, что создает необходимость обращения к нормам ССКМ. Между тем при конфликте положений ССХ и ССКМ статья 21.1 первого документа предусматривает его превосходство по юридической силе. Для реализации сокращения субсидий экспортного характера в сельском хозяйстве России еще в 2018 году было сокращено количество регионов, производители которых получали субсидии из федерального бюджета, предназначенные для компенсации перевозки зерна железнодорожным транспортом.

С момента вступления в ВТО Россия придерживается заявленного курса сокращения мер внутренней поддержки сельхозпроизводителей. В июле 2020 года Россия подала в Комитет последнее уведомление о внутренней поддержке, в рамках которого предусматривалось выделение 2,811 млрд долларов для целей продуктово-неспецифической поддержки и 0,913 млрд долларов для целей продуктово-специфической поддержки производителей. В январе 2020 года Россия также подала последнее по времени уведомление об экспортных субсидиях, заявив об отсутствии практики предоставления такого рода внутренней поддержки производителей в аграрном секторе [5, с. 80]. Из этого можно сделать вывод, что Россия придерживается правил ВТО и соблюдает свои обязательства в сфере сельского хозяйства, не допуская возникновение административных барьеров в международной торговле.

Тем не менее, было бы неправильно заявить, что вопросы поддержки агропроизводителей для России являются неактуальными. Россия уделяет значительное внимание вопросам обеспечения продовольственной безопасности, путем предоставления поддержки национальных агропроизводителей. Соблюдение баланса национальных интересов в сельскохозяйственной сфере и принятых обязательств при вступлении в ВТО ставит перед государством задачу предоставления доступных средств поддержки производителей сельскохозяйственной продукции.

Проблемным для России является положение ст. 31 ССКМ, предусматривающее в качестве запрещенных мер поддержки субсидии на НИОКР, а также помощь, оказываемую неблагополучным регионам государства, поскольку данные меры могут наносить реальный ущерб интересам других государств-членов ВТО.

Для преодоления возможного конфликта между национальными интересами России и принципами либерализации торговли в рамках ВТО необходимо конкретизировать условия предоставления поддержки российским производителям в сельскохозяйственной сфере. Прежде всего необходимо отметить, что установленный в ст. 3 ССКМ запрет на предоставление субсидий с целью поддержки экспорта предприятий конкретизирует лишь общий подход к пониманию связи предоставляемой субсидии с экспортом. Практика разрешения торговых споров в ВТО показывает, что доказывание факта наличия данного рода свя-

зи является проблемным и требует привлечения следующих обязательных компонентов. Во-первых, необходимо доказать сам факт существования субсидии. Во-вторых, установить наличие связи между предоставляемой субсидией и осуществлением или предполагаемым осуществлением в будущем экспортной деятельности в рамках более благоприятного режима отечественным производителям по сравнению с другими участниками международного торгового рынка.

Установление подобного рода связи возможно лишь в случае, если результаты экспорта находятся в зависимости от факта предоставления субсидий. Иначе говоря, предоставление субсидий государством осуществляется лишь при условии ожидания увеличения экспортной выручки предприятия. Экспортная деятельность производителя самого по себе не является доказательством подобного рода связи.

Де-юре зависимость субсидий от экспорта имеет место в случае прямого формального закрепления условия данной зависимости в тексте нормативно-правового акта государства. Например, предоставление субсидий может быть связано с ожиданием увеличения экспортной выручки. Более сложным для квалификации случаем является предоставление экспортных субсидий де-факто, когда в результате расследования может быть установлена связь между экспортом и фактом предоставления субсидий. Слабым местом подобного рода свидетельств является неопределенность сделанных выводов о наличии данной связи, поэтому в практике Третейских групп и Апелляционного органа ВТО отсутствуют решения прецедентного характера, которые могли бы применяться к будущим спорам для квалификации субсидий в качестве экспортных. Даже сама возможность ожидания будущей экспортной выручки не может быть решающим свидетельством в подобного рода спорах.

Отсутствие в праве ВТО четких критериев квалификации экспортных субсидий де-факто создает определенное пространство возможностей для поддержки производителей в аграрном секторе со стороны государств-членов. Фактически единственной формой прямо запрещенных субсидий являются такие формы поддержки, которые устанавливают требования об использовании продукции местного производства. Таким образом, проблемой при разрешении торговых споров, касающихся применения правил субсидирования, остается вопрос о соответствии установленным правилам ВТО мер поддержки национальных производителей, прямо не содержащих требования об использовании продукции местного производства, но фактически стимулирующих приобретение подобного рода продукции.

Следует отметить, что производитель, получающий государственное субсидирование, может иметь достаточно диверсифицированное производство, самостоятельно осуществляя изготовление отдельных компонентов для экспорта сельско-

хозяйственной продукции. Для снижения возможных затрат агропроизводителю проще использовать продукцию местного происхождения, что будет самостоятельным решением участника рынка, а не продиктованным требованием со стороны государства. Подобного рода тактика снижения затрат типична для любых рыночных условий. Таким образом, государство, предоставляющее тот или иной вид поддержки производителю, может рассчитывать в рамках заранее известных условий экономической конъюнктуры на преимущественное приобретение товаров местного производителя для более крупных рыночных агентов, получающих субсидии от государства. Следовательно, подобного рода ситуация не может быть квалифицирована ни де-факто, ни де-юре как нарушение условий субсидирования в рамках ССКМ и ССХ.

Подводя итог рассмотренным в рамках настоящей статьи вопросам предоставления поддержки сельскохозяйственного сектора экономики России, необходимо отметить следующие значимые для исследования моменты. Учет существующих противоречий и пробелов в регламентации порядка и оснований предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной продукции должен быть предметом особого рассмотрения при корректировке государственной политики России по развитию сельскохозяйственного рынка страны. Представляется, что единственным средством устранения подобного рода проблемных ситуаций в правовом регулировании субсидирования в рамках ВТО является конкретизация рассмотренных выше требований к предоставлению субсидий как в части, касающейся установления экспортноориентированного характера субсидий, так и в части, касающейся приобретения продукции местного производства.

Литература

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) // Закон. N 5. 2000 г.
2. Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам от 15 апреля 1994 г. // Приложение к Собранию законодательства Российской Федерации. N 37. 10.09.2012. (ч.VI).
3. Соглашение ВТО по сельскому хозяйству от 15 апреля 1994 г. // Приложение к Собранию законодательства Российской Федерации. N 37. 10.09.2012. (ч.VI).
4. Нани Л. Практика применения соглашений ВТО по налоговым вопросам // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 53–57.
5. Пospelova И.Н. Сельское хозяйство России: оценка исполнения обязательств в условиях ВТО // Экономические исследования и разработки. 2020. – № 12. – С. 77–81.
6. Чернова В.Ю. Регулирование рынка сельскохозяйственной продукции в США, странах ЕС и России // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 1 (46). – С. 293–299.

PROBLEMS OF APPLYING WTO SUBSIDY RULES WITH THE SUPPORT OF THE RUSSIAN AGRICULTURAL SECTOR

Pokrovskaja N.V.

Moscow State Linguistic University

The article is devoted to the issues of subsidizing agricultural producers carried out in accordance with the World Trade Organization rules. The purpose of the article is to give a problematic analysis of the provisions on the procedure for granting subsidies provided by the WTO Agreement on Subsidies and Countervailing Measures of April 15, 1994 and the WTO Agreement on Agriculture of April 15, 1994. The subject of the article is the conditions and grounds for subsidizing agriculture by Russia as a member state of the World Trade Organization. The main methods of the research are methods of analysis, deduction, as well as formal-logical and formal-legal methods. The scientific novelty of the article is the problematic analysis of various aspects of proving the illegality of the agricultural subsidy program introduction. The article identifies the problems of applying the norms on the introduction of subsidies in the Russian agricultural sector, points out weaknesses in the regulation of the legality of grounds for supporting agricultural producers. The result of the article is the conclusion that it is necessary to specify the requirements for the provision of subsidies both in terms of establishing export-oriented subsidies and in terms of purchasing locally produced products.

Keywords: World Trade Organization, agriculture, subsidies, free trade.

Reference

1. General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) (WTO, Uruguay Round of multilateral trade negotiations, April 15, 1994) // Law. N 5. 2000 г.
2. WTO Agreements on Subsidies and Countervailing Measures of April 15, 1994 // Annex to the Russian Federation Law Collection. N 37. 10.09.2012. (Part VI).
3. WTO Agreement on Agriculture of April 15, 1994 // Annex to the Collection of Laws of the Russian Federation. N 37. 10.09.2012. (Part VI).
4. Nani L. Practice of application of WTO agreements on tax issues // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2018. – № 3. – С. 53–57.
5. Pospelova I.N. Agriculture of Russia: assessment of the fulfillment of obligations under the WTO conditions // Economic research and development. 2020. – № 12. – С. 77–81.
6. Chernova V.Y. Regulation of agricultural products market in the U.S., EU countries and Russia // Business. Education. Law. – 2019. – № 1 (46). – С. 293–299.

Основные направления повышения эффективности регулирования обращения медицинских изделий в рамках ЕАЭС

Попов Андрей Юрьевич,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений (АТиСО)
E-mail: andrewpopov161@gmail.com

Учитывая определенную проблематику повышения эффективности регулирования обращения медицинских изделий, необходимо исследовать следующие характеристики хозяйственно-правового статуса изделий медицинского назначения, медицинской техники: их соотношение как отдельных явлений и взаимодействие в хозяйственном обращении с лекарственными средствами; определить признаки вещей, исполняющих в отношении изделий медицинского назначения, медицинской техники обслуживающую роль; разработать дефиниции понятий «изделия медицинского назначения», «медицинская техника». Как и лекарственные средства, изделия медицинского назначения и медицинскую технику условно следует рассматривать на предметном (материальном) уровне и на уровне правового режима обращения. На материальном уровне изделия медицинского назначения и медицинская техника рассматриваются как объекты имущественных прав и определяется их соотношение.

Исходным элементом реформ является обеспечение сбалансированного подхода ко всем частям системы, когда каждая сфера общественного бытия является совокупностью взаимосвязанных элементов. Несмотря на открытость, вопросы реформирования здравоохранения со времени провозглашения ЕАЭС, на необходимость хозяйственно-правового регулирования статуса изделий медицинского назначения, медицинской техники, внимание не обращалось. В то время, когда оборот лекарственных средств приведен к определенной правовой форме. Кроме того, если рассматривать изделия медицинского назначения, медицинскую технику как основной предмет отношений государственных закупок, в которых закупки осуществляются за государственные средства, правовая неопределенность в данном вопросе недопустима.

Ключевые слова: медицина, изделия, оборот, развитие, структура.

Проблематику соотношения статических и динамических признаков предмета правоотношений исследовали такие ученые: В. Гайворонский – отмечал, что под правовым режимом имущества следует понимать установленный правовыми средствами порядок и условия приобретения имущества, осуществления субъектами хозяйствования правомочий владения, пользования, распоряжения им, реализации функций управления имуществом, его правовой охраны. По мнению А. Дери, объекты прав могут находиться в статике и динамике, оборотоспособность объектов реализуется в процессе динамики. Г. Халфина утверждает, что существуют правоотношения, которые не имеют определенного, определенного объекта, то есть объект не является обязательным элементом структуры правового отношения, хотя и имеет значение для возникновения и развития многих правовых отношений и их структуры. По мнению Е. Харитоновой, объектом правоотношения является материальное или нематериальное благо, по поводу которого правоотношение возникает [6]. Учитывая общетеоретические аксиомы предметным вопросом относительно изделий медицинского назначения и медицинской техники внимание не уделялось, несмотря на то что последние составляют основной предмет государственных закупок в здравоохранении и являются неотъемлемым элементом общественно полезной деятельности в данной сфере [1].

Учитывая определенную проблематику необходимо исследовать следующие характеристики хозяйственно-правового статуса изделий медицинского назначения, медицинской техники: их соотношение как отдельных явлений и взаимодействие в хозяйственном обращении с лекарственными средствами; определить признаки вещей, исполняющих в отношении изделий медицинского назначения, медицинской техники обслуживающую роль; разработать дефиниции понятий «изделия медицинского назначения», «медицинская техника».

Как и лекарственные средства, изделия медицинского назначения и медицинскую технику условно следует рассматривать на предметном (материальном) уровне и на уровне правового режима обращения. На материальном уровне изделия медицинского назначения и медицинская техника рассматриваются как объекты имущественных прав и определяется их соотношение [8]. Материальное выражение имеет основное значение в курсе отношений государственных закупок, ведь в конкурсной документации указывается их веще-

ственная форма, например оборудование, инструменты, аппараты. Определенность на предметном уровне позволит осуществлять эффективное и дифференцированное государственное регулирование, в частности путем создания унифицированного перечня изделий медицинского назначения, медицинской техники, которые могут составлять предмет государственных закупок или в целях ценового регулирования.

Надо отметить, что существует определенная категория имущества, что не относится к изделиям медицинского назначения, медицинской техники и выполняет по отношению к ним обслуживающую роль. К ней относятся в первую очередь комплектующие изделия – это изделия, устройства, специально предназначенные производителем для использования вместе с изделиями медицинского назначения, медицинской техникой в соответствии с их функциональным назначением как составные части. Согласно гражданско-правовой классификации вещей они являются принадлежностью главной вещи, не ее составной частью, поэтому при заключении договоров о государственной закупке выступают как самостоятельный товар и должны закупаться в рамках самостоятельной конкурсной процедуры. Согласно Соглашению о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23.12.2014 закреплено: любое оборудование, поставляемое в комплекте с медицинскими изделиями и предназначено для сочетания с другим внешним оборудованием, должно рассматриваться как неотъемлемая часть таких медицинских изделий. Речь идет о составной части изделий медицинского назначения, медицинской техники, закупаемой вместе с ними в пределах одной процедуры. По сравнению с первым случаем недостатком является отсутствие дефиниции данного хозяйственно-правового явления, которое можно определить как специальные материалы, без которых невозможно использование по целевому назначению изделий медицинского назначения, медицинской техники, поставляется с ними в едином комплекте и является их неотъемлемой частью. При закупке изделий медицинского назначения и медицинской техники в объявлении о проведении государственной закупки они не указываются, поскольку обязательно включаются в основной предмет [3].

Теоретическую и практическую проблему составляет то обстоятельство, что понятия «изделия медицинского назначения» и «медицинская техника» не имеют самостоятельных дефиниций в законодательстве, что предопределяет объективные трудности в их практическом разграничении. Например, Решение Совета ЕЭК от 12.02.2016 № 30 «Порядок формирования и ведения информационной системы в сфере обращения медицинских изделий» в перечень изделий медицинского назначения относит медицинскую технику, например автомобили специального назначения, передвиж-

ную радиологическую станцию. В нормативно-правовых актах изделия медицинского назначения и медицинская техника определяются через сборные понятия: речь идет о медицинских изделиях, они определяются как медицинская продукция [9]. Правовой режим обращения изделий медицинского назначения и медицинской техники, исходя из содержания Распоряжения Совета ЕЭК от 12.02.2016 № 46 «Правила регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий», включает производство, оценку соответствия и регистрации, ввода в обращение, хранение, транспортировку, реализацию субъектами хозяйственной деятельности. Учитывая, что данный вид хозяйственной деятельности не требует лицензирования, поэтапная схема обращения имеет следующий вид: производство медицинских изделий включает выполнение всех технологических процедур их создания, оценки соответствия производимой продукции ЕАЭС по лекарственным препаратам и контролю за наркотиками, получение разрешительного документа – декларации (сертификата) соответствия; регистрация медицинских изделий, регламентируется постановлением об утверждении Порядка государственной регистрации медицинской техники и изделий медицинского назначения, является общеобязательной, осуществляется ЕЭК по лекарственным препаратам и контролю за наркотиками с внесением медицинского изделия в ЕАЭС реестр изделий медицинского назначения и медицинской техники, распространяется на произведенные в ЕАЭС и ввезенные на таможенную территорию ЕАЭС медицинские изделия, процедурные особенности последних предусмотрено в приказе по контролю качества лекарственных средств; специально-разрешительное хозяйственно-правовое регулирование для отношений реализации не предусмотрено, некоторые требования установлены только для хранения, транспортировки [10]. Закрепленные в законодательстве единая процедура государственной регистрации и режим хозяйственно-правового оборота изделий медицинского назначения и медицинской техники детерминируют в данном вопросе единые подходы к изучаемым явлениям. Поэтому использование собирательного понятия «медицинские изделия» в отношениях обращения является обоснованным, поскольку усложнение правовых конструкций в случаях, когда это является ненужным, имеет негативный характер со стороны как юридической техники, так и правоприменения [4].

Отдельное внимание необходимо обратить на взаимодействие в отношениях обращения медицинских изделий и лекарственных средств. Предусмотрены особенности дифференциации подходов в правовом регулировании хозяйственно-правового статуса медицинских изделий и лекарственных средств. Существуют такие возможные варианты:

- 1) если медицинское изделие предназначено для введения в организм человека лекарственно-

го средства, то на него распространяется действие Технического регламента относительно медицинских изделий, в соответствии с требованиями к лекарственному средству [2];

- 2) если лекарственное средство и медицинское изделие составляют единое целое и медицинское изделие непригоден для повторного использования, такое изделие является объектом регулирования; требования, предусмотренные техническим регламентом по медицинским изделиям, распространяются на характеристики медицинского изделия, связанные с его безопасностью и эффективностью [7];
- 3) если в состав медицинского изделия как неотъемлемая часть входит средство, которое способно оказывать на организм человека вспомогательное действие и в случае применения рассматривается как лекарственное, такое медицинское изделие должно соответствовать требованиям Технического регламента по медицинским изделиям [5].

В первом случае изделие медицинского назначения и лекарственное средство комплектуются непосредственно перед применением, поэтому государственным заказчиком закупаются отдельно. Относительно второго случая имеют место условия, когда закупка медицинского изделия неотвратимо предполагает закупку лекарственного средства, деятельность по реализации последнего подлежит лицензированию.

В зависимости от закупочных потребностей заказчику следует учитывать некоторые классификационные признаки медицинских изделий: в зависимости от степени безопасности медицинские изделия делятся на I, IIa, IIб, III категории; в зависимости от объемов изготовления – массового изготовления и по предписанию врача, предназначенные исключительно для одного лица; в зависимости от источника происхождения – основные и модификации основных медицинских изделий; в зависимости от субъекта использования – в учреждениях здравоохранения, лицами в бытовых условиях; по назначению – лечение, диагностика, профилактика, стимулирование, общее назначение.

Если в отношениях оборота использования понятия «медицинские изделия» является целесообразным, то при рассмотрении медицинских изделий с точки зрения предмета государственных закупок, категория «медицинские изделия» отражает общность предмета только на родовом уровне, а для обеспечения эффективного гражданско-правового регулирования государственных закупок предмет должен быть разграничен на видовом уровне, то есть как изделия медицинского назначения и медицинская техника.

Несмотря на отсутствие в законодательстве самостоятельных дефиниций, из признаков понятия «медицинские изделия», можно выделить некоторые особенности соотношения исследуемых явлений. Во-первых, невозможно разграничить изделия медицинского назначения и медицинскую технику

по закрепленным вещественным признакам, которые фиксируются простым перечнем – любые приборы, комплексы, системы, оборудование, аппараты, инструменты, устройства, имплантаты, принадлежности, программное обеспечение, материалы, другие изделия [4]. Во-вторых, изделия медицинского назначения и медицинская техника имеют общее функциональное назначение, что в наиболее полном виде включает использование в целях охраны здоровья для профилактики, диагностики, лечения, облегчения состояния человека в случае заболевания, травмы, увечья, других патологических, физиологических состояний или как компенсация недостатка органа, физического недостатка; обеспечение наблюдения, реабилитации, видоизменения структуры органов, тканей, процессов, проведения медицинских процедур, исследований медицинского и лабораторного характера с целью улучшения функционирования органов, тканей человека; контроль над процессом оплодотворения, внутриутробного развития плода. Функциональное назначение медицинских изделий не ограничивается только содействием выполнению лечебной функции, а предполагает самостоятельную или в комплексе выполнения профилактических, диагностических, обслуживающих функций в сфере охраны здоровья. В-третьих, медицинские изделия с целью их надлежащего применения специально предназначены для применения отдельно, для применения в сочетании между собой, для применения с комплектующими изделиями. То есть единица медицинского изделия может использоваться в трех способах: самостоятельно со специальными материалами, что является составной частью медицинского изделия; самостоятельно с комплектующими изделиями, что является принадлежностью медицинского изделия; в сочетании с изделием медицинского назначения или медицинской техникой. Учитывая, что второй и третий варианты не могут быть использованы как универсальные разграничительные критерии, главное внимание следует обратить на вещественные признаки.

Внимания заслуживают такие теоретические позиции.

1. Предложенное видение проблемы позволяет гармонизировать гражданско-правовую урегулированность на рынках лекарственных средств и медицинских изделий, ведь эффективного функционирования рыночной системы невозможно достичь при регулировании статуса лишь одного элемента.
2. Путем выделения общих и отличительных признаков сформулированы самостоятельные дефиниции понятий «изделия медицинского назначения» и «медицинская техника».
3. Доказана целесообразность применения дифференцированного подхода в использовании категорий «медицинские изделия», «изделия медицинского назначения» и «медицинская техника» в зависимости от вида хозяйственных правоотношений.

4. Категориальная определенность является предпосылкой создания унифицированных каталогов изделий медицинского назначения и медицинской техники, элементы которых будут выступать предметом государственного регулирования относительно цен государственных закупок.
5. Определены признаки вещей, которые выполняют обслуживающую роль по изделиям медицинского назначения, медицинской техники и взаимодействие последних в отношениях обращения с лекарственными средствами.
На основании изложенного следует сформулировать следующие предложения в законодательство:
 - 1) необходимо изложить: изделия медицинского назначения – инструменты, имплантаты, материалы, средства, имеющие невысокий уровень технологической сложности, предполагают существование источника питания и обслуживают потребности сферы здравоохранения;
 - 2) комплектующие изделия – это изделия, устройства, специально предназначенные производителем для использования вместе с изделиями медицинского назначения, медицинской техникой в соответствии с их функциональным назначением как составные части;
 - 3) специальные материалы – средства, без которых невозможно использование по целевому назначению изделий медицинского назначения, медицинской техники, и которые поставляются с ними в едином комплекте и являются их неотъемлемой частью.

Литература

1. Герцик, Ю.Г. Перспективы развития интеграционных процессов стран ЕАЭС в области повышения эффективности и безопасности медицинских изделий / Ю.Г. Герцик // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 437–446. – DOI 10.18334/eo.10.2.110262.
2. Гринько, Д.В. Правовое регулирование в обращении медицинских изделий / Д.В. Гринько, Н.Б. Петрушко // Современные технологии в медицинском образовании: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного медицинского университета, Минск, 01–05 ноября 2021 года. – Минск: Белорусский государственный медицинский университет, 2021. – С. 2127–2129.
3. Кузнецова, В.А. Проблема взаимного признания сертификатов соответствия на лекарственные средства и медицинские изделия в рамках ЕАЭС / В.А. Кузнецова, В.О. Баранова // Сборник научных работ студентов факультета таможенного дела / Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия». – Москва: Российская таможенная академия, 2020. – С. 134–138.
4. Лабораторные испытания – творческий процесс // Контроль качества продукции. – 2020. – № 12. – С. 48–51.
5. Межгосударственная стандартизация в сфере обращения медицинских изделий / О.В. Романов, Н.С. Хучуа, Е.Н. Лозовая, А.Ю. Смирнов // Контроль качества продукции. – 2019. – № 7. – С. 26–33.
6. Новости ЕЭК // Стандарты и качество. – 2019. – № 5. – С. 58–64.
7. Принятые акты // Стандарты и качество. – 2021. – № 10. – С. 80.
8. Принятые акты // Стандарты и качество. – 2021. – № 8. – С. 71–72.
9. Развитие национальной системы мониторинга безопасности медицинских изделий. Усиление контроля за безопасностью медицинских изделий их производителями / Т.В. Иванова, А.А. Камалетдинова, Е.В. Борисова [и др.] // Вестник Росздравнадзора. – 2021. – № 3. – С. 30–36.
10. Столбов, А. П. О классификации рисков применения медицинского программного обеспечения в Евразийском экономическом союзе / А.П. Столбов // Врач и информационные технологии. – 2019. – № 3. – С. 22–31.

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF REGULATING THE CIRCULATION OF MEDICAL DEVICES WITHIN THE EAEU

Popov A. Yu.

Academy of Labor and Social Relations

Taking into account certain problems of increasing the efficiency of regulating the circulation of medical devices, it is necessary to investigate the following characteristics of the economic and legal status of medical devices, medical equipment: their ratio as separate phenomena and interaction in the economic circulation of medicines; to determine the signs of things that perform a service role in relation to medical devices, medical equipment; to develop definitions of the concepts of «medical devices», «medical equipment». Like medicines, medical devices and medical equipment should be conventionally considered at the substantive (material) level and at the level of the legal treatment regime. At the material level, medical devices and medical equipment are considered as objects of property rights and their ratio is determined.

The initial element of the reforms is to ensure a balanced approach to all parts of the system, when each sphere of social life is a set of interrelated elements. Despite the openness, the issues of reforming healthcare since the proclamation of the EAEU, the need for economic and legal regulation of the status of medical devices, medical equipment, has not been paid attention. At a time when the circulation of medicines is brought to a certain legal form. In addition, if we consider medical devices, medical equipment as the main subject of public procurement relations in which purchases are carried out for public funds, legal uncertainty in this matter is unacceptable.

Keywords: medicine, products, turnover, development, structure.

References

1. Gertsik, Yu.G. Prospects for the development of integration processes of the EAEU countries in the field of improving the efficiency and safety of medical devices / Yu.G. Gertsik // Economic relations. – 2020. – Т. 10. – No. 2. – S. 437–446. – DOI 10.18334 / eo.10.2.110262.
2. Grinko, D.V. Legal regulation in the circulation of medical devices / D.V. Grinko, N.B. Petrushko // Modern technologies in medical education: Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State Medical University, Minsk, 01–05 November 2021. –

- Minsk: Belarusian State Medical University, 2021. – S. 2127–2129.
3. Kuznetsova, V.A. The problem of mutual recognition of certificates of conformity for medicines and medical devices within the EAEU / V.A. Kuznetsova, V.O. Baranova // Collection of scientific works of students of the Faculty of Customs / State Treasury Educational Institution of Higher Education «Russian Customs Academy». – Moscow: Russian Customs Academy, 2020. – S. 134–138.
 4. Laboratory tests – a creative process // Product quality control. – 2020. – No. 12. – S. 48–51.
 5. Interstate standardization in the sphere of medical devices circulation / O.V. Romanov, N.S. Khuchua, E.N. Lozovaya, A. Yu. Smirnov // Product quality control. – 2019. – No. 7. – S. 26–33.
 6. EEC news // Standards and quality. – 2019. – No. 5. – S. 58–64.
 7. Adopted acts // Standards and quality. – 2021. – No. 10. – P. 80.
 8. Adopted acts // Standards and quality. – 2021. – No. 8. – S. 71–72.
 9. Development of a national system for monitoring the safety of medical devices. Strengthening control over the safety of medical devices by their manufacturers / T.V. Ivanova, A.A. Kamaletdinova, E.V. Borisova [and others] // Bulletin of Roszdravnadzor. – 2021. – No. 3. – S. 30–36.
 10. Stolbov, A.P. On the classification of risks of using medical software in the Eurasian Economic Union / AP Stolbov // Doctor and information technologies. – 2019. – No. 3. – S. 22–31.

Выполнение государствами – членами Евразийского экономического союза обязательств по устранению барьеров на внутреннем рынке: совершенствование правового регулирования

Еликбаев Куаныш Нурланович,

кандидат экономических наук, заместитель директора Департамента функционирования внутренних рынков Евразийской экономической комиссии
E-mail: elikbaev@eecommission.org

Романова Марина Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент Департамента налогов и налогового администрирования Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: marina_romanowa@mail.ru

В статье рассматриваются подходы к определениям препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с учетом исторической ретроспективы. Проанализирована эволюция правовых актов ЕАЭС, регулирующих вопросы устранения барьеров и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС.

Особое внимание в статье уделено анализу обращений Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в Суд ЕАЭС для получения консультативных заключений в отношении проблемных ситуаций на внутреннем рынке ЕАЭС. При этом проведена оценка влияния консультативных заключений Суда на развитие права ЕАЭС как в позитивном, так и в негативном ключе. На основе проведенного анализа выделены направления совершенствования права ЕАЭС, которые будут способствовать повышению эффективности выполнения государствами-членами своих обязательств в рамках внутреннего рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: внутренний рынок, барьеры, препятствия, ограничения, изъятия, Евразийский экономический союз, регулирование торговли.

Эффективное функционирование интеграционных объединений невозможно без наличия действенных механизмов преодоления спорных и проблемных ситуаций. Одной из наиболее сложных сфер, в которой достаточно часто возникают такие ситуации, является функционирование внутреннего рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), где государства-члены безусловно стремятся к отсутствию барьеров, изъятий и ограничений. Подобные ситуации фактически создают сложности для достижения цели «четырех свобод».

Опыт интеграции демонстрирует, что действенные методы разрешения вышеуказанных проблемных вопросов являются залогом не только полноценной реализации уже закрепленных в интеграционных документах договоренностей, но и дальнейшего продвижения интеграции. Продвинутым интеграционным объединением является Европейский Союз, начавший свою историю с Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали [6] (неофициально называемого Парижским договором), подписанного 18 апреля 1951 г. ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. Однако полноценная интеграция во всех сферах экономики была начата после вступления в силу Договора о Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) (неофициально называемого Римским договором) [7]. И уже в Римском договоре одним из важнейших положений стало наличие эффективных инструментов защиты от нарушений в ходе интеграции.

Во-первых, Комиссия ЕЭС в соответствии со статьей 169 Римского договора в случае, если государство-член нарушал обязательства, наложенные на него данным Договором, имело право направить ему обоснованное мнение и предоставить время на устранение нарушения. В ходе разрешения проблемной ситуации, как показала практика, могли проводиться консультации с участием государства-члена, которое нарушило право ЕЭС, Комиссии ЕЭС и, при желании или необходимости, иных государств-членов ЕЭС. Если же государство-член после получения такого мнения не исправлял ситуацию с нарушением, Комиссия имела право обратиться в Суд ЕЭС. Подобный механизм сохранился в Европейском Союзе и в последствии с принятием последующих учредительных договоров, поскольку он показал свою действенность.

В действующем в настоящее время Договоре о функционировании Европейского Союза [5]

(в редакции Лиссабонского договора, изменяющего Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского экономического сообщества [13]) предусмотрено, что если, по мнению Европейской Комиссии, государство-член не выполнило какую-либо из обязанностей, возложенных на него учредительными договорами (на сегодняшний день это Договор о Европейском союзе [4] и Договор о функционировании Европейского союза), то Европейская комиссия выносит мотивированное заключение по данному вопросу, предварительно дав возможность этому государству представить свои замечания. Если заинтересованное государство не приведет себя в соответствие с упомянутым заключением в пределах срока, установленного Европейской Комиссией, то последняя может обратиться в Суд ЕС.

Достаточно большое число нарушений со стороны государств-членов ЕС разрешается на досудебном этапе в результате консультаций и полученных мотивированных заключений Европейской Комиссии.

Подобный подход доказывает, что эффективность интеграции зависит не только от качества правовой основы, но и от того, насколько дисциплинированно исполняется право объединений и какие предусмотрены механизмы разрешения проблем.

Безусловно, опыт ЕС полезен и при построении и развитии интеграции на постсоветском пространстве, в частности, в ЕАЭС.

Изначально определения проблемных ситуаций на внутреннем рынке Союза было закреплено в так называемой «Белой книге» [8], разработанной Евразийской экономической комиссией (ЕЭК, Комиссия). Это был первый документ, который положил основу для юридического закрепления соответствующих понятий и алгоритмов устранения препятствий.

Было установлено, что барьеры (то есть нарушения права Союза) являются недопустимыми препятствиями и подлежат незамедлительному устранению странами. В отношении изъятий и ограничений мы стремимся, и в рамках Стратегии это закреплено, к их максимальному сокращению. Их устранение сопряжено с необходимостью создания нового права Союза либо совершенствования действующего.

Дальнейшее продолжение работы показало жизнеспособность и преемственность выработанной терминологии, и в 2017 году была утверждена Методология разделения препятствий [17]. В ней определения видов препятствий уже были закреплены на уровне правового акта и установлен порядок взаимодействия по их квалификации.

В 2021 году по инициативе председательствующей в органах Союза Республики Казахстан была проведена работа и была принята новая Методология [16]. Основной ее новацией является то, что установлены четкие сроки каждого этапа рассмотрения обращения по препятствиям. Теперь такой совокупный срок не превышает 70-ти дней.

Ранее он не был регламентирован и мог достигать до 18-ти месяцев, что негативно сказывалось на обеспечении «четырёх свобод». Кроме того, нововведением стал весьма важный раздел – порядок признания барьеров устраненными. Ранее из-за данного аспекта возникало наибольшее количество споров между государства-членами Союза.

При подготовке Методологии и вышеуказанного доклада ЕЭК использовала и опыт Европейского Союза, в части действующих процедур и полномочий институтов ЕС по выявлению препятствий на внутреннем рынке ЕС, а также к так называемой Белой книге по формированию внутреннего рынка [9], подготовленной Европейской комиссией в 1985 году, которую можно справедливо назвать «программой ликвидации барьеров на пути движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала» [1, с. 268]. В данном документе были детально проанализированы сферы экономики, подходы к работе с препятствиями на внутреннем рынке ЕС и закреплён план его формирования. Полностью внутренний рынок ЕС был сформирован к 31 декабря 1992 года, что позволило обеспечить свободу перемещения товаров, услуг капитала и трудовых ресурсов и, безусловно, является «одним из главных достижений ЕС» [14, с. 253].

С начала функционирования ЕАЭС было выявлено 69 барьеров. Из них уже было устранено 54 (то есть 80%). Среди них такие чувствительные с экономической точки зрения как поставки молочной, мясной и растениеводческой продукции; рентный налог при вывозе угля с одной страны в другую; применение дополнительных экспертиз к товарам и другие.

Коллегией Комиссии было принято 32 вступивших в силу решения об уведомлении государств-членов Союза о необходимости выполнения обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, их принятию предшествует обязательная процедура анализа, обобщения, сбора позиций и подготовки заключения. При обсуждении таких решений национальные органы также зачастую принимают участие в обсуждении и имеют возможность высказать свои аргументы на заседании, что в определенной степени реализовывает принцип состязательности. Из 32 решений уже исполнено 24 (то есть 75%). Таким образом, очевидно, что решения Коллегии Комиссии исполняются и страны осознают их юридическую значимость даже по таким чувствительным вопросам, как барьеры, когда надо, например, отменить дискриминационные преференции для национальных участников рынка, сделав условия рынка равными для всех из стран Союза.

Кроме того, Коллегией Комиссией зафиксировано 19 барьеров, по которым государства-члены согласились, что это нарушения, и согласовали сроки добровольного устранения. На наш взгляд, это важное проявление одного из основных принципов международного права «*pacta sunt servanda*».

Имеются также случаи устранения препятствий с признаками барьеров до их квалификации, то есть добровольно странами до вынесения на заседания органов Союза. Также важно отметить, что ЕЭК старается реагировать на проекты нормативных правовых актов стран на этапах их публичного обсуждения в целях упреждения появления новых препятствий. И важно, что страны в основном учитывают замечания Комиссии, и более того, в отдельных случаях уполномоченные органы стран сами обращаются в Комиссию с просьбой дать позицию о соответствии своего проекта национального акта праву Союза. Кроме того по мере возможности, ЕЭК проводит мониторинг не только актов, но и правоприменительной практики в государствах – членах Союза в части вопросов, касающихся внутреннего рынка, целесообразность чего отмечена и в Решении Суда ЕАЭС по обращению «Ойл Марин групп» [19].

Однако не все такие принимаемые решения по барьерам исполняются оперативно. Сегодня остаются неустранимыми 15 барьеров, с которыми работа продолжается.

При работе по устранению препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС важным является и единообразное толкование права Союза, где ключевую роль, безусловно, играет Суд ЕАЭС [20, с. 71]. Говоря о важности содействия Суда Союза в процессе обеспечения соблюдения права ЕАЭС, необходимо отметить, что Комиссия не может не прибегать к помощи специально созданного судебного органа и несколько раз обращалась в Суд Союза. Принятые Судом Союза консультативные заключения, несмотря на то, что они имеют характер толкования Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) [3], активно используются как странами, так и Комиссией.

1) Первое обращение у Комиссии было посвящено по лимиту на легионеров из стран ЕАЭС в спортивных командах, и как отмечает А.С. Исполинов заключение по данному обращению имеет все шансы войти в историю [10].

Необходимо отметить, что на момент подписания Договора в профессиональной спортивной среде был определенный скептицизм в отношении возможной отмены лимита на легионеров из стран ЕАЭС в спорте ввиду отсутствия в Договоре специальных норм об этом.

Несмотря на это в 2017 году Коллегия Комиссии приняла решение уведомить все страны о недопустимости таких ограничений ввиду закрепленной в Договоре общей нормы о неприменении ограничений на рынке труда для трудящихся стран ЕАЭС в целом [17]. Решение не исполнялось определенный срок и возникли споры в толковании Договора.

В итоге Заключение Суда Союза подтолкнуло государства-члены Союза снять такие ограничения.

Данные меры позволили уже, например, осуществлять трансферы игроков в команды стран

Союза и тем самым развивая конкуренцию в спорте и у спортсменов-трудящихся появилось больше возможностей. Так, например, сразу 5 членов сборной команды Казахстана по хоккею с шайбой после отмены лимита на легионеров перешли из казахстанских клубов в российские. На сегодняшний день около десятка футболистов из других стран Союза играют в Российской премьер-лиге. Соответствующие игроки также есть в баскетболе: около семи российских баскетболистов играют в чемпионате Армении, игроки из Армении играют в чемпионатах России и Казахстана.

Необходимо отметить, что в отношении подобного дела в свое время Судом Европейского Союза было принято аналогичное решение [2].

Однако есть и менее эффективные с точки зрения интеграции примеры. Комиссия обращалась за разъяснением пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора о Союзе. Речь идет о возможности введения государствами-членами ограничений во взаимной торговле товарами одностороннем порядке.

После принятия консультативного заключения Судом ЕАЭС [11], согласно которому государства-члены вправе вводить ограничения во взаимной торговле ЕАЭС на основании пункта 1 статьи 29 Договора о ЕАЭС без наличия общего порядка введения подобных ограничений, можно отметить, что оно в определенной степени фактически стало триггером для стран: наблюдается поступательный рост количества таких ограничений. Если до консультативного заключения в октябре 2017 года с момента создания Союза их количество было менее 5, то только за 2021 год введено 14 таких ограничений. Проведенный анализ демонстрирует постоянный рост их количества из года в год. Страны периодически официально ссылаются на данное консультативное заключение в обоснование вводимых мер.

Безусловно, что это в определенной степени связано и с несовершенством действующего права. И поэтому с учетом принятого консультативного заключения и практики введения таких ограничений Комиссия в целях реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [15] начала разработку Порядка взаимодействия при введении таких ограничений. Он позволит регламентировать сроки уведомления, возможность проведения консультаций и предоставление обоснований необходимости введения таких мер. Однако и начатой работы пока недостаточно. Остается открытым вопрос, какой орган и в каком порядке должен определять соблюдены ли положения о неоправданной дискриминации и о скрытом ограничении торговли при введении таких ограничений.

Третий раз по вопросам функционирования внутреннего рынка Комиссия обращалась в 2019 году о разъяснении Договора в сфере технического регулирования по вопросу распространения требований о получении СБКТС (свидетельство о безопасности конструкции транспортного средства) на физических лиц. Суть вопроса в том,

что в рамках Союза в рамках правоприменительной практики 3 страны требуют с физических лиц СБКТС, а две страны нет. В трех странах выдано более трехсот тысяч таких свидетельств, выдача осуществляется на платной основе, при этом в других странах граждане от этого освобождены. Из консультативного заключения Суда Союза фактически следует, что в соответствии с Договором о Союзе физические лица не могут заявителями на оценку соответствия [12].

Уже третий год согласовываются изменения в технический регламент, чтобы привести его в соответствие с Договором, а правоприменение в странах так и продолжает быть неединообразным. Так, например, в Казахстане с даты консультативного заключения выдано, по нашим данным, 37434 СБКТС, в России, например, – только в декабре 2019 года выдано более 10 тысяч СБКТС.

Четвертый раз по вопросам внутреннего рынка Комиссия обращалась в Суд Союза обращались в 2021 году по вопросу об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства-члена Союза» в его системной взаимосвязи с положениями Договора. Суть вопроса в том, что в Договоре определен закрытый перечень случаев закупок из одного источника. Один из них гласит, что закупать можно в случае, если это определено «законодательным актом государства-члена». Между государствами-членами возник спор о том, могут ли это быть законодательные акты, принятые на региональном уровне. Судом было отказано в рассмотрении данного заявления, поскольку, по мнению Суда, речь в данном случае шла об определении объема юридического содержания правовых институтов национального законодательства государств-членов Союза, а также в связи с тем, что в сфере государственных закупок в рамках ЕАЭС не проводится единая политика. Последний аргумент представляется, как минимум, любопытным, поскольку ранее в сфере государственных закупок Суд уже давал консультативные заключения (например, по «повторности» двухгодичных изъятий). И, несмотря на отказ в рассмотрении, в Российской Федерации данная норма (возможность закупки с одного источника при принятии законодательного акта на региональном уровне) была в итоге исключена, как необоснованная.

Таким образом, взаимодействие Комиссии и Суда позволяет в ряде случаев повысить эффективность работы по устранению барьеров на внутреннем рынке Союза. В некоторых случаях, однако бывает, что такие заключения, наоборот, открывают возможности совершения дезинтеграционных действий для стран. Очевидно, что во многом это связано с несовершенством с интеграционной точки зрения самого права Союза, ввиду чего очень сложно его толковать в пользу интеграции, однако, полагаем, что именно такое, интеграционное толкование, когда учитывается «не только буква, но и дух» Договора, в развитие именно целей Союза, могло бы более способствовать устранению

имеющихся барьеров. Подобный подход заметен, по нашему мнению, и в практике Суда Европейского Союза.

Кроме того, следует отметить, что отдельные консультативные заключения Суда Союза сопровождаются наличием сразу нескольких особых мнений судей Суда Союза, что в отдельных дискуссиях по вопросам введения препятствий на внутреннем рынке Союза позволяет государствам-членам ссылаться на такие особые мнения, не принимая в должное внимание само заключение Суда.

В своей работе ЕЭК зачастую также сталкивается с определенными вопросами относительно решений национальных судов с одной стороны, и актов органов Союза – с другой. Так, например, если при рассмотрении вопроса по рентному налогу имелись решения высшей судебной инстанции государства-члена Союза в его пользу, то после принятия Решения Коллегии ЕЭК он был отменен. Или при рассмотрении вопроса по закупкам с сертификатом «Настоящий Вологодский продукт» также были решения национальных судов в его поддержку, однако после решения Коллегии ЕЭК были приняты соответствующие меры интеграционной направленности. Но иногда, несмотря на наличие, например, единых технических регламентов Союза, национальные суды не принимают во внимание доводы сторон о приоритете такого международного права и отдают приоритет национальным санитарным нормам, как например, по сроку годности пищевой продукции.

Поэтому существует необходимость и возможности для дальнейшей активизации взаимодействия с Судом Союза с Комиссией, в том числе и путем усиления роли Суда.

Зачастую имеют место ситуации, когда по результатам принятого уведомления государства-члены принимают определенные меры и информируют Комиссию, что барьер считают устраненным, однако анализ принятых мер демонстрирует, что устранение не произошло или произошло частично. В таком случае возникает спорная ситуация между Комиссией и странами. Кроме того, существуют случаи, когда государства-члены в течение длительного времени (вплоть до нескольких лет) не принимают никаких мер для устранения барьера.

Видится, что эффективным механизмом разрешения подобных споров стало бы наделение Коллегии Комиссии полномочиями на обращение в Суд Союза по вопросу, касающемуся исполнения государством-членом уведомлений Комиссии в рамках функционирования внутреннего рынка Союза. Проработка этого вопроса предусмотрена стратегическими направлениями развития евразийской интеграции до 2025 года [15].

Факт нарушения обязательств государств-членов будет устанавливаться Коллегией ЕЭК в соответствии с действующей Методологией, фиксируется в соответствующем решении Комиссии и не будет являться предметом рассмотрения Судом Союза в рамках предлагаемой процедуры.

Предложенная компетенция Суда Союза будет заключаться в оценке предпринятых государством-членом мер для устранения допущенного нарушения и установлении факта исполнения или неисполнения уведомления Комиссии.

Таким образом, мы видим три направления развития права Союза для повышения эффективности работы по устранению барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС:

1) совершенствование Методология разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными, а также иных актов, затрагивающих вопросы взаимодействия Комиссии и государств-членов при работе по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза;

2) разработка или доработка актов, входящих в право ЕАЭС, по результатам работы по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза, в том числе с учетом принимаемых консультативных заключений Суда ЕАЭС по обращениям Комиссии о разъяснении положений Договора о ЕАЭС;

3) проработка вопроса о наделении Комиссии полномочиями по обращению в Суда ЕАЭС по вопросам исполнения государствами-членом уведомлений Комиссии в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, и, соответственно, о дополнении компетенции Суда для рассмотрения таких споров.

Таким образом, представляются возможными вышеуказанные направления совершенствования права Союза для повышения роли Суда Союза в рассматриваемых вопросах по устранению барьеров на нашем внутреннем рынке.

Практика показывает, что запрос на повышение действенности механизмов по устранению препятствий есть, что обуславливает и целесообразность их совершенствования и дальнейшего развития. Представляется, что реализация подобных направлений позволит обеспечить дальнейшее прогрессивное развитие Союза в целом и эффективное функционирование его внутреннего рынка в частности.

Литература

1. Бирюкова О.В. Барьеры на пути единого рынка услуг ЕС // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 268–274;
2. Дело С-415/93 Королевский союз бельгийских обществ футбольной ассоциации АСБЛ против Жан-Марка Босмана, Королевский клуб Льежа СА против Жан-Марка Босмана и других и Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) против Жан-Марка Босмана. Официальный журнал Европейского Союза, С 64 от 02.03.1996, Р. 6;
3. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Евразийский экономический союз [сайт]: <https://docs.eaeunion.org/docs/>

ru-ru/0047357/itia_05062014 (дата обращения: 17.11.2021);

4. Договор о Европейском Союзе (Сводная версия 2016 г.) // ОJ С 202, 7.6.2016, с. 13–388;
5. Договор о функционировании Европейского Союза (Сводная версия 2016 г.) // ОJ С 202, 7.6.2016, с. 1–388;
6. Договор об учреждении Европейского сообщества угля и стали (18.04.1951);
7. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (25.03.1957);
8. Доклад «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» // Портал «Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза» [сайт]: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/documents.aspx> (дата обращения: 15.11.2021);
9. Завершая внутренний рынок. Белая книга Комиссии Европейскому Совету. COM (85) 310 final;
10. Исполинов А.С. Суд ЕАЭС о спорте и о легионерах применительно к евразийской интеграции // Закон.ru [сайт]: https://zakon.ru/blog/2018/12/19/sud_eaes_o_sporte_i_o_legionerah_primenitelno_k_evrazijskoj_integracii (дата обращения: 05.12.2021);
11. Консультативное заключение Суда Евразийской экономической комиссии от 30.10.2017 г. // Суд Евразийского экономического союза [сайт]: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/ (дата обращения: 03.12.2021);
12. Консультативное заключение Суда Евразийской экономической комиссии от 31.10.2019 г. // Суд Евразийского экономического союза [сайт]: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.19/ (дата обращения: 04.12.2021);
13. Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества, подписанный в Лиссабоне 13 декабря 2007 г. // ОJ С 306, 17.12.2007, с. 1–271;
14. Постникова Е.В. Обеспечение онлайн доступа к товарам и услугам в рамках внутреннего рынка Европейского Союза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2. – С. 252–267;
15. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // Евразийский экономический союз [сайт]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения: 18.11.2021);
16. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02.02.2021 № 10 «Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными

- ми» // Евразийский экономический союз [сайт]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428533/err_08022021_10 (дата обращения: 15.11.2021);
17. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11.07.2017 г. № 47 «О выполнении государствами – членами Евразийского экономического союза обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза» // Евразийский экономический союз [сайт]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01513853/clcd_12052017_47 (дата обращения: 03.12.2021);
 18. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14.11.2017 г. № 152 «Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения» // Евразийский экономический союз [сайт]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01515284/clcd_16112017_152 (дата обращения: 15.11.2021);
 19. Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 11.10.2018 по делу SE-1–2/4–18-KC по заявлению «Ойл Марин Групп» // Суд Евразийского экономического союза [сайт]: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-1.18/ (дата обращения: 17.11.2021);
 20. Сейтимова В.Х. Роль консультативных заключений суда ЕАЭС в развитии права союза и евразийской интеграции // *Международные отношения и общество* – 2019. – Т. 1., № 3. – С. 71–78.

FULFILLMENT BY THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION OF OBLIGATIONS TO REMOVE BARRIERS IN THE DOMESTIC MARKET: IMPROVING LEGAL REGULATION

Yelikbayev K.N., Romanova M.E.

Eurasian Economic Commission, Financial University under the Government of the Russian Federation

The article discusses approaches to identifying obstacles on the internal market of the Eurasian Economic Union (EAEU), taking into account the historical retrospective. The evolution of EAEU legal acts governing the elimination of barriers and restrictions on the EAEU internal market is analyzed.

Special attention in the article is paid to the analysis of appeals of the Eurasian Economic Commission (EEC) to the EAEU Court for obtaining advisory opinions on problematic situations in the EAEU internal market. At the same time, the impact of the advisory opinions of the Court on the development of the EAEU law was assessed both in a positive and negative manner.

On the basis of the analysis carried out, the directions for improving the EAEU law are identified, which will help to increase the efficiency of the Member States' fulfillment of their obligations within the EAEU internal market.

Keywords: internal market, barriers, obstacles, restrictions, exemption, derogation, the Eurasian Economic Union, trade regulation.

References

1. Biryukova O.V. Barriers to the EU Single Market for Services. *Bulletin of MGIMO University*. – 2015. – No. 2 (41). – S. 268–274;
2. Case C-415/93 *Union royale belge des sociétés de football association ASBL v Jean-Marc Bosman, Royal club liégeois SA v Jean-Marc Bosman and others and Union des associations*

- européennes de football (UEFA) v Jean-Marc Bosman*. *Official Journal of the European Union*, C 64 from 02.03.1996, P. 6;
3. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 // Eurasian Economic Union [website]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0047357/itia_05062014 (date of access: 11/17/2021);
 4. Treaty on European Union (Consolidated version 2016) // OJ C 202, 7.6.2016, p. 13–388;
 5. Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version 2016) // OJ C 202, 7.6.2016, p. 1–388;
 6. Treaty establishing the European Coal and Steel Community (18.04.1951);
 7. Treaty establishing the European Economic Community (25.03.1957)4
 8. Report “Barriers, exemptions and restrictions of the Eurasian Economic Union” // Portal “Functioning of the internal markets of the Eurasian Economic Union” [website]: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/documents.aspx> (date of access: 11/15/2021);
 9. Completing the internal market. White Paper from the Commission to the European Council. COM (85) 310 final;
 10. Ispolinov A.S. Court of the EAEU on sports and legionnaires in relation to Eurasian integration // *Zakon.ru* [website]: https://zakon.ru/blog/2018/12/19/sud_eaes_o_sporte_i_o_legionerah_primenitelno_k_evrazijskoj_integracii (date of access: 12/05/2021);
 11. Advisory opinion of the Court of the Eurasian Economic Commission dated October 30, 2017 // Court of the Eurasian Economic Union [website]: https://court_cases/eaec/P-3.17/ (date of access: 03.12.2021);
 12. Advisory opinion of the Court of the Eurasian Economic Commission dated October 31, 2019 // Court of the Eurasian Economic Union [website]: https://court_cases/eaec/P-3.19/ (date of access: 04.12.2021);
 13. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // OJ C 306, 17.12.2007, p. 1–271;
 14. Postnikova E.V. Providing online access to goods and services within the internal market of the European Union // *Bulletin of the Voronezh State University*. Series: Law. – 2021. – No. 2. – P. 252–267;
 15. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 11, 2020 No. 12 “On Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025” // Eurasian Economic Union [website]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (date of access: 11/18/2021);
 16. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated February 2, 2021 No. 10 “On approval of the Methodology for dividing obstacles in the internal market of the Eurasian Economic Union into barriers, derogations and restrictions and recognition of barriers as eliminated” // Eurasian Economic Union [website]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428533/err_08022021_10 (date of access: 11/15/2021);
 17. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 11.07.2017 No. 47 “On the fulfillment by Member States of the Eurasian Economic Union of obligations within the framework of the functioning of the internal market of the Eurasian Economic Union” // Eurasian Economic Union [website]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01513853/clcd_12052017_47 (date of access: 03.12.2021)
 18. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of November 14, 2017 No. 152 “On approval of the Methodology for dividing obstacles in the internal market of the Eurasian Economic Union into barriers, derogations and restrictions” // Eurasian Economic Union [website]: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01515284/clcd_16112017_152 (date of access: 11/15/2021);
 19. Decision of the Board of the EAEU Court dated October 11, 2018 in the case SE-1–2/4–18-KS on the application of Oil Marine Group // Court of the Eurasian Economic Union [website]: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-1.18/ (date of access: 11/17/2021);
 20. Seitimova V. Kh. The role of advisory opinions of the EAEU court in the development of the law of the Union and Eurasian integration // *International relations and society* – 2019. – V. 1., No. 3. – P. 71–78.

Земельный надзор как средство обеспечения рационального использования и охраны земель в Российской Федерации

Иванов Александр Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Купченко Константин Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, доцент Смоленской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Лазаренко Ольга Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Ягнешко Михаил Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: yagneshkom@gmail.com

В статье представлены результаты анализа проблемных вопросов охраны земельных ресурсов на современном этапе в Российской Федерации. Авторами исследованы наиболее типичные проблемы земельного законодательства, связанные с целевым использованием и охраной земель, а также роль органов земельного надзора как действенного средства в данном вопросе. Анализ проблем в сфере использования и охраны земель позволяет сделать вывод о том, что кроме причин общего характера, на проблематику влияет несовершенство земельного и гражданского законодательства, а также сложившаяся система надзора и управления в данной отрасли. Авторы отмечают, что обязанностью всех землевладельцев являются мероприятия по охране земель, по сохранению благоприятной природной среды и проведению мероприятий по поддержанию плодородия и полезных свойств земель. Существенных результатов можно достичь лишь при помощи использования рациональных способов производства. Пользование земельными участками должно осуществляться методами и технологиями, позволяющими сохранить почвенный слой и не нанести ущерба экологии. Для исполнения предписаний закона необходим действенный земельный контроль со стороны государственных надзорных органов.

Ключевые слова: земельный надзор, земельный кодекс, земельные правонарушения, охрана земли, мониторинг земель.

Экологическое состояние земли как естественного и основного ресурса современного производства и основного параметра существования человека остаётся главным приоритетом жизнеспособности любого современного государства. В соответствии с основными статьями Конституции РФ земля является основой жизни многонационального российского народа. В Земельном кодексе РФ 2001 года закреплены основные положения по охране и использованию земли как основного ресурса, без которого невозможно существование человека.

Рыночные реформы, позволившие передать значительную часть земель в частные руки, среди прочих задач имели целью более рациональное и эффективное управление, т.к. у земельного участка появлялся хозяин, собственник. Однако практика 90-х и начала 2000-х годов показала необходимость контроля со стороны государства за рациональным использованием земли, за целевым использованием и недопущением нанесения вреда при хозяйственном использовании ценнейшего ресурса.

Практически, землепользователь заинтересован в том, чтобы его земля сохраняла плодородие и приносила значительную прибыль на протяжении значительного времени. Любой уход за земельным участком, поддержание его качественных характеристик немалозначимы без определённых расходов со стороны землепользователя. На практике гораздо выгоднее нерациональное землепользование из-за его дешевизны, чем действия, процедуры по улучшению качества и плодородия почв сельскохозяйственного назначения. Экстенсивное использование земли особенно в сельском хозяйстве имеет давние исторические корни, от которых нелегко освободиться даже в условиях рыночных отношений, напрямую связанных с институтом частной собственности. Извлечение максимальной наживы за короткий срок, без соблюдения рационального отношения к земле, без соблюдения природоохранных норм – к сожалению нередкое явление в повседневной практике. Земля стала залогом при обеспечении кредитных обязательств, а в условиях кризиса, пандемии охватившей мир с 2019 года часто становится неиспользуемым активом из-за банкротства землепользователей. В Черноземье, в южных регионах страны эта проблема не столь очевидна, как в центральных регионах России, где огромные земельные массивы сельскохозяйственных угодий оказались невостребованными.

Например, мониторинг земли, проведённый в Смоленской области в 2018–19 гг. показал, что

из 1,2 млн гектар сельскохозяйственных угодий в настоящий момент используется немногим более 200 тыс. гектар. С 2020 по 2021 год удалось вовлечь в хозяйственный оборот ещё порядка 60 тыс. гектар, что явно недостаточно.

Ключевым правовым институтом, регулирующим взаимоотношения общества и природы, выступает охрана земель. Эти отношения обычно рассматриваются через правовой, естественно-природный и социальный аспекты взаимодействия.

Правовая охрана земель как задекларировано в законодательстве, это защита нормами права, конституционного, гражданского, земельного т.е. путем установления прав и обязанностей юридических и физических лиц в отношении земельных ресурсов.

Охрана земель – это непрерываемая ценность, к которой должен стремиться человек и общество с целью сохранения благоприятной окружающей природной среды. Этой цели можно достигнуть с помощью рациональных, интенсивных способов возделывания земли. Эти положения закрепляются прежде всего в ЗК РФ в соответствующих положениях.

Земля должна эксплуатироваться таким образом, чтобы сохранялась экологическая система и без вреда способности земли являться средством производства и основой жизнедеятельности человека.

В ЗК РФ, в ст. 13 для землепользователей закреплены мероприятия по сохранению почв и их плодородия, защите земель от воздушной и ветровой эрозии, селей, подтопления, загрязнения радиоактивными и химическими веществами, захламления отходами производства и потребления и т.д. На землепользователей возлагаются обязанности по рекультивации нарушенных земель, восстановлению плодородия почв, своевременному вовлечению земель в хозяйственный оборот, освоению земли в отведённые сроки с целевым предназначением. На государственные органы возлагается контроль за исполнением землепользователями обязанностей по отношению к земельным ресурсам. Глава 12 ЗК РФ определяет структуру, виды и функции данных органов, закрепляет соответствующую терминологию. Проведение земельного контроля, формы, виды и сроки регулируется земельным и гражданским законодательством РФ.

Государственный земельный контроль возложен в первую очередь на Федеральную службу земельного кадастра России учреждённую в соответствии с Федеральным законом «О государственном земельном кадастре» от 02.01.2000 № 28-ФЗ. Полномочия надзорных служб определяются и иными НПА, например, Постановлением Правительства РФ от 5 сентября 2000 года № 7251. Органам местного самоуправления в рамках действующего законодательства передан общественный земельный контроль. Регламентация деятельности и разграничение функций и полномочий

предусмотрены проектом закона «О федеральном государственном земельном надзоре». Органами земельного контроля в соответствии с данным законопроектом будут являться Росреестр, Россельхознадзор, ФСБ и Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному контролю.

Остаётся в силе и производственный земельный контроль, который должен осуществлять сам собственник или арендатор земельного участка. Как показывает практика, землепользователи подходят к такому контролю формально, а контроль за их действиями не проводится в силу ряда обстоятельств, связанных с финансированием или отсутствием технических средств земельного мониторинга.

По-прежнему не решена проблема невостробованных земель, оставшихся в наследство от прежних сельхозпроизводителей, которые за 20 лет простоя фактически выведены из оборота. Порой поставить эти земли на кадастровый учёт местная власть не может из-за отсутствия элементарных финансовых возможностей.

Часто встречаются ситуации, когда установить прежнего землевладельца невозможно, а не только привлечь к ответственности за причинённый ущерб в отношении земель сельскохозяйственного назначения. По-прежнему очень много вопросов остаётся к контролирующим органам при заборе проб земли, при определении целевого использования земельного участка.

Для совершенствования государственного контроля за использованием и охраной земель необходимо усиление ответственности землепользователей за нарушение земельного законодательства и расширение поощрений за эффективное использование земель, повышение квалификации и компетентности государственных инспекторов по использованию и охране земель. Здесь необходимо обновление учебных программ и курсов, по которым осуществляется подготовка кадров. Необходима и работа по ликвидации правовой безграмотности населения, расширение информированности населения по вопросам земельных отношений и законности землепользования. Данные мероприятия возможны в рамках совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы осуществления государственного контроля за использованием и охраной земель.

Среди органов, осуществляющих надзор за соблюдением земельного законодательства, наибольшими полномочиями обладает Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. К компетенциям данного органа в сфере земельных правоотношений относится надзор за соблюдением требований земельного законодательства о недопущении использования земельного участка не по целевому назначению, запрет самовольного занятия земельного участка, неуплата административного штрафа в срок и многие другие вопросы, связанные с хозяйственной и иной допустимой эксплуатацией земельного участка.

Деятельность органов государственного надзора за соблюдением земельного законодательства позволяет выявить земельные правонарушения, определить результативность работы инспекторов государственного земельного надзора. Анализ эффективности государственного земельного надзора характеризуется показателями, характеризующими не состояние контролируемой сферы, а саму деятельность органов государственного земельного надзора и результата управляющих воздействий. К показателям конечного результата можно отнести количество случаев причинения вреда и размер соответствующего нанесенного ущерба в подконтрольной сфере, которые удалось предотвратить. Немаловажным показателем является экономическая эффективность проверки, которая отражает соотношение между результатами проведенных проверок и затрачиваемыми на это бюджетными средствами.

Большинство показателей ориентированы на целевые установки деятельности органов земельного надзора с точки зрения государства и интересов общества в целом.

По статистическим данным, в 2019 году было проведено 238118 проверок и выявлено 157214 нарушений в сфере земельного законодательства. В отчётах надзорных органов отмечается, что при внеплановых проверках количество выявляемых правонарушений значительно больше. О результативности и продуктивности внеплановых проверок, можно судить по количеству выявляемых правонарушений земельного законодательства, которые составляют в среднем за три года около 85%, а по плановым проверкам лишь 73%. В последние три года наблюдается снижение нарушений в области землепользования, в чём большая роль надзорных органов.

Очевидно прослеживается положительная тенденция увеличения количества выявленных и устраненных нарушений земельного законодательства, что говорит о компетентности и эффективности работы надзорных органов и повышения правосознания самих землепользователей.

Эффективность деятельности государственного земельного надзора, можно оценить, на «удовлетворительно», т.к. она позволяет решать поставленные задачи по соблюдению требований земельного законодательства, но существующее положение дел в земельном секторе не в полной мере отвечает потребностям общества и российского государства.

Эффективность деятельности земельного надзора и органов его осуществляющих, заключается в результатах проведенных проверок, выявлении недочётов и нарушений, их устранения и в результате снижения количества земельных правонарушений в сфере землепользования. Все эти меры послужат природоохранному и экологическому законодательству, позволив сохранить главную производственную ценность -землю для будущих поколений как основной ресурс.

Литература

1. Хлыстун В.Н., Семочник В.Н. Эффективная система земельных отношений в России // Агро-бизнес – Россия 2009. № 4. С. 22.
2. Воронин Б.А. Проблемы организации рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения //Аграрный вестник Урала. 2013. № 12. С. 73
3. Нечаев В. И., Борсукова Г.Н. Повышать эффективность земельных долей // АПК: экономика, управление. 2009. № 4 С. 78–83.
4. Савкин В. И., Деулина А.В. Современные проблемы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 24 С. 46
5. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 15.09.2021 г.)
6. Каюков А.Н. Рациональное использование и охрана земель, теоретические и методические аспекты //Проблемы современной аграрной науки: материалы международной конференции. – Красноярск: Изд-во Красноярский ГАУ. 2019. С. 15–19.
7. Ерофеев Б.В. Земельное право России: учебник для вузов / Б.В. Ерофеев; под научной редакцией Л.Б. Братковской. – 17-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 571 с.
8. Иконицкая И.А. Современные тенденции развития законодательства о земле в Российской Федерации // Государство и право 2019 № 1 с. 70–76
9. Бринчук М.М, Соотношение экологического права с другими отраслями права //Государство и право. 2019 № 7 С. 29–34
10. Жариков Ю.Г Особенности применения норм гражданского законодательства при регулировании земельных отношений М. Зеркало, 2018. 416 с.

LAND SUPERVISION AS A MEANS OF ENSURING THE RATIONAL USE AND PROTECTION OF LAND IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Lazarenko O.N., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.
Smolensk branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration

The article presents the results of the analysis of problematic issues of protection of land resources at the present stage in the Russian Federation. The authors investigated the most typical problems of land legislation related to the targeted use and protection of land, as well as the role of land supervision authorities as an effective means in this matter. The analysis of problems in the field of land use and protection allows us to conclude that, in addition to general reasons, the problems are affected by the imperfection of land and civil legislation, as well as the existing system of supervision and management in this industry. The authors note that it is the responsibility of all landowners to take measures to protect land, to preserve a fa-

avorable natural environment and to carry out measures to maintain the fertility and useful properties of land. Significant results can be achieved only through the use of rational methods of production. The use of land plots should be carried out by methods and technologies that allow to preserve the soil layer and not cause damage to the environment. In order to fulfill the requirements of the law, effective land control by state supervisory authorities is necessary.

Keywords: land supervision, land code, land offenses, land protection, land monitoring.

References

1. Khlystun V.N., Semochnik V.N. Effective system of land relations in Russia // *Agro-business – Russia* 2009. No. 4. p. 22.
2. Voronin B.A. Problems of organization of rational use and protection of agricultural lands // *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2013. № 12. C. 73
3. Nechaev V. I., Borsukova G.N. To increase the efficiency of land shares // *Agroindustrial complex: economics, management*. 2009. No. 4 pp. 78–83.
4. Savkin V. I., Deulina A.V. Modern problems of rational use of agricultural lands // *National interests: priorities and security*. 2011. № 24 C. 46
5. State (national) report on the state and use of lands in the Russian Federation in 2019 [Electronic resource]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (date of address: 09/15/2021)
6. Kayukov A.N. Rational use and protection of lands, theoretical and methodological aspects // *Problems of modern agricultural science: materials of the international conference*. – Krasnoyarsk: Publishing house of the Krasnoyarsk State University. 2019. pp. 15–19.
7. Yerofeev B.V. Land law of Russia: textbook for universities / B.V. Erofeev; under the scientific editorship of L.B. Bratkovskaya. – 17th ed., reprint. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. – 571 p.
8. Iconitskaya I.A. Modern trends in the development of land legislation in the Russian Federation // *State and law* 2019 No. 1 pp.70–76
9. Brinchuk M.M., Correlation of environmental law with other branches of law // *State and law*. 2019 No.7 p.29–34
10. Zharikov Yu.G. Features of the application of the norms of civil legislation in the regulation of land relations M. *Mirror*, 2018. 416 p.

Спорные вопросы совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях

Гаврилов Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: vladimirgavrilov@rambler.ru

Филина Анна Евгеньевна,

студент Института прокуратуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: afi1ina@yandex.ru

Ушаков Руслан Михайлович,

магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
E-mail: rafikov.ruslan@list.ru

По результатам проведенного в 2018 году реформирования наследственных правоотношений в России, в гражданский оборот было введено такое явление правового характера как совместное завещание, наиболее широко используемое в зарубежных правовых системах, но не получившего должного распространения в нашей стране. Введение указанной правовой конструкции было подвергнуто критике со стороны научного сообщества и практикующих юристов, отметивших ряд правовых проблем и недостатков, связанных с его реализацией, и имеющих решающее значение для становления этого правового института в будущем.

Целью исследования является определение спорных вопросов совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях, и определении возможных решений обнаруженных проблем.

Методологическая основа исследования включает в себя совокупность методов познания, а именно анализ, синтез, аналогию, сравнение, позволяющих раскрыть правовую природу и проблемы реализации совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях, определить пути решения выявленных проблем.

Область применения. Исследование носит научно-прикладной характер, его результаты могут быть использованы при совершенствовании гражданского законодательства.

Выводы и значимость. Необходимо совершенствовать институт совместного завещания супругов в целях недопущения злоупотреблений со стороны пережившего супруга, повышать значимость института совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях, не допустить формирования «мёртвых» институтов наследственного права современной России.

Ключевые слова: наследственное право, наследство, совместное завещание, переживший супруг.

Введение

Традиционно считается, что наследственное право относится к консервативной подотрасли гражданского права, и оно мало подвержено каким-либо кардинальным изменениям, о чем, в частности, можно судить, если обратиться к российскому гражданскому законодательству, регулиющему наследственные правоотношения. В период с вступления в силу части третьей Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и по настоящее время, наиболее крупные изменения были внесены в 2016–2018 гг., установив новые, ранее не использованные в наследственных правоотношениях способы распоряжения имуществом – совместные завещания супругов и наследственные договоры. Среди нововведений можно также отметить введение упрощенного порядка наследования, трансформация самого понятия «завещание», конкретизация и расширение условий о доверительном управлении имуществом и многое другое.

1. Понятие и основные положения законодательства о совместном завещании супругов

Введение в гражданский оборот рассматриваемого понятия явилось заимствованием зарубежного опыта в части регулирования наследственных отношений. Правовая конструкция совместного завещания супругов используется во многих странах мира. К их числу относятся США, Великобритания, Германия, Австрия, Латвия, Украина и др.

По замыслу отечественного законодателя, анализируемый способ распоряжения имуществом не отменяет индивидуальные завещания, а выступает дополнительным (альтернативным) способом распоряжения имуществом, оставшегося после смерти, в частности, одного из супругов. Правовую сущность совместного завещания супругов можно определить тем, что если у лиц, находящихся в браке, имеется совместная собственность, то при составлении совместного завещания они наделены правом определения судьбы имущества, непосредственно после летального исхода одного из них. Это исключает в дальнейшем для наследников необходимость раздела имущества путем выделения долей, определение круга наследников, и иные правовые процедуры, снижая тем самым количество судебных споров и конфликтов между вероятными наследниками. Одним из классических вариантов подобного развития событий является ситуация, при которой наследники могли

выселить пережившего супруга-не собственника из квартиры, оказавшейся предметом индивидуального завещания наследодателя.

Одновременно с совместным завещанием супругов нормами ГК РФ предусматривается возможность заключения наследственного договора, представляющего собой соглашение между наследодателем, наследниками и иными лицами, правильный процесс распределения прав и обязанностей, порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора, а так же иные вопросы. По верному замечанию Е.П. Путинцевой, «наследственный договор создает только ожидания сторон договора или лица, в пользу которого заключен такой договор, поскольку не ограничивает право наследодателя по распоряжению своим имуществом при жизни, что свидетельствует о рисковом характере такой сделки» [7, с. 14].

Основным отличием указанной правовой конструкции от совместного завещания супругов, является то, что совместное завещание составляется супругами вместе, а наследственный договор определяет круг вероятных наследников, условия перехода права собственности на имущество умершего, а также иные условия, прописанные в наследственном договоре.

2. Критические замечания научного сообщества о введении института совместного завещания

Научное сообщество весьма неоднозначно восприняло нововведения законодателя, подвергнув критике сам факт введения заимствованной правовой конструкции совместного завещания супругов в отечественный гражданский оборот. Основные замечания были изложены в экспертном заключении на проект Федерального закона № 451522–7, основным выводом которого стало отсутствие достаточного концептуального обоснования вводимых преобразований [8]. Критические замечания были высказаны такими специалистами как: В.В. Долинская, Ю.С. Поваров, С.Ю. Чашкова, В.В. Гущин и многими другими.

Указанные специалисты неоднократно обращали внимание на спорные вопросы рассматриваемой правовой конструкции в наследственных правоотношениях, недостаточного определения его правовой природы. В частности, В.В. Долинская указывала на такие спорные вопросы как – считать ли совместное завещание супругов односторонней сделкой? Являются ли волеизъявления супругов встречными или носят однонаправленный характер и пр.[4, с.11]?

Н.В. Владимирова, В.Н. Гаврилов, оценивая возможность введения в гражданский оборот института совместного завещания супругов, отметили, что несмотря на то, что данная правовая конструкция широко используется в международной практике, в России она может оказаться малоэффективной ввиду ее не востребованности, и как

следствие приведёт к появлению мертвого института совместного завещания супругов. Исследователи объясняют свою позицию своеобразием российского менталитета, отсутствием реальных механизмов защиты интересов наследников, в ситуации, когда переживший супруг может изменить в свою пользу совместное завещание [2, с. 64].

Е.Л. Полетаева, Е.В. Чигрина, напротив, позитивно оценили возможность оформления совместного завещания супругов, назвав его бесконфликтным способом распоряжения наследственным имуществом. По мнению указанных авторов, благодаря совместному завещанию супругов реализуется возможность эффективной защиты имущественных интересов пережившего супруга, а так же иных наследников [5, с. 24].

Если обобщить имеющиеся в правовой литературе точки зрения на спорные вопросы совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях, то можно прийти к выводу о том, что предложенная отечественным законодателем правовая конструкция совместного завещания в настоящее время является достаточно сложным и не совсем понятным правовым институтом, как для участников наследственных правоотношений, так и для юристов-правоведов и профессиональных сообществ. Ситуация усугубляется и тем, что ввиду небольшого периода их действия не сложилась достаточная правоприменительная практика их реализации.

3. Практические проблемы реализации совместного завещания супругов и пути решения

Обратимся к практическим проблемам реализации совместного завещания супругов, среди которых наиболее актуальной выступает возможность отмены совместного завещания пережившим супругом. На выделенную проблему неоднократно указывалось в научном сообществе, но она до настоящего времени носит актуальный характер.

Исследователи указанного вопроса говорят о ненадежности и неэффективности такой правовой конструкции как совместное завещание. Соответствующее мнение было высказано А.А. Антоновой [1], Е.В. Герасимовым [3] и другими цивилистами. Указанные авторы ставят под сомнение надежность такого правового института как совместное завещание супругов, поскольку в результате его отмены одним из супружеской четы, возникает вероятность злоупотребления наследственными правами после смерти первого из супругов. Например, речь может идти о том, что наследственное имущество может быть реализовано таким образом, против которого выступал при жизни первый супруг, т.е. фактически происходит нарушение его воли.

Сказанное обуславливает необходимость введения на законодательном уровне запрета возможности отмены совместного завещания пере-

жившим супругом, поскольку данная процедура нарушает права, свободы и законные интересы умершего супруга. Также, по мнению председателя комиссии Московской городской нотариальной палаты Мариной Герасимовой – «представляется более разумным вообще убрать возможность отмены совместного завещания после смерти одного из супругов» [6]. Повышение значения совместного завещания и недопуск злоупотреблений со стороны пережившего супруга – то, что предоставляется возможным при принятии указанного решения.

Выводы

Проанализировав спорные вопросы совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях, представляется, что указанный правовой институт в том виде, который сейчас закреплен в гражданском законодательстве, нуждается в дальнейшем правовом совершенствовании. Необходимо, учитывая большинство критических замечаний со стороны научного сообщества и практикующих юристов, создать условия, повышающие эффективность его использования в наследственных правоотношениях, разработать механизмы реального обеспечения прав и законных интересов пережившего супруга, не допустить злоупотреблений с его стороны, и пр.

В качестве практических рекомендаций следует уделить должное внимание возможности установления на законодательном уровне запрета возможности отмены в одностороннем порядке совместного завещания пережившим супругом.

Обозначенные пути решения выявленных проблем, несмотря на ужесточение положений гражданского законодательства в части регулирования наследственных правоотношений, позволит решить ряд актуальных спорных вопросов совместного завещания супругов в наследственных правоотношениях, и «оживить» интерес общества к наследственным нововведениям, что и является сутью проводимой наследственной реформы в отечественном праве.

Литература

1. Антонова А.А. Совместное завещание супругов как новый институт гражданского права / А.А. Антонова // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: Сб. ст. IV Междунар. науч. – практ. конф. Пенза, 2020. – С. 59–61.
2. Н.В. Владимирова, Гаврилов В.Н. К вопросу о введении в Российской Федерации института совместного завещания супругов / Н.В. Владимирова, В.Н. Гаврилов // Студенческий: электрон. научный журнал. – № 3(3). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2017. – С. 62–64.
3. Герасимов Е.В. Совместное завещание супругов: вопросы толкования и применения /

Е.В. Герасимов // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 58–6. – С. 21–23.

4. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 10. – С. 11–14.
5. Полетаева Е.Л. К вопросу о совместном завещании супругов как бесконфликтном способе распоряжения наследственным имуществом / Е.Л. Полетаева, Е.В. Чигрина // Наследственное право. – 2020. – № 2. – С. 20–24.
6. Потенциальные проблемы исполнения совместных завещаний и наследственных договоров // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://www.garant.ru/article/1282860/> (дата обращения 12.10.2021).
7. Путинцева Е.П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / Е.П. Путинцева – Екатеринбург, 2015. – 23 с.
8. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 451522–7 «О внесении изменений в часть первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/decisions/> (дата обращения 12.10.2021).

CONTROVERSIAL ISSUES JOINT WILL IN INHERITANCE RELATIONS

Gavrilov V.N., Filina A.E., Ushakov R.M.

Saratov State Law Academy (SSLA); National Research University Higher School of Economics

According to the results of the reform of hereditary legal relations in Russia carried out in 2018, legal constructions of a joint will of spouses were introduced into civil circulation, which are most widely used in foreign legal systems, but have not received proper distribution in our country. The introduction of these legal structures was criticized by the scientific community and practicing lawyers, who noted a number of legal problems and shortcomings associated with their implementation, and are crucial for the development of a joint will of spouses and an inheritance contract in the future.

The purpose of the study is to determine the controversial issues of a joint will in hereditary legal relations, and to identify possible solutions to the identified problems.

The methodological basis of the research is a set of methods of cognition, including analysis, synthesis, analogy, comparison, allowing revealing the legal nature and problems of the implementation of a joint will in hereditary legal relations, to determine ways to solve the identified problems.

Scope of application. The research is scientifically applied in nature, its results can be used to improve civil legislation.

Conclusions and significance It is necessary to improve the institution of joint expression of the will of spouses in order to prevent abuse by the surviving spouse, to increase the importance of the institution of joint will of spouses in hereditary legal relations, to prevent the formation of “dead” institutions of inheritance law in modern Russia.

Keywords: inheritance law, inheritance, joint will, surviving spouse.

References

1. Antonova A.A. Joint testament of spouses as a new institution of civil law / A.A. Antonova // Jurisprudence in theory and practice: topical issues and modern aspects: Sat. Art. IV Int. scientific. – practical. conf. Penza, 2020. – S. 59–61.
2. N.V. Vladimirova, V.N. Gavrilov On the issue of introducing the institution of joint will of spouses in the Russian Federation / N.V. Vladimirova, V.N. Gavrilov // Student: electron. Science

- Magazine. – No. 3 (3). Novosibirsk: Ed. ANS “SibAK”, 2017. – pp. 62–64.
3. Gerasimov E.V. Joint will of the spouses: questions of interpretation and application / E.V. Gerasimov // Trends in the development of science and education. – 2020. – No. 58–6. – S. 21–23.
 4. Dolinskaya V.V. On development trends and problems of inheritance law in Russia / V.V. Dolinskaya // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2018. – No. 10. – P. 11–14.
 5. Poletaeva E.L. On the issue of a joint will of spouses as a conflict-free way of disposing of inherited property / E.L. Poletaeva, E.V. Chigrina // Inheritance law. – 2020. – No. 2. – P. 20–24.
 6. Potential problems of the execution of joint wills and inheritance contracts // GARANT.RU. URL: <http://www.garant.ru/article/1282860/> (date of treatment 10/12/2021).
 7. Putintseva E.P. Orders in case of death under the laws of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: author. diss. ... Cand. jurid. sciences. / E.P. Putintseva – Yekaterinburg, 2015. – 23 p.
 8. Expert opinion on the draft Federal Law No. 451522–7 “On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation.” URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/decisions/> (date of treatment 10/12/2021).

Чижик Алексей Петрович,

кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой «Правовые дисциплины» Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский экономический институт»
E-mail: achizhik@yandex.ru

Саяпина Татьяна Сергеевна,

старший преподаватель кафедры «Правовые дисциплины», начальник отдела координации научно-исследовательской деятельности Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский экономический институт»
E-mail: tatiana-communicate@yandex.ru

Исследуются особенности влияния искусственного интеллекта на различные сферы жизнедеятельности. Выясняется, что на развитие правового регулирования искусственного интеллекта оказывают влияние мировые тенденции. Особенно важную роль в его исследовании сыграли такие страны как США и Китай, на долю их исследований на сегодняшний день приходится 80% всех мировых исследований искусственного интеллекта. Обращается внимание и на особую роль Европейского Союза в развитии исследований об искусственном интеллекте. Рассматривается специфика его правового регулирования в России с учетом международных тенденций научных исследований. Анализируются действующие нормативно-правовые акты и прогнозируются перспективы развития российского правового регулирования искусственного интеллекта. Обращено внимание на то, что в России правовые основы искусственного интеллекта начинают только формироваться и требуют глубокой дальнейшей научной проработки в первую очередь, в сфере гражданского права, поскольку оно наиболее существенно урегулирует возможные такого рода правоотношения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, тенденции, цифровизация, цифровое право.

С.А. Соменков справедливо отмечает, что научные исследования в сфере искусственного интеллекта и попытки его правового обоснования велись не одно десятилетие, но только в настоящий момент стали появляться первичные основы формирования ее комплексного правового регулирования [1].

На развитие правового регулирования искусственного интеллекта в России и зарубежных странах большую роль оказывают мировые тенденции. Особенно важную роль в его исследовании сыграли такие страны как США и Китай, на долю их исследований на сегодняшний день приходится 80% всех мировых исследований искусственного интеллекта. Особая роль принадлежит специальным исследованиям и учеными Европейского Союза. Причем В.А. Лаптев справедливо считает, что формирование мировых научных исследований, посвященных рассмотрению искусственного интеллекта, главным образом произошло в середине XX в. [2]. С этого момента начинают появляться и законодательные положений, закрепляющие порядок его применения.

Исследование искусственного интеллекта стало IV этапом промышленной революции [3]. В Стенфордском университете даже разработан специальный интерактивный курс, раскрывающий особенности правового регулирования отношений, связанных с применением искусственного интеллекта [4].

Рассматривая российские тенденции, важно отметить, что искусственный интеллект сегодня – это одно из направлений цифровизации экономики и общества, развитие которого усиленно началось в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Тем самым, в российской правовой среде возможность прямого урегулирования общественных отношений, связанных с применением искусственного интеллекта, вытекает из общего курса, отмеченного Президентом России. Тем самым, можно сказать, что такая возможность носит общий характер.

Однако общих направлений явно недостаточно для формирования эффективной базы правового регулирования общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом. В результате, для урегулирования непосредственно цифровых правоотношений российские ученые задались вопросом о необходимости разработки Цифрового кодекса [5]. Однако нужно ли действительно принятие отдельного кодекса – вопрос. Ведь в данном случае такой подход будет тесно связан с возможностью рассмотрения цифрового права в качестве отрасли российского права.

Рассмотрим данную ситуацию подробнее. В целом, процесс цифровизации можно назвать положительным явлением. Однако в связи с недостаточностью его правовой регламентации и научного обоснования, на сегодняшний день ведутся различного рода научные дискуссии о возможности его отнесения к самостоятельной отрасли российского права.

Так, например, И.Л. Петрова и В.С. Манохин считают, что его можно рассматривать в качестве самостоятельной, но формирующейся отрасли права, поскольку ряд ее структурных элементов еще предстоит дорабатывать [6]. Н.Д. Саранкина поднимает вопрос о возможности рассмотрения его в качестве отрасли, подотрасли и института права [7]. Кроме того, рассматривая отрасль гражданского права, многие авторы склоняются к отнесению цифровых прав к новым объектам гражданских прав [8].

Анализируя вышеприведенные взгляды ученых и положения научной доктрины в целом, можно прийти к выводу о том, что современное цифровое право не имеет собственного предмета и метода. Поэтому мы не можем фактически его отнести к самостоятельной отрасли права. Однако и изолированным оно не является. Как справедливо отмечает М.А. Рожкова, оно очень тесно связано с информационным правом [9]. Однако оно связано и с иными отраслями права (в частности, с гражданским правом, поскольку, например, гражданско-правовые соглашения (договоры) могут быть заключены и в электронной форме) [10].

Тем самым, по мнению автора, цифровое право – это не новая отрасль российского права, оно внедряется в уже существующие отрасли. Поэтому для упорядочения цифровой сферы общества достаточно ввести лишь отдельные нормы в уже существующие кодексы, как это справедливо осуществляется уже на протяжении достаточно длительного периода времени.

Так, например, в 2015 году в гражданское, арбитражное и уголовное процессуальное законодательство, а также в законодательство об административных правонарушениях и закон об исполнительном производстве, были внесены изменения относительно применения электронных документов в качестве доказательств в суде [11]. В 2019 году в ГК РФ была введена норма о цифровых правах [12]. В этом же году принят закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ [13]. Кроме того, были приняты и иные нормативно-правовые акты, так или иначе регламентирующие правоотношения в сфере искусственного интеллекта [14].

Рассматривая гражданские правоотношения, отметим, что IV часть ГК РФ содержит основные положения о праве интеллектуальной собственности. Причем, как справедливо отмечают В.Ф. Яковлев и А.Л. Маковский, данная часть разрабатывалась на уровне одного из важнейших этапов в истории развития российского гражданского законодательства об интеллектуальной соб-

ственности, условия участия которой в гражданском обороте сопоставимы со значимостью материальных ценностей [15].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, отметим, что формирование российского правового регулирования искусственного интеллекта тесно связано с распространением мировых тенденций об искусственном интеллекте и возможности его правового урегулирования. Однако в России на сегодняшний день правовые основы искусственного интеллекта начинают только формироваться и требуют глубокой дальнейшей научной проработки в первую очередь, в сфере гражданского права, поскольку оно наиболее максимально урегулирует возможные подобные правоотношения. Но, к сожалению, не прямо, что порождает различные научные дискуссии и правовую неопределенность. Именно поэтому российское гражданское законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании в сфере регламентации искусственного интеллекта.

Литература

1. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 2 (54). – С. 75–76.
2. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 80.
3. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 3–5 с.
4. Stanford University Explore Courses. LAW 4039: Regulating Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. – URL: <https://explorecourses.stanford.edu/print?q=LAW+4039%3A+Regulating+Artificial+Intelligence&description=on&academicYear=20202021&page=0&filter-coursestatus-Active=on&collapse=&catalog=> (дата обращения: 30.01.2022).
5. Для России напишут «Цифровой кодекс». Регулирование новой экономики могут объединить в одном документе // Известия [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/news/669972> (дата обращения: 30.01.2022).
6. Петрова И.Л., Манохин В.С. Цифровое право – новая отрасль российского права (вопросы номинации)? // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4 (53). – С. 167–168.
7. Саранкина Н.Д. Цифровое право – отрасль, подотрасль или институт права? / в сборнике «Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право» / материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием. – М.: РУДН, 2019. – С. 562–563.
8. Кулажников В.В., Усов А.В. Цифровые права – новый объект гражданских прав в Российской

Федерации / в книге: «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях» / сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2019. – С. 304–305.

9. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // *Хозяйство и право*. – 2020. – № 4. – С. 5–6.
10. Родионов Л.А. К вопросу о правовой характеристике цифровых технологий в гражданском праве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2019. – № 4–3. – С. 188–189.
11. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 10. Ст. 1411.
12. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2019. № 12. Ст. 1224.
13. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2019. № 31. Ст. 4418.
14. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 17. Ст. 2701.
15. Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части гражданского кодекса России // *Журнал российского права*. – 2007. – № 2 (122). – С. 3.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chizhik A.P., Sayapina T.S.
Moscow Economic Institute

The features of the influence of artificial intelligence on various spheres of life are investigated. It turns out that the development of legal regulation of artificial intelligence is influenced by global trends. Countries such as the United States and China played a particularly important role in his research, their research currently accounts for 80% of all global artificial intelligence research. Attention is also drawn to the special role of the European Union in the development of research on artificial intelligence. The specifics of its legal regulation in Russia are considered, taking into account international trends in scientific research. The current regulatory legal acts are

analyzed and the prospects for the development of the Russian legal regulation of artificial intelligence are predicted. Attention is drawn to the fact that in Russia the legal foundations of artificial intelligence are just beginning to be formed and require deep further scientific study primarily in the field of civil law, since it most significantly regulates possible such legal relations.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, trends, digitalization, digital law.

References

1. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: From Object to Subject? // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. – 2019. – No 2 (54). – pp. 75–76.
2. Laptev V.A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Responsibility for Its Work // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. – 2019. – No. 2. – p. 80.
3. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Textbook. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020. – 3–5 p.
4. Stanford University Explore Courses. LAW 4039: Regulating Artificial Intelligence [Electronic resource]. – URL: [https://explore-courses.stanford.edu/print?q=LAW+4039%3A+Regulating+Artificial+Intelligence&descriptions=on&academicYear=20202021&page=0&filter-coursestatus-Active=on&collapse=&catalog=\(date of application: 30.01.2022\)](https://explore-courses.stanford.edu/print?q=LAW+4039%3A+Regulating+Artificial+Intelligence&descriptions=on&academicYear=20202021&page=0&filter-coursestatus-Active=on&collapse=&catalog=(date%20of%20application%2030.01.2022)).
5. For Russia, They Will Write a “Digital Code”. Regulation of the New Economy can be Combined in One Document // *Izvestia* [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/news/669972> (accessed: 30.01.2022).
6. Petrova I.L., Manokhin V.S. Digital Law – a New Branch of Russian Law (Nomination Issues)? // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. – 2019. – No 4 (53). – pp. 167–168.
7. Sarankina N.D. Digital law – Branch, Sub-Branch or Institute of Law? / in the Collection “Jurisprudence 2.0: a New Look at Law” / *Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation*. – Moscow: RUDN, 2019. – pp. 562–563.
8. Kulazhnikov V.V., Usov A.V. Digital Rights – a New Object of Civil Rights in the Russian Federation / in the book: “The Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions” / *Collection of Materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference*. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. – pp. 304–305.
9. Rozhkova M.A. Is Digital Law a Branch of Law and should We Expect the Appearance of a Digital Code? // *Economy and Law*. – 2020. – No. 4. – pp. 5–6.
10. Rodionov L.A. To the Question of the Legal Characteristics of Digital Technologies in Civil Law // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2019. No. 4–3. – pp. 188–189.
11. Federal law of March 8, 2015, № 41-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Meeting of the Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 10. Article 1411.
12. Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 12. St. 1224.
13. Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 “On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 31. St. 4418.
14. Federal Law No. 123-FZ of April 24, 2020 “On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation – the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 17. St. 2701.
15. Yakovlev V.F., Makovsky A.L. About the Fourth Part of the Civil Code of Russia // *Journal of Russian Law*. – 2007. – No 2 (122). – p. 3.

Правовая природа принципов уголовного процесса

Асанов Владимир Валерьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: wladimir.asanov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию природы принципов уголовного процесса. Автор статьи предпринимается попытка анализа природы изучаемого феномена. Рассматривается не только его природа как формального правового предписания, но и посредством анализа некоторых механизмов воздействия принципов права как на правоотношения, так и на индивидов, участвующих в них, а равно и восприятия принципов права в качестве норм, апеллирующих к наиболее важным и социально значимым интересам, исследуются иные аспекты существования принципов права, раскрывающих их природу. Автор обращает внимание на потенциальную возможность более широкого воздействия принципов права на отношения в обществе, помимо собственно нормативного их регулирования. Отмечается особое значение принципов права по сравнению с прочими правовыми нормами, что связано с природой принципов.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, принципы права, уголовный процесс, теория права, верховенство права.

Принципы уголовного процесса занимают одно из важнейших мест среди норм, регулирующих правоотношения в сфере уголовного судопроизводства. Вместе с тем, вопросы относящиеся к области принципов остаются дискуссионными. Несмотря на то, что, как справедливо отмечает С.С. Безруков «процессуалисты практически единодушны в том, что к принципам уголовного процесса относятся наиболее общие (предельно общие, максимально общие) руководящие положения (идеи) на которых строится уголовный процесс» [1, с. 137], едва ли можно говорить о том, что мы осознаём природу такого феномена. Более того, хотя в теории права в целом традиционно много уделяется внимание исследованию феномена принципов права, едва ли можно утверждать, что нам удалось в полной мере раскрыть его природу. Мы привыкли видеть в принципах права некие руководящие нормы, содержание и направление правового регулирования, а сами принципы подразделять на общеправовые (или общие), отраслевые и межотраслевые [2, с. 237].

При этом общие принципы права мы можем рассматривать, например, как «руководящие, принципиальные положения, исходные начала всего права в целом либо определённой его отрасли» [3, с. 408].

Отраслевые принципы близки по своему смыслу с общими принципами права, но лишь только в рамках той области, в которой они сложились. Так, принципы уголовного процесса определяются, например, как «основные начала организации суда и его вспомогательных органов (судоустройства), а также уголовно-процессуальной деятельности (судопроизводства) в конкретный исторический период» [4, с. 262].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на разницу в восприятии природы принципов права.

Например, они могут рассматриваться как «руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе» [2, с. 237].

Изучая общие принципы права, С.П. Погребняк, на основе анализа работ ряда авторов высказывает суждение, что «при характеристике общих принципов права доктрина обычно обращает внимание на то, что они охватывают в целом правовые основы, поскольку распространяются на формирование самих правовых начал, а также на все сферы воздействия таких основ, способствуют

единству и стабильности формируемой правовой системы основными системы законодательства, определяют качественные особенности всех правовых норм национальной правовой системы независимо от специфики регулируемых ими общественных отношений» [5, с. 80].

Н.Н. Вопленко и В.А. Рудковской анализируя феномен принципов права отмечают, что объективное их существование обосновывается не столько неразрывной связью принципов с закономерностями экономической и политико-правовой жизни, сколько ценностным прогрессом в развитии правовой системы, выработки более прогрессивной системы ценностей, что позволяет авторам заключить, что принципы права есть ценностные ориентиры его создания и реализации [6, с. 7].

Предположим, что принципы права действительно являются ценностными ориентирами, феноменом, отображающим в праве набор неких социально значимых императивов, которым придан характер юридических норм.

В таком случае, подобные ориентиры должны отображать те обязательные правила, которые представляются важными для тех, кто способен придать им характер общеобязательной социальной нормы и обеспечивать стремление к их выполнению всеми в обществе, в том числе при помощи методов государственного принуждения.

Можно предположить и то, что принципы права либо отображают содержание некоего мифа, свойственного обществу или значимого для него, либо же мифа, важного для тех, кто будучи способен влиять на поведение общества придаёт такому мифу характер всеобщего правила. В первом случае, придание созданного на основе мифа правилу особого характера защиты по сравнению с прочими социальными нормами способствует как собственно правовому закреплению обязательного для всех правила поведения, так и его дополнительному, помимо отображения его в комплексе основополагающих для данного общества взглядов и представлений, проникновению в базовую модель отношений, а через них и в саму суть общества, его культурную парадигму, вследствие чего такие мировоззренческие и ценностные категории не только отображаются в общественных императивах, но сами такие императивы рассматриваются как юридические установления, определяющие правовой порядок и суть правопорядка данного общества и государства, как особого состояния общества, что не только усиливает репутационные потери в случае нарушения таких правил, но и порождает более суровое наказание и особый порядок реинтеграции нарушителя в общество. Во втором, такой набор правил, отображает то, что по каким-то причинам важно для тех, кто способен установить нормативный характер таких правил и, что не менее важно, определить порядок их исполнения. В таком случае такие правила либо должны стать нормой, привычной для общества, либо, поскольку внешнее содержание

правил может в той или иной мере корректироваться устанавливаемой процедурой и фактической практикой, сами нормы могут оставаться, в лучшем случае, декларативными, в то время как включение подобных предписаний в систему правил достигает понятную для законодателя цель.

Таким образом, едва ли можно утверждать, что при формировании принципов права как нормативно-правовых императивов отображается ценностное содержание общества, как и ценностная (идеологическая) основа институтов государства. Вместе с тем, в силу специфики правовых норм, принципы права в любом случае становятся потенциально обязательными правилами, способными по самой своей природе особым образом влиять на правоотношения, в основу которых они положены. Причём подобная вероятность существует уже хотя бы в силу присутствия в праве таких норм, а значит и особого их положения среди прочих социальных норм. Гипотетически следование таким правилам должно демонстрировать как добропорядочность, так и правопослушность лица, а значит и свидетельствовать о его репутации в глазах окружающих.

Но приобретают ли вследствие этого принципы права именно состояние ценностного ориентира? Пожалуй, если мы будем утверждать подобное, едва ли мы будем точны в своём суждении. Принципы права остаются ровно тем, чем делает их законодатель и мы сами, когда создаём и применяем подобные нормы. Разумеется, любой из рассматриваемых принципов способен одновременно играть роль и ориентира, определяя значимую цель, устанавливать модель нормальных отношений и создавать идеал, к которому необходимо стремиться. Но с таким же успехом принципы могут оставаться формальной нормой и не находить подлинного воплощения в практике, проявляя себя в праве, в лучшем случае, лишь в качестве симуляции намерений, не имея для иного, что обеспечило обязательное их выполнение лицом, должным применить такую норму, но игнорирующим или же даже нарушающим её, ни значимого общественного порицания, ни реальных и неотвратимых правовых последствий.

Выделяя какие-либо принципы права, мы наблюдаем не только описание некой модели поведения, не только ожидаемый результат, но и предполагаем модель стратегии поведения, нарушение которой должно быть не выгодно для лица, обязанного соблюдать такую норму. И если это так, то декларирование в праве некоего принципа, не порождающего модель поведения, которой необходимо неуклонно следовать, а лишь демонстрирующую отражение идеального в нашем несовершенном мире, едва ли придаёт принципам права какое-либо значение. Более того, нам будет важно не только то, что содержится в самой норме-принципе, но и то, как описывается предлагаемая модель поведения и как её описание соотносится с реальным её воплощением и будут ли отношения достигать того результата, который

предполагается такой моделью, определяемой таким принципом. В этом принцип права едва ли отличается от любой иной социальной нормы и, тем более, от норм права.

И институты государства и само общество участвуют в воспроизводстве такого установления, раз за разом повторяя предлагаемое правило поведения или игнорируя его, одновременно порождая некоторый результат и испытывая на себе определённый набор последствий избранного варианта поведения. Причём как институт государства, так и общество, если кто-либо из них будет заинтересован в воспроизводстве данного правила, будут всеми способами стремиться показать, что такие правила составляют саму их суть, а следование этим правилам необходимо рассматривать в качестве нормальной стратегии поведения. Подобное поведение, если оно необходимо, позволяет продемонстрировать во вне свою «добродетельность», «надлежащую репутацию», с тем, что бы поведение лица могло быть воспринято окружающими как «просоциальное» или каким-либо иным одобряемым образом в зависимости от того, какой вариант рассматривается в качестве блага.

Институты государства при этом всегда являются теми инструментами, которые имеют важное полезное свойство – они потенциально способны обеспечить правилу характер обязательной модели поведения и со своей стороны создать необходимые условия для соблюдения такого правила всеми участниками отношений, например, убеждая в предпочтительности предложенного варианта поведения или же принуждая к нему всякое лицо, принадлежащее к данной общности или находящееся на территории, которую данное государство считает своим. С другой стороны, общество, имеющее влияние на институты государства и заинтересованное в соблюдении определённых установлений, способно заставить их следовать необходимым правилам, например, под угрозой утраты поддержки их обществом, если, разумеется, государство нуждается в такой поддержке.

Это применимо и к принципам права. Однако следует учитывать особенность. Принципы права не только содержат базовые правила, но и выступают порой моральными, ценностными императивами, пронизывающими право в целом или отдельную её отрасль. В то же время, не всё постулируемое в качестве принципов права имеет характер очевидных для всех ценностей и, тем более, моральных установлений. Не все принципы права возникают и действуют именно как всеобщие ценностные императивы, нашедшие отражение в праве. Особенно когда в отношении привносят нечто отсутствующее в обычной практике общества или пока не свойственное ему в целом. Однако в силу специфики природы норм-принципов, оказывающих особое воздействие на участников правоотношений, последние обязаны не только придерживаться предлагаемых правил, но и соотносить с ними иные действия, относящиеся к сфере регулирования таких норм-принципов. Можно пред-

положить, что в результате воздействия на правоотношения принцип права должен приобрести характер не только базового, основополагающего правила поведения, но и нормы особым образом воспринимаемой обществом, значимой для него и порождающей дополнительные и разнообразные, причём не только сугубо правовые, последствия в случае её нарушения.

Специфика рассматриваемых норм предполагает трудности в формальном их воспроизведении в праве. Это связано с тем, что их содержание должно порождать более единообразный смысловой и эмоциональный отклик, поскольку сама норма описывает не только правило, но и ценность. В свою очередь сложности в правовом воплощении и воспроизведении подобных норм затрудняют и единообразное их применение, поскольку без специальных усилий, начиная с общего для всех подхода к её научению, заканчивая маргинализацией каждого случая их нарушения, она едва ли не с трудом будет восприниматься в том же контексте, как её воспринимают те, кто инициировал её принятие в качестве принципа. Кроме того, как и любая социальная норма, соответствующий принцип права станет воспроизводиться таким образом, который будет наиболее предпочтителен для лица. В условиях, когда для индивида внешние и внутренние факторы будут порождать меньшие издержки от несоблюдения нормы или же от исполнения предписания нормы за пределами допустимого нормой минимума, чем выгода от следования её предписанию, едва ли можно надеяться, что стратегия поведения, основанная на соблюдении предписания, станет для такого индивида более предпочтительной. В свою очередь, успешность применения более выгодной стратегии поведения другими создаёт пример для подражания, а норма-принцип обесценивается и утрачивает значение, в том числе и как ценностный ориентир, порождая в лучшем случае симуляцию её применения. Нечто подобное можно, например, наблюдать рассматривая феномен так называемого рынка «лимонов» [7, с. 488–500]. Миф объясняющий и обосновывающий существование нормы-принципа способен оправдать в наших глазах её существование. Но едва ли само по себе существование мифа заставит индивида следовать предлагаемому правилу, стремиться к его воплощению. Особенно если применение такой стратегии поведения не выгодно ему, сопряжено с издержками большими, чем те, которые возникнут у него при нарушении установленного предписания, если описываемая в норме-принципе стратегия поведения индивида, действующего одновременно с другими лицами в условиях, когда отклонение от предлагаемой в норме-принципе стратегии или её «оптимизация» будут выгодны, в то время как следование предлагаемой стратегии не будет для индивида оптимальной реакцией на стратегии, применяемыми другими участниками. Отмечу, что оценку подобных действий и отклонений следует проводить не в контексте отно-

шений контрагентов, представляющих противоположные стороны в отношениях, как например, следователь-обвиняемый, а в контексте поведения индивидов, выполняющих сходные функции. Иными словами, оптимальность стратегии поведения определяется тем, насколько следование ей или отклонение от неё выгодно участникам правоотношений, выполняющих сходные функции, относящихся к одной социальной группе, но по факту конкурирующих между собой [8, с. 282].

Двойственность в поведении человека, основанная на влиянии двух взаимосвязанных и взаимозависимых факторов – биологического и культурного, позволяет заметить, что чем чаще норма обращается к потребностям, воспринимаемым индивидами как значимые, чем выше в обществе реальная нетерпимость к любому несоблюдению такой нормы и чем эффективнее и неотвратимее реакция, пресекающая и маргинализирующая любой факт несоблюдения нормы, тем с большей вероятностью можно прогнозировать что и для общества и для индивидов подобные нормы приобретут характер общеобязательного правила и средства обеспечения исполнения прочих правовых норм, вытекающих из такого правила, тем скорее такие нормы станут неотъемлемой частью правосознания. Более простые для восприятия принципы права, в которых отображаются интересы индивидов, способны стать основой для правомерного и просоциального поведения.

Особенность принципов права, как правовых норм, обращаясь к эмоциям и базовым потребностям индивидов, порождает и дополнительную выгоду от их существования. Конкретная норма не всегда способна точно передать поведенческие ожидания законодателя при описании им некоторого варианта поведения. Большинство норм содержат, как правило, лишь алгоритмы, эталонные варианты поведения. Однако принципы права стараются непосредственно апеллировать и к базовым интересам и потребностям лица. Особенно это становится заметным, когда такие нормы воспринимаются как неотъемлемое условие нормального порядка. Принципы права, если они реальны, действенны, а не выступают описанием неких иллюзорных ожиданий, или декорациями, имитирующих некую «нормальность», способны создать условия для восприятия отношений, построенных с их учётом, как справедливых, а самой конструкции правоотношений как приемлемых.

К сожалению, конструкции большинства правовых норм нередко сложны для восприятия. В противоположность большинству норм принципы права просты и не только создают рациональные конструкции модели поведения, но и апеллируют к эмоциям тех, чьи интересы такие нормы затрагивают. Это предполагает и иной характер их воздействия, как и иную реакцию на такие нормы.

Эллиот Аронсон выделяет три различных типа реакции на социальное влияние: 1) подчинение т.е. такой тип поведения человека, мотивацией которого является желание получить поощрение или

избежать наказания, 2) идентификацию, состоящую в реакции индивида, вызванной желанием походить на человека, оказывающего социальное влияние и 3) интернализация в основе которой лежит восприятие неких ценностей или убеждения от человека, который вызывает доверие, а его суждения кажущимся разумными, включение таких идей и ценностей в собственную внутреннюю систему и превращение таких ценностей и идей в часть собственной системы ценностей, независимой от источника своего происхождения. При этом он подчёркивал, что подчинение наименее эффективно, поскольку воздействие от него быстро прекращается [9].

В таком случае, истинным будет предположение о том, что если подчинение правилу – это основной метод воздействия нормы, то едва ли она будет восприниматься как предпочтительный вариант поведения тогда, когда контроль над её выполнением перестанет быть непрерывным и тщательным, а последствия её несоблюдения не будут неизбежными или же когда поощрение от соблюдения правила перестанет иметь побуждающее значение. В условиях восприятия участниками отношений ситуации, порождаемой нормой, как конфликтной, например, когда стороны рассматривают друг друга в качестве противников или когда один из участников отношений способен навязать другому определённую модель поведения, воспринимаемую последним как не несущей ему очевидной выгоды или вовсе порождающую ущерб, возможность неисполнения нормы, обеспечиваемой лишь принуждением, так же возрастает. С другой стороны, если норма, описанная в качестве основополагающего правила, обращается к тому, что способно быть воспринято индивидом в качестве своих базовых потребностей и его ожиданий некоего справедливого состояния, что подкрепляется авторитетным для индивидуума внешним суждением, скорее всего, соблюдение такой нормы станет более естественной для индивида стратегией поведения. Тем более, если такая норма воспринимается из источника, вызывающего доверие, а суждения о приемлемости и выгодности такой нормы кажутся разумными. И с ещё большей вероятностью, когда предлагаемая такой нормой стратегия поведения соотносится с «ценностным» восприятием индивида или когда положения такой нормы сами становятся «ценностями» индивида. Тем самым принципы права, если они реальны, получают возможность влиять на всю модель правоотношений, а следование норме, порождаемой принципом права, становится не только «юридически верно», но и «морально». Тогда индивид, руководствующийся в правоотношениях принципами права, может воспринимать своё поведение не только как выгодное и правопослушное, но и как просоциальное и значимое для подтверждения его репутации. Справедливости ради следует заметить, что аналогичной будет реакция на социальное влияние, которое побуждает индивида к неисполнению или ограниченному исполне-

нию нормы-принципа. Вопрос лишь в намерениях, целях, авторитете, правоприменительной практике и способности правовых и социальных механизмов противостоять альтернативным социальным нормам, возникающим, например, в рамках профессиональных групп, как и способность таких механизмов преодолеть стремление к самоидентификации индивида с носителями таких альтернативных норм.

Так или иначе, но природа принципов права делает из них не только собственно исходные начала, основополагающие идеи, положения, ценностные ориентиры. Принципы права способны сами по себе играть роль источника права. Такая роль принципов права характерна для романо-германской правовой семьи. Как отмечают Р. Давид и К. Жоффре-Спинози: «Сотрудничество юристов не только в применении, но и в выработке права проявляются в романо-германской правовой семье также в использовании некоторых «общих принципов», которые юристы могут иногда найти в самом законе, но которые они умеют в случае необходимости находить и вне закона. ... Эти принципы показывают подчинение права велениям справедливости в том виде, как последняя понимается в определенную эпоху и определенный момент...» [10, с. 108].

Вопрос придания принципам права характера источников права – это не столько констатация их наличия, фактического или юридического, сколько необходимость понимания их природы, механизма и последствий того воздействия, которое принципы права оказывают на право и общество. Например, принципы права это не только и не столько сложившиеся мнения, исходные положения, основные представления о праве и его институтах, зафиксированные в законе или вытекающие из его содержания, или определяемые каким-либо иным способом из источника, в отношении которого была достигнута договорённость.

Не менее важно понимать и то, что существование принципов права как самостоятельных источников права не предоставляет дополнительные привелегии сторонам правоотношений, которые позволили бы им приобрести возможность создавать новые, в том числе и обязательные для всех, правила поведения, имеющие характер нормативно-правового предписания. Если даже в описанном примере суд возможно и творит право, он, тем не менее, не создает новую норму права, хотя бы он и действует в условиях неточности или неполноты существующих норм. Нормы-принципы способны преодолевать пробелы в праве, но не создавая правило, а побуждая действовать в соответствии с правилом, содержащимся в такой норме-принципе. И едва ли факт существования норм-принципов и специального статуса у некоторых лиц, применяющих такие нормы, порождает несомненное право таких лиц создавать новые, общеобязательные нормы. Статус и предполагаемая компетенция едва ли оправдывает подобное, если действия таких лиц

выражают лишь их волю, а не волю общества в целом, выраженную непосредственно или через своих представителей, или посредством иного одобрения такого правила.

Важно также, пожалуй, обратить внимание и на то, что факт существования принципов права, как самостоятельного источника права, несомненно требует их нормативного закрепления. Однако характер письменного закона, как основного источника права, отнюдь не всегда требует формальной фиксации принципов права в законе, как нормативном акте. В противном случае источником права остался бы закон и его норма, а принцип права следовало бы рассматривать в качестве общей нормы, базового условия, устанавливаемого законом. Тем не менее, принципы права, как самостоятельные и отличные от закона источники права, существуют и играют важную роль и для права и для общества в целом. Например, ч. 1 ст. 1 УПК РФ рассматривает общепризнанные принципы международного права в качестве составной части законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Тем самым закон не повторяет указанные принципы, а выделяет их в качестве самостоятельного источника норм, регулирующих уголовное судопроизводство, хотя и объявляет их частью законодательства об уголовном судопроизводстве.

Обращает на себя ещё одно обстоятельство. Мы говорим не о принципах закона или законодательства, но о принципах права. Вместе с тем право – это социальный феномен, далеко не тождественный закону. Право многим шире и сложнее закона или законодательства, как и в целом феномена «нормативного акта», как акта официального государственного органа, наделённого полномочиями принятия общеобязательного правила поведения. Особенно это очевидно, когда мы оцениваем право в качестве одной из разновидностей социальных норм. Отождествление права и нормативно-правового акта часто искажает природу права и его общественного значения, низводя его к атрибуту власти над обществом, к диктуемому доминантом правилу. Право многим шире закона и едва ли тождественно нормативно-правовому акту. Закон может воспроизводить принципы права и зачастую воспроизводит их, но его задача в отношении принципов видится шире, чем введение в оборот базовых норм-принципов. Так, если принцип права воспринимается именно в качестве значимой для общества ценности, исходящей от общества или предлагаемой обществу, выгодной обществу и принимаемой обществом в качестве допустимого правила поведения, формальная фиксация принципов права в законе не столько является материальным воплощением воли законодателя, проявления его власти как доминирующей силы в обществе, сколько отображает консолидированную волю общества. Закон, воспроизводя в себе принципы права, отображает лишь те представления о правильном и должном, которые были восприняты в обществе и сформу-

лированы им или его представителями в праве в качестве тех базовых установлений, на основе которых строится право (какая-либо его отрасль) и данный закон. Таким образом, важным является то, что и как воспринимается в обществе в качестве права и его источников, и каковы представления о праве и его месте в регулировании общественных отношений. Признание же собственно права, закона, равно как и каких-либо формально заявленных источников права, отличных от закона, воплощением воли государства, как доминирующей в обществе силы, подчиняющей себе общество и управляющей им, скорее дифференцирует источники и не по их возникновению, происхождению и способу влияния на право, а по тому, каким органом государства такая норма была принята, какие полномочия были делегированы такому органу фактическим или абстрактным доминантом в части создания общеобязательного правила поведения, в какую форму воплощается такая норма и каково место такой нормы в общей иерархии норм.

Принципы права способны также сократить число нормативных предписаний введя, общеобязательное правило и породив некоторое состояние, воспринимаемое «как есть» в условиях, когда отсутствует соответствующее предписание закона, позволяя толковать и применять существующий закон на основе положений самих принципов, преодолевая пробелы в законе и праве. Принципы права выступают здесь не только как общие нормы, но и как специальные императивные нормы. Например, принцип презумпции невиновности распространяется на все соответствующие отношения вне зависимости от того, какими будут связанные с этим правила поведения. Более того, в условиях совокупности норм, если какая-либо из норм прямо или косвенно вступит в противоречие с данным принципом, каждая из таких норм должна применяться только с учётом упомянутой презумпции, а при конкуренции между нормами принцип презумпции невиновности должен применяться как более специальная и императивная норма.

Указанное выше, полагаю, не отменяет важность закона и тщательного нормативного регулирования значимых отношений, но ставит под сомнение необходимость излишнего регулирования отношений там, где достаточно применения существующих правил на основе норм, вводимых тем или иным принципом права. Иными словами, при определённых условиях принципы права делают возможной ситуацию, при которой регулирование отношений при помощи закона должно касаться только тех сфер отношений, где такая регламентация необходима, в тех случаях, когда в интересах каждого важно установить чёткие правила, границы необходимого и должного через воплощение этих правил в законе. Благодаря действию принципов права не только защищаются права и свободы человека, но вводятся базовые правила поведения, позволяющие установить чёткие границы

между «плохим» и «хорошим» и широкие пределы между ними, в которых вовлеченные в отношения лица вправе, там где это необходимо, самостоятельно определять варианты поведения имея при этом ограничения в виде чётких представлений о допустимом и должном. Подобная система способна быть потенциально более гибкой и адаптивной, с одной стороны и эффективной с другой, поскольку способна устранить необходимость существования излишне ситуативно ориентированной, а порой даже казуальной системы правил. При этом, будучи основанными на мировоззренческих представлениях, характерных для общества или принимаемых им, которые зафиксированные в базовых правилах, нормы права в целом имеют все возможности восприниматься также как справедливые, оправданные, вынужденные, но при этом выгодные по тем или иным причинам и общественно полезные модели поведения.

В противоположность этому, стремление к тотальной регламентации общественных отношений при помощи законов, не находящихся положительного отклика в обществе, попытка установления императивных предписаний для широкого спектра отношений будет скорее восприниматься как индивидуальные стремления утвердить своё положение в обществе, утвердить иерархию подчинения, но не приглашать к сотрудничеству. Принципы права способны нивелировать такое восприятие права, но лишь в том случае, если спровоцируют реакцию на социальное воздействие состоящую не только в вынужденном подчинении. Важно не столько подчинение, сколько принятие правил поведения, восприятие их как справедливых требований, понимание их смысла и значения. Едва ли естественность иерархий доминирования станет причиной привычки слепо подчиняться и следовать предложенным стратегиям в ущерб своим интересам. Принципы права, как уже отмечалось, способны выполнять функции простых и общедоступных правил, являющихся в то же время нормами прямого действия. Но лишь в совокупности с прочими факторами, подтверждающими то, что предлагается в нормах-принципах и лишь при условии, что используя предложенную поведенческую модель, мы поступаем правильно для себя, даже если наш поступок совершается нами во имя интересов других.

Сами по себе заявленные принципы права не формируют ни правоотношений, ни обеспечивают надлежащее поведение лиц, участвующих в правоотношениях, к которым применимы соответствующие принципы права, ни создают у лиц цели следовать установленным принципам или рассматривать их в качестве ценностных ориентиров. Неразумно было бы ожидать, что нормативное закрепление какого-либо принципа заставит лицо, к которому такая норма обращена не просто исполнять его предписания, но и сделают их частью и правовой культуры и частью культуры общества. Как и ждть что закрепление принципа

права само по себе породит справедливые правоотношения или изменит отношение граждан к характеру правоотношений. Это неоправданные ожидания.

В самом общем виде принципы права, среди прочего, позволяют увидеть не отображение идеального мира, существующего за пределами нашего сознания, не суть идеальных правоотношений, но отголоски мифа об идеальной модели отношений, тех, кто способен предлагать модель поведения в рамках правоотношений. Законодатель, закрепляет его в виде обязательного правила, с тем или иным успехом оказывая влияние на общество в следовании правилам, содержащимся в таком мифе. Но апеллируя к интересам группы, принципы права лишь в идеале могут сами по себе породить некое желаемое состояние общества и отношений в обществе, особенно если он не находит отклик в обществе.

По сути, конструкция нормы-принципа воспроизводит классическую модель любой правовой нормы, но сопряжена с особыми ожиданиями сторон от её выполнения. Предположу, что для реализации своего потенциала принципы права, будучи нормами, содержащими в себе описание базовых ценностей, должны получить такой же отклик в обществе, что и нормы морали и с той лишь разницей, что соблюдение принципов права должно обеспечиваться как минимум также, что и соблюдение иных правовых норм, а терпимость к нарушению принципов права, в отличие от норм морали, должна отсутствовать. Поэтому общество должно быть вовлечено в защиту таких правил. Но этого не может произойти, если оно не воспринимает такие правила важными для себя. Если мы нуждаемся в принципах права, мы должны понимать, что их действенность обеспечивается не только посредством закона и деятельности органов государственной власти, не только путём реализации принципа верховенства права и независимости лиц, участвующих в правоотношениях. Общество и общественное мнение, а не только власть государства, должны обеспечивать исполнение норм, содержащихся в принципах права.

Реальность принципов права для правоотношений достигается не столько за счёт понуждения к стремлению соблюдения или исполнению нормативно декларированной модели «идеальных отношений», отображающих взгляды неких индивидов. Она достигается через сложный механизм среди прочего обеспечивающий научение, восприятия таких норм, выработку у всех потенциальных участников правоотношений не только потребности в воспроизведении заложенных в таких нормах правил, но восприятия таких норм в качестве единственно допустимых и правильных, вплоть до отображения таких норм в культуре общества в целом и правовой культуре в частности. В силу своей особенности принципы права могут и должны приобретать черты не только собственно правовых норм, но и моральных императивов, позволяя тем самым участникам пра-

воотношений полагаться на моральную интуицию. Это в полной мере относится и к принципам уголовного процесса.

Литература

1. Безруков С.С. Принципы уголовного судопроизводства: сфера влияния. // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2010, № 2 (13)
2. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова – М., 1998.
3. Теория государства и права: Учебник. Под ред. Пиголкина А.С. – М., 2006.
4. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017.
5. Погребняк С. Общие принципы права в контексте совершенствования современной национальной правовой системы. // Право Украины, 2013 № 1.
6. Вопленко Н.Н., Рудковской В.А. Основные принципы права: понятие и классификация. Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруд. 2013 № 1 (18)
7. George A. Akerlof. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics, v.84, August 1970
8. Биология: в 3 т. Т. 3 / Д. Тейлор, Н. Грин, У. Статут; под ред. Р. Сопера – М., 2016.
9. Аронсон Э. «Общественное животное: введение в социальную психологию». – СПб, 2006.
10. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.

LEGAL NATURE OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE

Asanov V.V.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the nature of the principles of the criminal process. The author of the article attempts to analyze the nature of the phenomenon under study. It is considered not only its nature as a formal legal prescription, but also through the analysis of some mechanisms of the impact of the principles of law both on legal relations and on the individuals participating in them, as well as the perception of the principles of law as norms that appeal to the most important and socially significant interests, other aspects of the existence of the principles of law, revealing their nature, are explored. The author draws attention to the potential for a wider impact of the principles of law on relations in society, in addition to their own normative regulation. The special importance of the principles of law in comparison with other legal norms is noted, which is connected with the nature of the principles.

Keywords: principles of criminal procedure, principles of law, criminal process, theory of law, rule of law.

References

1. Bezrukov S.S. Principles of criminal justice: sphere of influence. // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, No. 2 (13)
2. Theory of State and Law. Textbook for law schools and faculties. Ed. V.M. Korelsky and V.D. Perevalova – M., 1998.
3. Theory of State and Law: Textbook. Ed. Pigolkin A. – M., 2006.
4. The course of the criminal process / Ed. Doctor of Law, Prof. L.V. Golovko. – 2nd ed., Rev. – M.: Statute, 2017.

5. Pogrebnyak S. General principles of law in the context of improving the modern national legal system. Law of Ukraine, 2013 No. 1.
6. Voplenko N.N., Rudkovskoy V.A. Basic principles of law: concept and classification. Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 5, Jurisprud. 2013 № 1 (18)
7. George A. Akerlof. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics, v.84, August 1970
8. Biology: in 3 volumes. V. 3 / D. Taylor, N. Green, W. Stout; ed. R. Sopera – M., 2016.
9. Elliot Aronson. "The Social Animal: An Introduction to Social Psychology". – St. Petersburg, 2006.
10. David R., Joffre-Spinosi K. The main legal systems of our time. – M., 1999.

Ранние предикторы насильственной преступности

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и административного права Мурманского государственного арктического университета
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16, УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tvp1986@yandex.ru

В данной статье авторы проводят анализ предикторов насильственного преступного поведения. Показано, что прежде всего в качестве причин их выступают патологии развития ротовой полости, нарушения центральной нервной системы, семейное неблагополучие. Изучается степень, в которой их взаимодействие может предсказать совершение насильственных и ненасильственных преступлений. Утверждается, что указанные нарушения могут быть использованы в качестве прогностических маркеров (предикторов) преступного насилия. Выявлено, что совокупность физических аномалий и психических нарушений на фоне семейного неблагополучия тесно связана с повышенным риском проявления физической агрессии и насильственной преступности. Такие закономерности не были обнаружены в отношении ненасильственных правонарушений. Показано, что количество серьезных насильственных преступлений у лиц с аномалиями достигает пика в позднем подростковом периоде и раннем взрослом возрасте. Предупреждение преступности в этом случае должно проводиться с учетом достижений клинической криминологии.

Ключевые слова: предиктор насильственной преступности, криминальная агрессия, насильственное преступное поведение, патология ротовой полости, семейное неблагополучие, соматическая аномалия, предупреждение преступности.

Насильственная преступность несовершеннолетних представляет собой важнейший индикативный инструмент, позволяющий составить прогноз развития и воспроизводства насильственной преступности в целом. Деструктивное поведение в детстве является одним из предвестников преступного поведения и формирования антисоциальной личности взрослых [1, с. 507–533]. Поэтому важно выяснить причины, побуждающие молодое поколение совершать противоправные поступки. Наиболее очевидными предикторами в этом плане выступают факторы соматического и психического дефектов развития, семейные проблемы.

Криминологические исследования последних лет показали, что у насильственной преступности имеются предвестники (предикторы), проявляющиеся на ранней стадии жизни человека [2, с. 8–23]. Следовательно, влияние этих факторов на поведенческие реакции в раннем возрасте должны быть предметом пристального изучения. Такие детерминанты, как семейная атмосфера и перинатальные осложнения – одни из самых ранних факторов, которые оказывают влияние на формирование поведения [3]. Так, на практике нашло подтверждение предположение, что соматическая патология выступает в качестве предрасполагающего фактора к развитию психических отклонений при неблагоприятных условиях окружающей среды. В то же время, благоприятные условия компенсируют их [4, с. 917–923].

Результаты были получены при проведении исследований, в которых одновременно учитывались условия окружающей среды и факторы перинатального риска. Лица, у которых наблюдался нейромоторный дефицит в возрасте 1 года и которые воспитывались в конфликтном семейном окружении, подвергались большему риску стать преступником, чем те, которые имели только один из этих факторов риска. Также был определен важнейший предиктор насильственных преступников – взаимодействие между материнским отторжением в возрасте 1 года и наличием родовых осложнений [5, с. 984–988]. В совокупности эти исследования подтверждают тезис о том, что на развитие агрессивного поведения несовершеннолетних влияют особенности биосоциального процесса, происходящего во время первых лет жизни.

Осложнения при родах – не самый ранний фактор риска появления поведенческого расстройства. Во время беременности плод подвергается различным воздействиям, которые могут негативно влиять на его развитие [6, с. 135–145]. Эти влияния частично ответственны за развитие физических аномалий, которые можно определить как соматические отклонения. Такие отклонения счи-

таются показателями нарушения развития плода. Наиболее вероятной причиной которых является результат взаимодействия между факторами окружающей среды и генетическими детерминантами [7, с. 139–142; 8, с. 119–123].

По данным Т.Е. Moffitt, патология развития центральной нервной системы коррелирует с патологией соматики [8, с. 893–910]. Кроме того, неврологические нарушения тесно связаны с поведенческими расстройствами, которые обнаруживаются в группах людей с психиатрическими диагнозами – шизофренией, аутизмом, гиперактивностью и среди лиц с агрессивным поведением [10]. Соматические (физические) недостатки также являются важным предиктором делинквентного поведения.

Были проведены исследования, в которых основное внимание уделялось связи между незначительными физическими аномалиями и агрессивным поведением. Однако анализа только физических аномалий оказалось недостаточно для адекватного прогнозирования насильственных преступлений. Существующие биосоциальные модели психопатологического развития личности предполагают, что четкое предсказание риска демонстрации агрессивного насилия можно найти только при учете наличия физических аномалий и факторов окружающей среды [11, с. 1–20]. В поддержку этой точки зрения в последующих исследованиях сообщалось, что неблагоприятная психосоциальная среда влияет на связь между общим количеством физических аномалий и характером поведенческих расстройств. В этих исследованиях биосоциальные взаимодействия и характеристики социальной среды были измерены в подростковом возрасте.

Т.Е. Moffitt в рамках своей теории развития антисоциального поведения предположила, что взаимодействие между негативными характеристиками окружающей среды и нейропсихологическим дефицитом порождает повторяющееся насильственное антисоциальное поведение [12, с. 674–701]. Исходя из того, что асоциальное поведение часто возникает из детского привычного делинквентного поведения, можно предположить, что положительное или отрицательное влияние среды на развитие агрессивного поведения у лиц с пороками развития центральной нервной системы обуславливает, в конечном счете, характер их поведенческих реакций. Т.Е. Moffitt полагала, что это взаимодействие представляет собой сущность формирования этиологического механизма насильственных преступлений в отличие от ненасильственных. Данная гипотеза нашла подтверждение в ряде эмпирических исследований [4, с. 917–923; 13]. В то же время, необходимо отметить, что выводы, полученные Mednick S.A. & Kandel E., о сочетании физических аномалий и семейного неблагополучия в качестве предиктора насильственных преступлений были подкорректированы последующими исследованиями. Использование указанными авторами дихотомической оценки

незначительных физических аномалий объясняет различия в результатах. Это можно научно объяснить, если учесть, что существенное взаимодействие в их исследовании отражало нелинейный эффект физических аномалий, как и то, что их анализ не учитывал квадратичные эффекты.

В ряде работ было показано, что совокупное количество незначительных физических аномалий и семейное неблагополучие обуславливают особенности пубертатного периода и является предиктором насильственной преступности. Также были выполнены исследования, имеющие целью определить корреляцию эффектов, характерных для общего количества второстепенных физических аномалий и, отдельно, аномалий ротовой полости. После исключения из совокупности последних выяснилось, что общее количество аномалий больше не предсказывало преступность среди подростков. В то же время, наличие семейного неблагополучия четко определяло вероятность преступной перспективы. Количество серьезных насильственных преступлений у лиц с аномалиями достигало пика в позднем подростковом периоде и раннем взрослом возрасте.

Возник вопрос, насколько обнаруженные эффекты специфичны для насильственной преступности и как эти результаты соотносятся с данными, полученными Mednick S.A. & Kandel E. [13, с. 121–131]. Полученные результаты подтвердили первичную гипотезу, одновременно демонстрируя отсутствие корреляции между ненасильственной преступностью и физическими аномалиями среди подростков. Также связь отсутствовала между ненасильственной преступностью и сочетанием физических аномалий и семейного неблагополучия.

Также были предприняты попытки получить более точное представление об органических структурах и процессах, влияющих на развитие преступности несовершеннолетних. Проводился сбор материалов как для прогнозирования насильственной преступности, так и ненасильственных преступлений, поскольку эти два типа поведенческих реакций имеют различную этиологию [12, с. 674–701]. Мальчики-подростки с большим количеством аномалий и особенно аномалиями полости рта были наиболее подвержены риску насильственной преступности. Другие исследования физических аномалий показали, что аномалии ротовой полости у детей часто сочетаются с психиатрической патологией [14], патологией периферической нервной системы [15, с. 349–352; 16, с. 329–333], которые вызывают дисфункцию центральной нервной системы и сами по себе повышают риск насильственной преступности.

Необходимо обратить внимание на уже упоминавшуюся работу, искавшую ответы на вопросы о том, возможно ли спрогнозировать насильственную преступность в конце подросткового возраста по наличию совокупности незначительных физических аномалий и семейного неблагополучия; возможно ли определить конкретные аномалии, связанные с насильственными преступлениями

[4, с. 917–923]? По существу, в результате, были получены утвердительные ответы. Так, было показано, что накопление соматических аномалий (особенно, ротовой полости) и ухудшение семейной обстановки повышают риск поведенческих расстройств, создавая стрессовые условия социализации индивида. Отдельно, семейное неблагополучие является предиктором повышения уровня физической агрессии в детстве. Но в отношении ненасильственной преступности такой закономерности обнаружено не было.

Патология ЦНС развивается последовательно и иерархически. Каждый орган в своем развитии имеет определенный критический период уязвимости к тератогенным влияниям, что может привести к нарушению развития [17, с. 124–149]. Например, критический период развития аномалий неба начинается с девятой недели беременности, тогда как аномалии рук чаще развиваются на восьмой неделе формирования плода. Следовательно, вредные факторы, возникающие в определенные периоды беременности, опосредованно увеличивают риски развития насильственной преступности в результате атипичного развития мозга ребенка.

Выявление конкретных случаев незначительных физических аномалий, связанных с определенными расстройствами поведения, в свою очередь должно помочь уточнить, какая часть центральной нервной системы может быть поражена и, таким образом, вовлечена в генезис данной поведенческой проблемы. Это уточнение может быть достигнуто путем установления соответствия между периодами уязвимости конкретного пострадавшего органа и фазой развития плода.

Аномалии ротовой полости влияют на процесс регулирования детского поведения. Орорациальные структуры с рождения участвуют во многих функциях, таких как общение, эмоциональное выражение, жевание, глотание и могут иметь широкий спектр последствий для развития. Аномалии рта могут повлиять на сосание и другое кормление во время первых лет жизни и, следовательно, могут повлиять на физическое развитие, а также отношения матери и ребенка [18, с. 311–317; 19, с. 288–294]. Младенцы, испытывающие затруднения с кормлением, страдают недостаточным развитием, часто имеют неврологические проблемы и имеют больше проблем с поведением в детстве, чем младенцы без затруднений с кормлением. Поэтому дети с незначительными физическими аномалиями ротовой полости испытывают сложности в социализации по разным и совокупным причинам.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что в качестве ранних предикторов насильственной преступности можно назвать патологии развития ротовой полости, вызывающие проблемы с кормлением; нейропсихологический дефицит и семейное неблагополучие. Если указанные факторы выступают в сочетании, риск совершения насильственных преступлений значительно

возрастает. В то же время соматические аномалии и семейное неблагополучие не могут выступать предикторами совершения преступлений ненасильственного характера. Следовательно, профилактическое воздействие должно дифференцироваться в зависимости от того, существует ли риск насильственной преступности. Предупреждение целесообразно проводить с учетом достижений клинической криминологии.

Литература

1. White, J. L., Moffitt, T. E., Earls, F., Robins, L., & Silva, P. A. (1990). How early can we tell?: Predictors of childhood conduct disorder and adolescent delinquency. *Criminology*, 28(4), 507–535.
2. Tremblay, R. E., Japel, C., Pérusse, D., McDuff, P., Boivin, M., Zoccolillo, M., & Montplaisir, J. (1999). The search for the age of «onset» of physical aggression: Rousseau and Bandura revisited. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 9(1), 8–23.
3. Баженов, А.В. Детерминация и превенция девиантного поведения несовершеннолетних в России: Монография / А.В. Баженов, Н.Д. Гомонов, Ф.Ю. Сафин / М-во образования и науки Российской Федерации, гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения. СПб.: Изд-во ГУАП, 2010. 192 с.
4. Arseneault, L., Tremblay, R. E., Boulerice, B., Seguin, J. R. & Saucier, J. F. (2000). Minor physical anomalies and family adversity as risk factors for violent delinquency in adolescence. *American Journal of Psychiatry*, 157(6), 917–923.
5. Raine, A., Brennan, P., & Mednick, S. A. (1994). Birth complications combined with early maternal rejection at age 1 year predispose to violent crime at age 18 years. *Archives of general psychiatry*, 51(12), 984–988.
6. Гомонов, Н.Д. Делинквентное поведение несовершеннолетних: генезис и проблемы предупреждения / Н.Д. Гомонов // Научные труды БИЭПП. Серия «Правоведение» / Под ред. декана юридического факультета БИЭПП Я.И. Гилинского. СПб.: БИЭПП, 2004. С. 135–145.
7. Murphy, K. C., & Owen, M. J. (1996). Minor physical anomalies and their relationship to the aetiology of schizophrenia. *The British Journal of Psychiatry*, 168(2), 139–142.
8. Гомонов, Н.Д. Генетические детерминанты криминальной агрессии / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш, В.П. Тимохов // Юридическая наука. № 7. 2021. С. 119–123.
9. Moffitt, T. E. (1990). Juvenile delinquency and attention deficit disorder: Boys' developmental trajectories from age 3 to age 15. *Child development*, 61(3), 893–910.
10. Гомонов, Н.Д. Социально опасное поведение несовершеннолетних с психическими отклонениями / Н.Д. Гомонов, А.В. Баженов. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2006. 250 с.

11. Raine, A., Brennan, P., & Farrington, D. P. (1997). Biosocial bases of violence: Conceptual and theoretical issues (pp. 1–20). *Biosocial bases of violence*. New York: Plenum.
12. Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: a developmental taxonomy. *Psychological review*, 100(4), 674.
13. Mednick S. A., & Kandel E. (1988). Genetic and perinatal factors in violence, in *Biological Contributions to Crime Causation*. Edited by Moffitt T.E., Mednick S.A. Norwell, Mass, Kluwer Academic, pp. 121–131.
14. Саблина, Л.С. Криминогенное поведение несовершеннолетних: Учебное пособие / Л.С. Саблина, Н.Д. Гомонов, А.В. Баженов / Под общ. ред. В.П. Сальникова: Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Московская академия экономики и права. СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 352 с.
15. Ribeiro, R. A., Romano, A. R., Birman, E. G., & Mayer, M. P. (1997). Oral manifestations in Rett syndrome: a study of 17 cases. *Pediatr Dent*, 19(5), 349–52.
16. Terespolsky, D., Farrell, S. A., Siegel-Bartelt, J., & Weksberg, R. (1995). Infantile lethal variant of Simpson-Golabi-Behmel syndrome associated with hydrops fetalis. *American journal of medical genetics*, 59(3), 329–333.
17. Perry, B. D. (1997). Incubated in terror: Neurodevelopmental factors in the «cycle of violence», in *Children in a Violent Society*. Edited by Osofsky J.D. New York, Guilford, pp. 124–149.
18. Selley, W. G., Ellis, R. E., Flack, F. C., & Brooks, W. A. (1990). Coordination of sucking, swallowing and breathing in the newborn: its relationship to infant feeding and normal development. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 25(3), 311–327.
19. Гомонов, Н.Д. Семейные дефекты социализации личности несовершеннолетнего и преступное поведение / Н.Д. Гомонов: Материалы Международной научной конференции «Семья и преступность» 2001 г. // *Криминология: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международной научной конференции «Семья и преступность» 2001 г.* Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – С.-Пб.: Изд-во РГПУ, 2002, № 1 (2). С. 288–294.

EARLY PREDICTORS OF VIOLENT CRIME

Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.

Murmansk State Arctic University; Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region; Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

In this article, the authors analyze predictors of violent criminal behavior. It is shown that, first of all, the pathologies of the development of the oral cavity, disorders of the central nervous system, and family problems act as their causes. The extent to which their interactions can predict the occurrence of violent and non-violent crimes is examined. It is argued that these violations can be used as prognostic markers (predictors) of criminal violence. It was revealed that

the totality of physical anomalies and mental disorders against the background of family trouble is closely associated with an increased risk of physical aggression and violent crime. Such patterns were not found for nonviolent delinquency. The number of serious violent crimes in persons with anomalies has been shown to peak in late adolescence and early adulthood. Crime prevention in this case should be carried out taking into account the achievements of clinical criminology.

Keywords: predictor of violent crime, criminal aggression, violent criminal behavior, oral pathology, family trouble, somatic anomaly, crime prevention.

References

1. White, J. L., Moffitt, T. E., Earls, F., Robins, L., & Silva, P. A. (1990). How early can we tell?: Predictors of childhood conduct disorder and adolescent delinquency. *Criminology*, 28(4), 507–535.
2. Tremblay, R. E., Japel, C., Perusse, D., McDuff, P., Boivin, M., Zoccolillo, M., & Montplaisir, J. (1999). The search for the age of “onset” of physical aggression: Rousseau and Bandura revisited. *Criminal Behavior and Mental Health*, 9(1), 8–23.
3. Bazhenov, A.V. Determination and prevention of deviant behavior of minors in Russia: Monograph / A.V. Bazhenov, N.D. Gomonov, F. Yu. Safin / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, state. educational institution of higher education prof. education St. Petersburg state. University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg: GUAP Publ., 2010. 192 p.
4. Arseneault, L., Tremblay, R. E., Boulerice, B., Seguin, J. R. & Saucier, J. F. (2000). Minor physical anomalies and family adversity as risk factors for violent delinquency in adolescence. *American Journal of Psychiatry*, 157(6), 917–923.
5. Raine, A., Brennan, P., & Mednick, S. A. (1994). Birth complications combined with early maternal rejection at age 1 year predispose to violent crime at age 18 years. *Archives of general psychiatry*, 51(12), 984–988.
6. Gomonov, N.D. Delinquent behavior of minors: genesis and problems of prevention / N.D. Gomonov // *Scientific works of BIEPP. Series “Jurisprudence”* / Ed. Dean of the Faculty of Law BIEPP Ya.I. Gilinsky. St. Petersburg: BIEPP, 2004, pp. 135–145.
7. Murphy, K. C., & Owen, M. J. (1996). Minor physical anomalies and their relationship to the aetiology of schizophrenia. *The British Journal of Psychiatry*, 168(2), 139–142.
8. Gomonov, N.D. Genetic determinants of criminal aggression / N.D. Gomonov, V.M. Trush, V.P. Timokhov // *Legal Science. No. 7. 2021*, pp. 119–123.
9. Moffitt, T. E. (1990). Juvenile delinquency and attention deficit disorder: Boys’ developmental trajectories from age 3 to age 15. *Child development*, 61(3), 893–910.
10. Gomonov, N.D. Socially dangerous behavior of minors with mental disabilities / N.D. Gomonov, A.V. Bazhenov. – Murmansk: Publishing House of MSTU, 2006. 250 p.
11. Raine, A., Brennan, P., & Farrington, D. P. (1997). *Biosocial bases of violence: Conceptual and theoretical issues* (pp. 1–20). Biosocial bases of violence. New York: Plenum.
12. Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: a developmental taxonomy. *Psychological review*, 100(4), 674.
13. Mednick S. A. & Kandel E. (1988). Genetic and perinatal factors in violence, in *Biological Contributions to Crime Causation*. Edited by Moffitt T.E., Mednick S.A. Norwell, Mass, Kluwer Academic, pp. 121–131.
14. Sablina, L.S. Criminogenic behavior of minors: Textbook / L.S. Sablina, N.D. Gomonov, A.V. Bazhenov / Ed. ed. V.P. Sальникова: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety; Moscow Academy of Economics and Law. St. Petersburg: Fund “University”, 2003. – 352 p.
15. Ribeiro, R. A., Romano, A. R., Birman, E. G., & Mayer, M. P. (1997). Oral manifestations in Rett syndrome: a study of 17 cases. *Pediatr Dent*, 19(5), 349–52.
16. Terespolsky, D., Farrell, S. A., Siegel-Bartelt, J., & Weksberg, R. (1995). Infantile lethal variant of Simpson-Golabi-Behmel syndrome associated with hydrops fetalis. *American journal of medical genetics*, 59(3), 329–333.

17. Perry, B. D. (1997). Incubated in terror: Neurodevelopmental factors in the "cycle of violence", in *Children in a Violent Society*. Edited by Osofsky J.D. New York, Guilford, pp. 124–149.
18. Selley, W. G., Ellis, R. E., Flack, F. C., & Brooks, W. A. (1990). Coordination of sucking, swallowing and breathing in the newborn: its relationship to infant feeding and normal development. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 25(3), 311–327.
19. Gomonov, N.D. Family defects in the socialization of the personality of a minor and criminal behavior / N.D. Gomonov: Materials of the International Scientific Conference "Family and Crime" 2001 // *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: Materials of the International Scientific Conference "Family and Crime" 2001* Proceedings of the St. Petersburg Criminological Club. – S.-Pb.: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 2002, No. 1 (2). pp. 288–294.

Условия, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности

Даровских Ольга Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
E-mail: darovskikhoi@gmail.com

В статье приводятся условия позволяющие обеспечить эффективность уголовно-процессуальной деятельности. К ним автор относит: применение мер поощрений и ограничений; полноту совершения процессуальных и следственных действий, а также информированность участников процесса. Раскрывая сущность каждого из указанных условий, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, автор показывает их взаимосвязь с критериями, обеспечивающими эффективность, такими как качество, объективность, доступность и другими. В статье обращено внимание на то, что меры поощрения и ограничения влияют на правильное поведение участников уголовного судопроизводства, подчеркнуто, что полнота совершения действий и принятие процессуальных решений обеспечивает принятие окончательных решений, а информированность определенных участников уголовного процесса о его ходе и полученных результатах не противоречит требованиям обеспечения следственной тайны на стадии предварительного расследования и возможности рассмотрения уголовных дел в закрытом судебном заседании. В статье прослеживается взаимосвязь и влияние соблюдения данных условий на эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: эффективность, уголовно-процессуальная деятельность, поощрения, ограничения, полнота, информированность.

Для осуществления эффективности уголовно-процессуальной деятельности необходимо создание таких условий, которые бы её обеспечивали. Под такими условиями мы понимаем правила, обеспечивающие и реализацию принципов именно такой деятельности, и сам порядок ее осуществления. К условиям осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности мы относим: применение поощрений и ограничений; полноту совершения процессуальных и следственно-судебных действий; информированность участников процесса.

Такое условие как применение поощрений и ограничений (ущемлений) в ходе уголовно-процессуальной деятельности безусловно обеспечивает её эффективность. Особенность эффективной деятельности состоит в том, что она обеспечивается только правильным поведением участвующих в ней лиц и любые отклонения от этого поведения ставят под сомнение либо полностью исключают возможность оценивать ее как эффективную. Для того, чтобы поведение участников процесса отрицательно не влияло на деятельность, не исключало возможность осуществления ее эффективно в уголовно-процессуальном законе предусмотрены как поощрения, так и процессуальные ограничения прав и возможностей в тех случаях, когда поведение затрудняет либо делает невозможным нормальный ход процесса. Такой подход, на наш взгляд, оправдан тем, что не только стимулирует эффективную деятельность, но и предостерегает участников от возможных неблагоприятных действий, которые могут влиять на нее отрицательно. К числу уголовно-процессуальных поощрительных норм следует отнести институты примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), деятельного раскаяния (ст. 28 УПК РФ), особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ст. 314–317 УПК РФ), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1–317.9 УПК РФ). Определенные положительные последствия для обвиняемого появляются и в результате дачи им признательных показаний. При этом ярко проявляется соответствующая эффективной уголовно-процессуальной деятельности, возможность законного, своевременного, справедливого, объективного осуществления всех процессуальных действий, качественного, экономного их осуществления и в целом достаточного для принятия определенного решения.

Меры принуждения и ограничения применяются в уголовном судопроизводстве при минималь-

но возможном ущемлении прав и законных интересов участников процесса и только в случае, если указанные участники не выполняют законных требований должностных лиц или есть реальные основания полагать, что могут не выполнять. К таким мерам можно отнести не только меры принуждения, в том числе и меры пресечения, но и право судьи удалять из зала суда, лиц, нарушающих порядок, или право следователя ограничивать возможность ознакомления с материалами уголовного дела лиц, умышленно затягивающих сроки ознакомления и т.д.

Указанные меры ограничения и принуждения в уголовном судопроизводстве обеспечивают находящиеся под угрозой срыва своевременность, качественность, объективность расследования и рассмотрения уголовных дел, а также достижение иных критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Следующее условие осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности это полнота совершаемых действий и принимаемых решений, проявляется в том, что эффективная уголовно-процессуальная деятельность должна отличаться продуманностью и законченностью всех действий, исчерпанностью всех средств необходимых для ее осуществления, выявлением всех связей рассматриваемого вопроса (обстоятельств уголовного дела) как очевидных, так и неочевидных и аргументированностью принимаемых решений. Это условие обеспечивает всесторонность оценки сложной ситуации, требующей определенности и конкретности от должностного лица, ее разрешающего. Поскольку центральное место в уголовно-процессуальной деятельности занимают следственные и процессуальные действия, направленные на формирование доказательств, то значимость данного условия для процесса проявляется в первую очередь в том, что оно обеспечивает получение и исследование такого объема доказательств, который позволял бы принимать объективное, справедливое решение.

Принимаемое решение должно быть окончательным. Половинчатые решения, не достигают намеченных целей и не могут обеспечить своевременное решение поставленных задач, являются причиной затягивания сроков расследования.

Можно привести ряд примеров из следственной практики, свидетельствующий о необходимости всесторонне и полно исследовать и выявлять все обстоятельства происшедшего события. По уголовному делу гражданина Х. обвиняемого в совершении умышленного убийства гражданина О. путем причинения ему нескольких ножевых ранений в жизненно важные органы, в ходе предварительного расследования не был обнаружен нож. Обвиняемый не отрицал факт убийства, подробно рассказывал, как произошло событие преступления, описывал нож, который до этого находился на столе и которым резали продукты во время употребления спиртных напитков. Однако найти оружие преступления не представилось возможным,

поскольку обвиняемый заявил, что не помнит, куда он выбросил нож. И только спустя 2 месяца, нож случайно был обнаружен в траве палисадника под окном кухни, где и случился инцидент. Нож был представлен в суд, был опознан Х. по специфическим индивидуальным признакам, после его осмотра, был приобщен к делу в качестве вещественного доказательства [13].

По уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, в ходе подготовки и производства обыска, следователем в полной мере не были продуманы возможные ситуации на месте проведения следственного действия. Так, при прибытии на место производства обыска к огражденному приусадебному участку частного жилого дома, следователем не было учтено, что территория оборудована системой видеонаблюдения, также им не были приняты меры обеспечения охраны данного участка. Указанные упущения следователя дали возможность собственнику жилья своевременно выйти не замеченным через запасной выход из дома, далее перелезть через забор и скрыться от сотрудников полиции [11].

При производстве расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, по факту незаконной рубки лесных насаждений, следователь не произвел своевременно осмотр места происшествия лесного массива до выпадения снега, что привело к невозможности попадания к месту незаконной рубки до поздней весны и необоснованному затягиванию сроков расследования [12].

Информированность участников о ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности и принятых решениях. В действующем уголовно-процессуальном законе такая правовая категория как гласность (открытость) позиционируется законодателем в качестве общего условия судебного разбирательства (ст. 241), хотя ранее в УПК РСФСР в статье 18, данное правовое положение указывалось как принцип уголовного судопроизводства. Современное понимание гласности вполне оправдано, поскольку только в судебном разбирательстве это конституционное положение проявляется в той мере, которая позволяет его реализовать. В досудебных стадиях процесса гласность не реализуется, ни как принцип, ни как общее условие предварительного расследования. Абсолютная открытость в данной стадии невозможна, поскольку она создавала бы определенные сложности для быстрого и полного раскрытия преступлений, особенно совершенных в условиях неочевидности, затрудняла привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. С другой стороны, отсутствие необходимой информации, касающейся материалов уголовного дела, не позволяет участникам процесса полноценно реализовать свои права, например, право на обжалование процессуальных действий и решений должностных лиц, можно реализовать только в том случае, если лицо обладает определенным объемом

информации о деятельности должностных лиц и о принятых ими решениях, это особенно касается потерпевших. Отсутствие возможности получать требуемую информацию в первую очередь свидетельствует об отсутствии гарантии реализации прав участниками уголовного судопроизводства и во-вторых, не позволяет говорить о том, что уголовно-процессуальная деятельность осуществляется вообще и осуществляется эффективно.

Ученые обращали внимание на важность такой правовой категории как информированность (уведомление) в уголовном процессе. С.С. Безруков в своей работе указывал, что «...неотъемлемым элементом системы принципов современного российского уголовного процесса является информирование заинтересованных лиц, без которого ограничивается реализация большей части других, весьма важных требований» [2, С. 8]. Согласиться с выводом, о том, что информированность следует отнести к принципам уголовного судопроизводства, мы не можем. Несмотря на свою значимость данная правовая категория не может претендовать на статус некоей закономерности в уголовном процессе, поскольку не коррелирует с таким понятием как следственная тайна, кроме того, её действие не может распространяться в равной мере на всех участников процесса и на все стадии, но полагаем, что необходимо расширить возможности уведомления участников процесса о произведенных действиях и решениях должностных лиц на что указывалось Е.Е. Ивановым [8, С. 99–109]. Ю.Е. Кайгородова подчеркивала значение сроков уведомления, указывая, что они «...выступают гарантией защиты прав и свобод личности, осуществляемой в целях достижения позитивного юридического эффекта, и средством обеспечения быстроты производства по уголовным делам, в целом отвечая назначению уголовного судопроизводства» [9, С. 8].

Сущность такого условия эффективности уголовно-процессуальной деятельности как информированность заключается в том, что участники уголовного судопроизводства должны быть ознакомлены с предоставленными им законом правами в приемлемой форме, охватывающей как ознакомление, так и разъяснение сути данных прав и форм их реализации. Что касается ознакомления с материалами уголовного дела, то считаем вполне допустимо распространить возможность знакомить потерпевших по их ходатайствам с материалами уголовного дела в случае приостановления предварительного расследования. Данное правило было установлено «приказом Следственного Комитета РФ «О принятии дополнительных мер по соблюдению прав потерпевших и их представителей следователями следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Чеченской Республике по находящимся в производстве уголовным делам», которым утверждена инструкция, предусматривающая порядок ознакомления потерпевших с материалами уголовного дела до окончания

предварительного следствия, согласно которому объем возможных для ознакомления документов по сравнению с предусмотренным ст. 42 УПК РФ может быть расширен мотивированным решением руководителя следственного подразделения» [1].

Данное общее условие распространяется не только на обязанность должностных лиц информировать других участников процесса, но предполагает и информированность должностных лиц, о любых обстоятельствах создающих сложности в ходе расследования. Например, свидетель, своевременно предупредивший о невозможности явиться на допрос по повестке, позволит следователю своевременно изменить планы, максимально продуктивно использовать время, ранее запланированное на проведение допроса.

Информированность связана с такими принципами как законность, разумный срок уголовного судопроизводства, доступность правосудия, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, обеспечение обвиняемому и подозреваемому права на защиту, право на обжалование процессуальных действий и решений и другими. Она обеспечивает возможность их реализации, а также достижение назначения уголовного судопроизводства.

На основании изложенного считаем возможным предложить распространить правило, установленное указанным приказом Следственного Комитета РФ на все категории дел, при наличии заявленного об этом ходатайства потерпевшего.

Литература

1. Бастрыкин правит Постановление Пленума Верховного суда РФ // URL: <https://pravo.ru/news/view/27930/> (дата обращения: 02.11.2021)
2. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 513 с.
3. Велигодский В.В. Судебная реформа и проблемы института подозрения в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1(6). С. 277–282.
4. Ворожцов С.А. О некоторых проблемах применения судами положений статьи 226.9 УПК РФ, или как правильно рассмотреть уголовное дело и постановить приговор с учетом дословного толкования положений части 2 этого закона? // Мировой судья. 2019. № 1. С. 18–24.
5. Даровских С.М., Даровских О.И. Своевременность – как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 11–19.
6. Диканова Т.А., Остапенко В.И. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты борьбы с контрабандой в торговом обороте и уклонением от уплаты таможенных платежей: учеб. пособие по дисциплинам «Уголовное право» и «Уголовно-процессуальное право». М.: РТА, 2006. 219 с.

7. Захарова В.О. Технические ошибки следователей (на примере из следственной практики) // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 87–90.
8. Иванов Е.Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4 (113). Т. 15. С. 99–109.
9. Кайгородова Ю.Е. Уведомление в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 224 с.
10. Клещина Е.Н. Защита прав и законных интересов потерпевшего при окончании предварительного расследования прекращением уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 1. С. 66–67.
11. Материалы уголовного дела Следственного отдела линейного управления МВД России на транспорте № 20456789 // Архив МВД России по Челябинской области
12. Материалы уголовного дела Следственного отдела Следственного комитета по Копейскому району № 20964982019 // Архив СУ СК России по Челябинской области
13. Уголовное дело Оренбургского областного суда по уголовному делу № 22–563/2018 // Архив Оренбургского областного суда

CONDITIONS ENSURING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY

Darovskikh O.I.

South Ural State University (National Research University)

The article provides the conditions to ensure the effectiveness of criminal procedural activities. The author refers to them: the use of incentives and restrictions; the completeness of the performance of procedural and investigative actions, as well as the awareness of the participants in the process. Revealing the essence of each of these conditions that ensure the effectiveness of criminal procedural activity, the author shows their relationship with the criteria that ensure efficiency, such as quality, objectivity, accessibility and others. The article draws attention to the fact that incentives and restrictions affect the correct behavior of participants in criminal proceedings, it is emphasized that the completeness of the performance of actions and the adoption of procedural decisions ensures the adoption of final decisions, and the awareness of certain participants in the criminal process about its course and the results obtained does

not contradict the requirements ensuring investigative secrecy at the stage of preliminary investigation and the possibility of considering criminal cases in a closed court session.

The article traces the relationship and influence of compliance with these conditions on the effectiveness of criminal procedural activity.

Keywords: efficiency, criminal procedural activity, incentives, restrictions, completeness, awareness.

References

1. Bastrykin corrects the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <https://pravo.ru/news/view/27930/> (date of access: 02.11.2021)
2. Bezrukov S.S. Principles of the criminal process: dis. ... doc. legal Sciences. M., 2016. 513 p.
3. Veligodsky V.V. Judicial Reform and Problems of the Institute of Suspicion in Russian Criminal Proceedings // Actual Problems of Russian Law. 2008. No. 1(6). pp. 277–282.
4. Vorozhtsov S.A. About some problems in the application by the courts of the provisions of Article 226.9 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, or how to properly consider a criminal case and pass a sentence, taking into account the literal interpretation of the provisions of part 2 of this law? // World judge. 2019. No. 1. S. 18–24.
5. Darovskikh S.M., Darovskikh O.I. Timeliness – as a criterion for the effectiveness of criminal procedure // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2018. No. 3. S. 11–19.
6. Dikanova T.A., Ostapenko V.I. Criminal-legal and forensic aspects of the fight against smuggling in trade and customs evasion: textbook. allowance for the disciplines “Criminal Law” and “Criminal Procedural Law”. M.: RTA, 2006. 219 p.
7. Zakharova V.O. Technical errors of investigators (on an example from investigative practice) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2014. No. 4 (33). pp. 87–90.
8. Ivanov E.E. Notification of participants in legal proceedings at pre-trial stages: strengthening guarantees // Actual problems of Russian law. 2020. No. 4 (113). Т. 15. S. 99–109.
9. Kaigorodova Yu.E. Notification in Russian criminal proceedings: dis. ... cand. legal Sciences. Омск, 2005. 224 p.
10. Kleshchina E.N. Protection of the rights and legitimate interests of the victim at the end of the preliminary investigation by terminating the criminal case // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 1. S. 66–67.
11. Materials of the criminal case of the Investigation Department of the Line Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia on Transport No. 20456789 // Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Chelyabinsk Region
12. Materials of the criminal case of the Investigative Department of the Investigative Committee for the Kopeysky District No. 20964982019 // Archive of the Investigative Committee of the Investigative Committee of Russia for the Chelyabinsk Region
13. Criminal case of the Orenburg Regional Court on criminal case No. 22–563/2018 // Archive of the Orenburg Regional Court

Криминологические последствия протестных движений и демонстративно-протестной преступности

Ильин Илья Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Управления министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга
E-mail: isilyin@yandex.ru

В статье уточнены и модернизированы исходные положения теории социальных последствий преступности. Доказано, что: 1) демонстративно-протестная преступность, с одной стороны, сама по себе может оцениваться в качестве негативного социального последствия протеста, но с другой стороны, при содержательном единстве протеста и преступности, их совокупные последствия могут рассматриваться в качестве единого массива социальных изменений, в том числе с точки зрения соотношения «части и целого»; 2) последствия демонстративно-протестной преступности не могут оцениваться в качестве исключительно негативных общественных трансформаций; принимая во внимание конвенциональность границ преступности и специфику феномена протеста, одним из ее последствий может выступать трансформация социальных ценностей и стандартов как типичное проявление социальной динамики; 3) структура социальных последствий демонстративно-протестной преступности требует их дифференциации на основе признаков субъекта, который испытывает на себе эти последствия в первую очередь (отдельный человек – социальная группа – общество – государство – международное сообщество), а также на основе параметров времени и содержания. На этой основе в последующих изысканиях будут представлены результаты криминологического анализа последствий демонстративно-протестной преступности, построенного на дедуктивной основе, по принципу от частного к общему, от ближайших физических и экономических последствий конкретных преступлений к отдаленным социально-психологическим, социально-политическим и социально-правовым последствиям преступности как целого.

Ключевые слова: протест, последствия, теория, факторы, группа, преступление, структура, система, личность, механизм, трансформация.

Системный подход в криминологии с необходимостью предполагает исследование криминальных феноменов в общем контексте социальных отношений и процессов. При этом такое исследование, разумеется, не может содержательно и хронологически ограничиваться лишь анализом тех обстоятельств, которые привели к совершению преступления как единичного факта или детерминируют преступность как массовый социальный феномен. Преступность, сама по себе порожденная социальными обстоятельствами, закономерно становится частью социального ландшафта, влияя как на порождающие ее детерминанты, так и детерминируя новые социальные отношения и последствия. Эти генетические свойства преступности, ее способность порождать социальные последствия, заслуживает отдельного и самостоятельного изучения.

Необходимость акцентирования внимания на последствиях преступности в процессе реализации уголовной и криминологической политики признается исследователями уже достаточно давно. Отечественные авторы более тридцати лет назад утверждали, что «борьба с социальными отклонениями должна вестись с учетом того вреда, который они причиняют или способны причинить обществу» [1, с.121], [2, с.31–36], [3, с.22]. Однако, несмотря на всю теоретическую и прикладную значимость исследования социальных последствий преступности, в отечественной криминологии им уделяется явно недостаточное внимание, да и сама эта тема, насколько позволяет судить анализ криминологической библиографии, после некоторого всплеска исследовательского интереса [4]; [5], постепенно утратила свою привлекательность.

Такое положение вещей не может быть признано удовлетворительным. Мониторинг и оценка социальных последствий преступности (равно как и иных форм отклоняющегося поведения) должны находиться в поле постоянного внимания криминологов, способствуя как адекватной оценке самой преступности, так и разрабатываемых в целях ее предупреждения профилактических и правовых мер. Кроме того, как представляется, нуждается в модернизации и сама теория социальных последствий преступности, прежде всего, в связи с учетом достижений критической криминологии, акцентирующей внимание на релятивном, конвенциональном характере самой преступности и девиантности, который с особенной остротой обнаруживает себя при исследовании криминологических связей преступности и социального протеста.

Согласно классическому определению понятия социальных последствий преступности, кото-

рое было сформулировано М.М. Бабаевым, «социальные последствия преступности – это реальный вред, причиняемый преступностью общественным отношениям, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных негативных изменений (ущерб, урон, потери, убытки и т.п.), которым в конечном счете подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений» [6, с.36], [7, с.68]. В той или иной степени эта формула – «последствия преступности есть вред» – воспроизводится и в иных научных сочинениях. «Социальные последствия преступности – это социально-правовое, исторически изменчивое явление, представляющее собой неустранимый совокупный реальный вред, причиняемый преступностью в связи с совершением преступлений и организацией противодействия преступности личностью, обществом и государством», – пишет О.Р. Афанасьева [8, с.185]; «последствия преступности представляют собой суммарный социальный и несоциальный вред, причиняемый ею» – вторит Р.А. Сабитов [9, с.76–77].

Оспорить взгляд на последствия преступности как на негативные изменения в социальной среде, с одной стороны, весьма затруднительно, хотя бы потому что сама преступность признается явлением нежелательным и опасным. Но, с другой стороны, надо признать очевидное: преступность может мыслиться негативным явлением лишь в рамках существующей системы норм и ценностей, с позиций которых оцениваются и ее последствия. Однако учитывая, что границы преступного в известной степени условны и конвенциональны, такая однозначность и категоричность в оценке последствий преступности не может возводиться в ранг непререкаемого методологического требования, особенно в тех ситуациях, когда речь идет об исследовании преступности, в той или иной степени связанной или направленной на изменение или опровержение существующих норм и ценностей. Замена одних социальных стандартов иными стандартами в процессе и посредством девиантологических практик (их расширения, допущения и официального признания) может рассматриваться как «типичный» или «стандартный» вектор социальной динамики. С этой точки зрения оценка социальных последствий девиантности (и преступности как ее разновидности), осуществляемая с некоторым временным лагом, может дать совершенно иные результаты. Представляется, что исследование социальных последствий преступности с акцентом исключительно на их негативное содержание существенным образом ограничивает представления как о самих этих последствиях, так и о ценности соответствующей информации для разработки профилактических программ. По этой причине в последующем изложении не отрица-

позиции, составляющей мейнстрим в криминологической теории, мы позволим себе все же несколько отойти от нее, с тем чтобы создать более полное представление обо всех социальных последствиях преступности, развивающейся в связи с социальным протестом.

В качестве общего предварительного теоретико-методологического замечания необходимо также вновь отметить тесную связь исследуемой нами демонстративно-протестной преступности с самим феноменом социального протеста, а следовательно, и тесную связь социальных последствий преступности и протестной активности. Связь эта сама по себе может составить предмет отдельного анализа. С одной стороны, преступления и иные формы нарушения общественного порядка во время протестных акций могут рассматриваться как следствие, продолжение протеста или как ответ на меры, направленные к недопущению, контролю или подавлению протестной акции. В этом отношении демонстративно-протестная преступность сама по себе вполне может оцениваться в качестве негативного социального последствия протеста. Но с другой стороны (и этот аспект для нас важнее), преступления является частью протестных акций, их содержательным компонентом. С этой точки зрения последствия преступности выступают частью последствий протеста, а последствия протеста могут восприниматься как часть последствий демонстративно-протестной преступности. Здесь, конечно, необходим более тонкий анализ: социальные последствия преступности и социальные последствия протеста далеко не всегда и не во всех отношениях могут рассматриваться с позиций соотношения части и целого. Не все позитивные социальные изменения, связанные с протестом, могут быть приписаны преступлениям, которые его сопровождают, равно как не все негативные следствия демонстративно-протестной преступности причинно связаны с протестом. Поэтому от исследователя требуется, с одной стороны, дифференциация анализа, но с другой стороны, в тоже самое время интегрированный анализ всего комплекса социальных изменений, которые вызваны протестом и преступностью.

И еще одно предварительное замечание. Оно касается структуры социальных последствий. В литературе, как правило, этот вопрос рассматривается в общем порядке, безотносительно вида преступности, последствия которой должны быть исследованы. Вполне справедливо при этом утверждается, что в структуру социальных последствий преступности входят: последствия зарегистрированных и латентных преступлений, прямые и косвенные социальные последствия, ближайшие и отдаленные, экономические, политические и социально-психологические последствия [10, с.36–56], [11, с.34–40]. Однако такой подход в известном смысле является «обезличенным», предполагающим, что все социальные последствия преступности отражаются на обще-

стве в целом. В этом, безусловно, есть своя правда. Но не вся. Для более детального представления о последствиях преступности, как нам представляется, следует ввести еще один критерий их дифференциации – субъекта, который испытывает на себе эти последствия в первую очередь. Дело в том, что последствия преступности, если использовать образное сравнение, расходятся в социальном пространстве как «круги по воде». Последствия конкретного преступления, группы родственных посягательств, преступности как целого причиняют последовательно вред конкретным жертвам, определенным социальным институтам, социуму, государству, международному сообществу. Это обстоятельство не просто нельзя игнорировать в методологическом отношении, напротив, оно должно стать основой для исследования. При этом очевидно, что в отличие от анализа процессов детерминации преступности, построенного на дедуктивной основе, исследование социальных последствий преступности целесообразно вести в обратном, индуктивном отношении – по принципу от частного к общему, от последствий конкретных преступлений к последствиям преступности как целого, а в содержательном отношении – от последствий осязаемых, имеющих некоторые физические, наблюдаемые показатели (в виде вреда личности, собственности и т.д.), к последствиям неосязаемым, но при этом не менее реальным и значимым, – социально-психологическим и социально-политическим.

С учетом полученных выводов, можно говорить о том, что найдена «точка опоры», опираясь на которую в дальнейших изысканиях будут представлены результаты криминологического анализа последствий демонстративно-протестной преступности, построенного на дедуктивной основе, по принципу от частного к общему, от ближайших физических и экономических последствий конкретных преступлений к отдаленным социально-психологическим, социально-политическим и социально-правовым последствиям преступности как целого.

Литература

- Социальные отклонения. Введение в общую теорию / Кудрявцев В.Н., Кудрявцев Ю.В., Нерсисянц В.С. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 121.
- Клейменов М.П. Преступные последствия как криминологическая проблема // Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД СССР, 1983. – С. 31–36.
- Криминологическое изучение влияния негативных последствий социальных противоречий на преступность. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сидоров В.В. – М., 1986. – 22 с.
- Бабаев М.М., Афанасьева О.Р. Социальные последствия и цена преступности. – М.: ВНИИ МВД России, 2012.
- Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н.А. Лопашенко – М.: Юрлитинформ, 2014.
- Бабаев М.М. Криминологическая характеристика последствий социально-демографических процессов // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1977, № 27. – С. 36–50.
- Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. – М.: Акад. управ. МВД СССР, 1982 // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 2. – С. 68.
- Афанасьева О.Р. Социальные последствия преступности: понятие, признаки, показатели // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 185.
- Сабитов Р.А. Криминологические проблемы исследования последствий преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – С. 76–77.
- Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56.
- Афанасьева О.Р. К вопросу о соотношении социальных последствий преступности и цены преступности в криминологической литературе // Вестник академии права и управления. – М: Акад. права и управления, 2013, № 30. – С. 34–40.
- Клейменов И.М. Либеральная уголовная политика и ее криминологические последствия // Российский криминологический взгляд. – М., 2009, № 2. – С. 280–284.
- Милюков С.Ф. Ревизия российского уголовного законодательства: криминологическая обоснованность и уголовно-политические последствия // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. – Саратов, 2004. – С. 117–124.
- Фирс П.Л. Некоторые вопросы криминологической и уголовно-правовой характеристики социального паразитизма и его последствий // Социальный паразитизм. Криминологические и правовые аспекты. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. – С. 23–32.

CRIMINOLOGICAL CONSEQUENCES OF PROTEST MOVEMENTS AND DEMONSTRATIVE PROTEST CRIME

Ilyin I.S.

Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration

The article clarifies and modernizes the initial provisions of the theory of the social consequences of crime. It has been proven that:

1) demonstrative protest crime, on the one hand, in itself can be assessed as a negative social consequence of the protest, but on the other hand, with the substantive unity of protest and crime, their cumulative consequences can be considered as a single array of social changes, including from the point of view of the ratio of "part and whole"; 2) the consequences of demonstrative protest crime cannot be assessed as exclusively negative social transformations; taking into account the conventional nature of the boundaries of crime and the specifics of the phenomenon of protest, one of its consequences may be the transformation of social values and standards as a typ-

ical manifestation of social dynamics; 3) the structure of the social consequences of demonstrative protest crime requires their differentiation based on the characteristics of the subject who experiences these consequences in the first place (individual – social group – society – state – international community), as well as on the basis of time and content parameters.

On this basis, subsequent research will present the results of a criminological analysis of the consequences of demonstrative protest crime, built on a deductive basis, according to the principle from particular to general, from the immediate physical and economic consequences of specific crimes to distant socio-psychological, socio-political and socio-legal consequences of crime as a whole.

Keywords: protest, consequences, theory, factors, group, crime, structure, system, personality, mechanism, transformation.

References

1. Social deviations. Introduction to the general theory / Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev Yu.V., Nersesyants V.S. – M.: Yurid. lit., 1984. – S. 121.
2. Kleimenov M.P. Criminal consequences as a criminological problem // Criminal legal means of combating crime. Interuniversity collection of scientific papers. – Omsk: Om Publishing House. GSOM MVD USSR, 1983. – S. 31–36.
3. Criminological study of the influence of the negative consequences of social contradictions on crime. Abstract dis. ... cand. legal Sciences / Sidorov V.V. – M., 1986. – 22 p.
4. Babaev M.M., Afanas'eva O.R. Social consequences and the cost of crime. – M.: VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.
5. Price of crime (methodology of its determination) / ed. ON THE. Lopashenko – M.: Yurilitinform, 2014.
6. Babaev M.M. Criminological characteristics of the consequences of socio-demographic processes // Issues of combating crime. – M.: Yurid. lit., 1977, No. 27. – S. 36–50.
7. Babaev M.M. Social consequences of crime. – M.: Acad. management Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1982 // Russian criminological view. – 2007. – No. 2. – P. 68.
8. Afanas'eva O.R. Social consequences of crime: concept, signs, indicators // Society and law. – 2013. – No. 3 (45). – S. 185.
9. Sabitov R.A. Criminological problems of researching the consequences of crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. – 2014. – No. 4 (30). – From 76–77.
10. Luneev V.V. Social consequences, victims and the price of crime // State and law. – 2009. – No. 1. – P. 36–56.
11. Afanas'eva O.R. To the question of the relationship between the social consequences of crime and the price of crime in criminological literature // Bulletin of the Academy of Law and Management. – M: Acad. law and management, 2013, No. 30. – S. 34–40.
12. Kleimenov I.M. Liberal criminal policy and its criminological consequences // Russian criminological view. – M., 2009, No. 2. – S. 280–284.
13. Milyukov S.F. Revision of the Russian criminal legislation: criminological validity and criminal-political consequences // Crime and criminal legislation: realities, trends, mutual influence. Collection of scientific papers. – Saratov, 2004. – S. 117–124.
14. Firs P.L. Some questions of criminological and criminal law characteristics of social parasitism and its consequences // Social parasitism. Criminological and legal aspects. – Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta, 1986. – S. 23–32.

Неоднократность как неявное проявление административной преюдиции в ст. 180 УК РФ

Коростиев Александр Александрович,

аспирант, кафедра уголовного права и криминологии
Юридической Школы Дальневосточного федерального
университета
E-mail: korostiev.aa@dvfu.ru

Коротких Наталья Николаевна,

доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного
права и криминологии Юридической Школы Дальневосточного
федерального университета
E-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

Институт административной преюдиции выступает гибким инструментом в руках законодателя (который учитывает современные реалии и оптимизирует административные и уголовно-правовые механизмы принуждения к ответственности за совершенные преступные деяния), позволяющим дифференцированно ужесточать или смягчать деликтные нормы для превенции совершения повторных правонарушений или преступлений. Однако с упразднением института административной преюдиции при вступлении УК РФ в силу и его дальнейшем возрождении, некоторые нормы действующего УК РФ остались с дефектами юридической техники и вызывают определенные трудности при квалификации деяний, связанных с неоднократным совершением определенных действий. Среди них следует выделить ст. 180 УК РФ. На приведение ее в «подобающий» вид уже не раз указывалось в доктрине, но норма не изменилась. В данной статье предпринята попытка проанализировать сложившуюся ситуацию и найти из нее оптимальный выход.

Ключевые слова: институт административной преюдиции, криминализация, декриминализация, неоднократность, единый умысел, криминообразующий признак, средство индивидуализации, репрессия.

Одним из способов превенции совершения преступлений выступает административная преюдиция. Суть последней заключается в том, что состав преступления образуется за счет признаков административного правонарушения, а в качестве критерия разграничения преступления и проступка выступает факт предшествующего наложения административного взыскания за такое же деяние [13]. Разные подходы к содержанию и определению административной преюдиции описаны во многих научных публикациях [1, 7, 12, 13, 15], суть которых сводится к тому, что сущность административной преюдиции заключается в совершении лицом уголовно-наказуемого деяния, находясь при этом в состоянии административной наказанности.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. отказался от использования административной преюдиции в качестве криминообразующего признака некоторых деяний. Этот вопрос актуализировался после того как в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г., а также в п. 43 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. было обращено внимание на целесообразность шире использовать в уголовном законодательстве административную преюдицию [25]. С этого момента и началось, как утверждают многие исследователи, возрождение института административной преюдиции. И сегодня в научной литературе высказываются мнения о расширении перечня составов преступлений с административной преюдицией как способе декриминализации противоправных деяний уголовного характера (О.С. Капинус [7], Е.Н. Карабанова, К.В. Цепелев [8], М.А. Лапина, Д.В. Карпухин, Ю.В. Трунцевский [12], А.Б. Коновалова, И.Н. Мосечкин [11], Т.Д. Устинова [26], М.В. Бавсун, И.Г. Бавсун, И.А. Тихон [1] и др.). Но есть и противники данного подхода, утверждающие, что повторяемые административные правонарушения носят самостоятельный характер, никак не связаны и не имеют единую вину, а исходя из этого, введение административной преюдиции нарушит принцип “non bis in idem” [13, с. 67–68]; институт административной преюдиции размывает границы между преступлением и административным правонарушением, между уголовным и административным правом и должен быть навсегда исключен из российского уголовного законодательства [28]; существенное расширение перечня составов преступлений с административной преюдицией свидетельствует о том, что у законо-

дателя еще не сформировалась четкая, взвешенная, продуманная позиция по этому вопросу [29]; административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает существенных, материальных свойств преступления [14]; включение в сферу уголовно-правовых отношений административных проступков, даже совершенных повторно, чрезмерно расширяет границы уголовно-правовой репрессии [5]; признание некоторых проступков преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от иных обстоятельств, в частности, от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок [3].

Анализируя практику применения данного института в правоприменительной деятельности, можно утверждать, что он достаточно прочно обосновался в УК РФ и заслуживает своего места в системе уголовных норм по нескольким причинам. Во-первых, он выступает в качестве гибкого инструмента по «мягкой» криминализации общественно опасных деяний, в то же время позволяя законодателю декриминализировать деяния, не представляющие большой общественной опасности. Во-вторых, данный институт может способствовать экономии мер уголовной репрессии, позволяя сократить численность лиц, осужденных к лишению свободы. В-третьих, административная преюдиция, при ее грамотном конструировании в составах УК, выполняет задачу превенции преступлений и правонарушений (правонарушитель, зная, что при двойном или тройном нарушении одного и того же запрета, будет привлечен к уголовной ответственности, со всем вытекающими отсюда последствиями, возможно, не станет рисковать и совершать повторное, уже уголовно-наказуемое деяние). Наконец, административная преюдиция повышает эффективность правоохранительной деятельности за счет перераспределения репрессивного ресурса.

Справедливо отмечает М.А. Плешков, что «при принятии решения о криминализации или декриминализации деяний законодатель должен исходить из принципов: достаточной общественной опасности криминализируемых деяний, их относительной распространенности; возможности эффективного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно-опасное поведение; избыточности уголовно-правового запрета и своевременности криминализации конкретных деяний» [16]. Как известно, уголовно-правовые санкции накладывают определенные ограничения на подвергнутых ими лиц (состояние судимости, лишение права на определенную профессию, ограничение в определенных социальных возможностях) [27], поэтому нецелесообразным видится (при наличии сопоставимых административных и уголовных составов) применение уголовного наказания сразу,

минуя наказание административное (включающееся в претерпевании лишений только денежного характера) в отношении экономических преступлений небольшой тяжести.

Верно указывает В.В. Сверчков, что в качестве завуалированного проявления административной преюдиции в сегодняшнем УК выступает неоднократность, содержащаяся в ст. ст. 154 и 180 УК [10]. Э.Л. Сидоренко также отнесла их в отдельную группу составов, «с так называемой неочевидной (скрытой) преюдицией» [23], обращая внимание на отсутствие в ст. ст. 154 и 180 УК указания на преюдиционный характер норм. Почему же законодатель «забыл» добавить к указанным составам «эффекта административной преюдиции» – остается загадкой, при том, что аналогичные конструкции деяний содержатся в КоАП РФ (ст. ст. 5.37, 14.10 соответственно).

По мнению И.А. Головизиной [4] «сам акт незаконного использования товарного знака рассматривается не как правонарушение, а как часть продолжаемого единичного преступления, состоящего из нескольких актов незаконного использования товарного знака». По этому поводу стоит отметить, что **несколько актов незаконного использования товарного знака могут как охватываться единым умыслом** (иметь единую цель и общую направленность – например кратковременное опосредованное причинение ущерба одному правообладателю, за счет кражи той прибыли: которую последний получил бы при нормальном хозяйственном обороте; если бы его товар не подделывали и не продавали), **так и не охватываться им** (выделено нами. – А.К., Н.К.). В первом случае – это прямой признак единого продолжаемого преступления [24]. Во втором случае – признак неоднократности.

Представляется что лицо, проставляющее товарный знак одного правообладателя (напр. “adidas”) на предметах, входящих в одну партию, реализует единый преступный умысел, поэтому данное деяние будет являться продолжаемым преступлением, а не криминообразующей неоднократностью, поскольку оно направлено на причинение ущерба одному лицу (правообладателю, в данном случае, компании adidas). Естественно, в данном случае мы говорим о причинении ущерба ниже криминообразующего предела в размере 250 000 рублей. В случае же проставления на одной партии товара зарегистрированных товарных знаков различных правообладателей – налицо неоднократность деяния (иными словами – идеальная неоднократность, поскольку умысел нарушителя не будет охватываться лишь одним лицом).

По этому поводу отмечается, что «...даже разорванные во времени разные деяния по незаконному использованию чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров не могут квалифицироваться как неоднократные, если они охватывались единым умыслом на совершение продолжаемого

преступления» [6]. Если рассматривать неоднократно по смыслу ст. 180 УК как единое сложное продолжаемое преступление, то применение института административной преюдиции действительно становится невозможным, поскольку этим будет нарушаться уже упомянутый основополагающий международный принцип *non bis in idem*, в соответствии с которым не должно быть две ответственности за одно преступление. Но продолжаемое единое преступление не является неоднократно, поэтому нарушения принципа *non bis in idem* при введении административной преюдиции не будет. И.А. Клепицкий по этому поводу отмечает, что «неоднократность в ст. 180 УК понимается в практике как незаконное использование чужого товарного знака лицом, ранее совершившим такое деяние. При этом не имеет значения, привлекался ли гражданин за это ранее к уголовной или административной ответственности. Однако не должны истечь сроки давности, установленные УК или КоАП, в зависимости от юридической квалификации первого эпизода. Если же гражданин ранее привлекался к ответственности – судимость не должна быть снята или погашена, а после окончания исполнения административного наказания не должно пройти одного года (ст. 4.6 КоАП)» [9].

Данные выводы, как уже было отмечено, открывают жизнь для использования института административной преюдиции в ст. 180 УК или же исключения из нее признака неоднократности, других путей, как представляется, не дано. Стоит заметить, что В.Н. Бондарев в своей диссертации, посвященной уголовно-правовой охране интеллектуальной собственности, уже предлагал отказаться от данного криминообразующего признака с целью «четкого фиксирования грани между преступным и иным нарушением отношений интеллектуальной собственности» [2, с. 7]. По пути исключения неоднократности как криминообразующего признака ст. 180 УК пошли и Г.А. Есаков и Д.М. Сарваров [6]. Выбирая один путь из двух, и попутно поддерживая мнение Н.Ф. Кузнецовой [26] в части введения административной преюдиции в отношении отдельных деяний, предусмотренных гл. 22 УК, полагаем целесообразным включить административную преюдицию в конструкцию состава, предусмотренного ст. 180 УК. Во-первых, преступление, предусмотренное данной статьей, объективно относится к категории преступлений небольшой тяжести (максимальное наказание за его совершение составляет до двух лет лишения свободы), а соответственно обладает небольшой степенью общественной опасности. Во-вторых, ее введение в анализируемый состав позволит уменьшить количество лиц, осужденных к лишению свободы, как это произошло с нанесением побоев, неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, а также мелким хищением.

Таким образом, на наш взгляд, значительно меньше вопросов вызывала бы конструкция,

предусмотренная ст. 180 УК, если бы она имела следующий вид:

Статья 180. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

1. Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, —

наказывается...

2. Незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, —

наказывается...

Примечания. 1. Незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) или предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара совершенным неоднократно, признается незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) или предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

2. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей.

При таком подходе, деяние квалифицируется по ст. 180 УК, если лицо совершит второе однородное правонарушение, предусмотренное диспозицией данной статьи, в течение года с момента исполнения постановления о назначении административного наказания (т.е. в течении года с момента уплаты штрафа по вынесенному на основании ст. 14.10 КоАП РФ постановлению).

Кроме того с введением Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ статьи 76.1 УК и последующих ее изменений, стало возможным освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 146 и 147 УК, ч. 1–3 ст. 180 УК, если они: а) возместят причиненный потерпевшему ущерб и перечислят в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба; либо б) перечислят в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления; либо в) перечислят в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления,

и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления; либо г) перечислят в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

Представляется, что данная норма позволит изменить ситуацию с количеством лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести по ст. ст. 146, 147 и 180 УК в сторону их уменьшения, как например, по аналогии с процессом, происходящим на практике в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе за уклонение от уплаты налогов [17–22].

Литература

1. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6.
2. Бондарев В.Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 25 с.
3. Гогин А.А. Ответственность за нарушение Федерального закона РФ «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5.
4. Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. 2006. № 11.
5. Гулько А.Л. История уголовной ответственности за хулиганство в России // Адвокатская практика. 2006. № 5.
6. Есаков Г.А., Сарваров Д.М. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5. С. 82–90.
7. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.
8. Карабанова Е.Н., Цепелев К.В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 57–60.
9. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 572 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.И. Булавин, В.В. Воробьев, Ю.В. Головлев и др.; под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. 1264 с.
11. Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О применении института административной преюдиции в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 6. С. 50–56.
12. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1138–1148.
13. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3(23). С. 64–71.
14. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72–74.
15. Одоев О.С. О понятии административной преюдиции в уголовном праве России и стран СНГ // Административное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 1–11.
16. Плешков М.А. К вопросу о криминализации преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminalizatsii-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 16.01.2022).
17. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.10.2019 № Ф03–4096/2019 по делу № А73–1789/2019.
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.12.2021 № Ф05–30346/2021 по делу № А40–41353/2021.
19. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.07.2015 № Ф07–4644/2015 по делу № А05–9241/2014.
20. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.04.2021 № Ф07–3935/2021 по делу № А56–47228/2018.
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.04.2021 № Ф07–3529/2021 по делу № А13–8156/2020.
22. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.09.2018 № Ф09–5106/18 по делу № А76–20008/2017.
23. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125–133.
24. Трунцевский Ю.В., Козлов А.А. Охрана и защита прав на средства индивидуализации товаров. М.: Юрист, 2006. 168 с.
25. Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 24. Ст. 3015.

26. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5.
27. Хоменко А.Н. Проблемы использования административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1. С. 37–42.
28. Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45–47.
29. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–79.

REPEATEDNESS AS AN IMPLICIT MANIFESTATION OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN ART. 180 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Korostiev A.A., Korotkikh N.N.
Far Eastern Federal University

The institute of administrative prejudice acts as a flexible tool in the hands of the legislator (which takes into account modern realities and optimizes administrative and criminal law enforcement mechanisms for criminal acts committed), allowing differentiated tightening or softening of tort norms to prevent the commission of repeated offenses or crimes. However, with the abolition of the institution of administrative prejudice upon the entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation and its further revival, some norms of the current Criminal Code of the Russian Federation remained with defects in legal technique and cause certain difficulties in qualifying acts related to the repeated commission of certain actions. Among them, Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation should be singled out. Bringing it into a “proper” form has been pointed out more than once in the doctrine, but the norm has not changed. This article attempts to analyze the current situation and find the optimal way out of it.

Keywords: institute of administrative prejudice, criminalization, decriminalization, repetition, single intent, criminalizing feature, means of individualization, repression.

References

1. Bavsun M.V., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrative collateral estoppel and prospects of its application on the modern stage // Administrative law and process. 2008. No. 6.
2. Bondarev V.N. Criminal law protection of intellectual property: abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2002. 25 p.
3. Gogin A.A. Responsibility for violation of the Federal Law of the Russian Federation “On Advertising” // Law and Politics. 2004. No. 5.
4. Goloviznina I.A. The problem of ambiguity of the term “repetition” contained in Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation, and ways to overcome it // Russian investigator. 2006. No. 11.
5. Gulko A.L. History of criminal responsibility for hooliganism in Russia // Lawyer practice. 2006. No. 5.
6. Esakov G.A., Sarvarov D.M. On understanding large damage, size and repeated against compositions of crimes against intellectual property // Property relations in the Russian Federation. 2019. No. 5. pp. 82–90.
7. Kapinus O.S. Administrative Prejudice in Criminal Law: Problems of Theory and Practice // Journal of Russian Law. 2019. No. 6. pp. 78–86.
8. Karabanova E.N., Tsepelev K.V. On the issue of the prospect of using administrative prejudice in the criminal law of Russia // Russian justice. 2020. No. 11. pp. 57–60.
9. Klepitsky I.A. The system of economic crimes. M.: Statute, 2005. 572 p.
10. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / V.I. Bulavin, V.V. Vorobyev, Yu.V. Golovlev, etc.; edited by A.A. Chekalin, V.T. Tomin, V.V. Sverchkov. 4th ed., reprint. and additional M.: Yurayt-Izdat, 2007. 1264 p.
11. Konovalova A.B., Mosechkin I.N. On Application of Administrative Prejudice Institution in Struggle against Economic Crimes // Business security. 2017. No. 6. pp. 50–56.
12. Lapina M.A., Karpukhin D.V., Truntsevskii Yu.V. Administrative prejudice as a way of decriminalization of criminal offences and distinction between criminal and administrative offences // Administrative and municipal law. 2015. No. 11. pp. 1138–1148.
13. Lopashenko N.A. Administrative prejudice in criminal law – no! // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. 2011. No. 3(23). pp. 64–71.
14. Mamkhyagov Z.Z. On admissibility of use of administrative prejudice in criminal legislation // Administrative law and process. 2015. No. 8. pp. 72–74.
15. Odoev O.S. On the Definition of Administrative Prejudgement in the Criminal Law of Russia and CIS Countries // Administrative and municipal law. 2019. No. 2. pp. 1–11.
16. Pleshkov M.A. On the issue of criminalization of crimes in the sphere of economic activity // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2016. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminalizatsii-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (date of appeal: 16.01.2022).
17. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 16.10.2019 No. F03–4096/2019 in case No. A73–1789/2019.
18. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 08.12.2021 No. F05–30346/2021 in case No. A40–41353/2021.
19. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 15.07.2015 No. F07–4644/2015 in case No. A05–9241/2014.
20. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 26.04.2021 No. F07–3935/2021 in case No. A56–47228/2018.
21. Resolution of the Arbitration court of the North-West district from 29.04.2021 No. F07–3529/2021 in case No. A13–8156/2020.
22. Resolution of the of the Arbitration court of the Ural district from 17.09.2018 No. F09–5106/18 in the case No. A76–20008/2017.
23. Sidorenko E.L. Administrative Prejudice in Criminal Law: Law Enforcement Problems // Journal of Russian law. 2016. No. 6. pp. 125–133.
24. Truntsevskii Yu.V., Kozlov A.A. Protection and defense of rights to means of individualization of goods. M.: Lawyer, 2006. 168 p.
25. Decree of the President of the Russian Federation No. 690 of June 9, 2010 “On approval of the Strategy of the State anti-drug policy of the Russian Federation until 2020” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 24. Art. 3015.
26. Ustinova T.D. Expansion of criminal liability for illegal entrepreneurship // Journal of Russian Law. 2003. No. 5.
27. Khomenko A.N. Problems of the Use of Administrative Prejudice in Criminal Law // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2017. No. 1. pp. 37–42.
28. Shemyakin D.V. Controversial issues of use of administrative prejudice in criminal law // Russian investigator. 2015. No. 15. pp. 45–47.
29. Yamashева E.V. On the issue of restoring the institution of administrative prejudice in the criminal law of Russia // Journal of Russian Law. 2009. No. 10. pp. 69–79.

Совершенствование подходов к проведению следователем проверки сообщения о налоговом преступлении

Лаврова Оксана Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заместитель начальника кафедры уголовного процесса
E-mail: ok.selednikova@rambler.ru

Селедников Никита Викторович,

слушатель, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: selednikovnikita@yandex.ru

Налоговые преступления являются сложными для расследования, что связано с противоречивой следственно-судебной практикой, различным подходом экспертов к методике исчисления суммы подлежащих уплате налогов и, следовательно, неоднозначным подходом к доначислению налогов самими налоговыми органами.

В статье показано, что в ст. 108 НК РФ закреплен основополагающий конституционный принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Правоприменительная практика по уголовным делам о налоговых преступлениях, совершенных путем уничтожения налоговой декларации или иных документов, представление которых, в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, является обязательным, является одним из способов уклонения от уголовной ответственности. В связи с вышеизложенным, авторами проанализирована данная следственная ситуация, складывающаяся при проведении проверки сообщений о преступлениях, и предложены возможные пути разрешения проблемных вопросов.

Ключевые слова: налоговые преступления, проверка сообщений о преступлениях, следователь.

В ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [1] закреплены права налоговых органов, а в ст. 32 НК РФ – их обязанности, среди которых указана обязанность соблюдать законодательство РФ о налогах и сборах и осуществлять контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, а также принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов.

При этом в ст. 108 НК РФ закреплен основополагающий конституционный принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке.

Проанализируем практику реализации данного принципа при проведении налоговыми органами проверок, опираясь на опубликованные материалы следственно-судебной практики.

В случаях, когда налогоплательщиком утрачены (пропажа, уничтожение) необходимые первичные документы бухгалтерского и налогового учета, служащие подтверждением верного отражения доходов и расходов, налоговый орган, в соответствии с п.п.ч. 1 ст. 31 НК РФ, производит проверку по расчетному пути, что, по сути, представляет собой усредненные данные о полученных доходах и понесенных расходах. Как правило, налоговый орган считает подобную ситуацию способом уклонения от уплаты налогов и доначисленная сумма налогов иногда значительно превышает годовой оборот организации, несмотря на то обстоятельство, что в настоящее время действует письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № СА-4-7/22020@ [2], обязывающее налоговые органы устанавливать реальные затраты налогоплательщика на приобретение товара (работ, услуг).

В указанном случае налоговый орган руководствуется исключительно положениями п.п. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ, возлагая на налогоплательщика обязанность по предоставлению необходимых бухгалтерских документов, необходимых для проверки правильности и своевременности исчисления и уплаты налогов. Объективные обстоятельства невозможности предоставления налогоплательщиком документов во всех случаях трактовались налоговыми органами как схема уклонения от уплаты налогов.

Возникает вопрос о том, каким образом реализуется конституционный принцип презумпции невиновности, закрепленный, в том числе, и в НК РФ?

Следует отметить, что утрата документов, действительно может быть умышленной и совершенной с единственной целью – не показать налоговому органу истинную сумму доходов, понесенных расходов, вывод денежных средств.

В дальнейшем собранный налоговым органом материал, в соответствии с п. 3 ст. 32 НК РФ, передается в следственный орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Параллельно налоговый орган обращается в суд за взысканием налога, пени, штрафа с налогоплательщика.

А.Н. Лукогорский отмечает, что до конца 2015 года арбитражные суды удовлетворяли требования налогоплательщиков о признании решений налоговых органов недействительными, но уже с 2016 года при тех же самых доказательствах (поскольку новых материалов, подтверждающих наличие фиктивного документооборота, в материалах налоговых проверок не появилось), стали отказывать в удовлетворении требований налогоплательщиков [3, с. 59–64].

При этом основанием для поступления сообщения об уклонении от уплаты налогов или неисполнения обязанности налогового агента (ст.ст. 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4] является вступившее в законную силу решение о привлечении к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, с суммой доначислений по налогам, отвечающим критериям примечаний 1 к статьям 198, 199 УК РФ.

Из квалального толкования п. 3 ст. 32 НК РФ следует, что налоговый орган обязан передать материалы проверки в следственные органы независимо от того, продолжает ли налогоплательщик обжаловать решение налогового органа в судебном порядке или нет, поскольку ст. 101.2 НК РФ установлено, что решение вступает в законную силу после истечения 1-месячного срока или принятия решения по апелляционной жалобе вышестоящим налоговым органом, а понятие жалобы, приведенное в ст. 138 НК РФ, представляет собой обращение лица об обжаловании вступившего в законную силу ненормативного акта.

Следовательно, этот же принцип действует и в том случае, когда налогоплательщик в судебном порядке заявляет обеспечительные меры, которыми приостанавливается исполнение решения налогового органа, так как основания и порядок вступления решения налогового органа в законную силу указаны в ст. 101.2 НК РФ.

В 2012–2013 гг. в России сложилась неоднозначная судебная практика по данному вопросу, в соответствии с которой суды признавали действия налогового органа о передаче материалов в следственные органы в случае, когда решение обжаловалось в судебном порядке, неправомерным, поскольку данное решение не являлось вступившим в законную силу.

Однако налоговый орган не наделен полномочиями по установлению наличия или отсутствия

состава преступления, следовательно, практика возврат материалов налоговой проверки, переданных, в соответствии с п. 3 ст. 32 НК РФ, в следственный орган на основании того, что решение налогового органа обжалуется в судебном порядке, весьма спорна.

При этом следственные органы обязаны зарегистрировать поступившее сообщение о преступлении и провести по нему проверку. В таких случаях следует назначить налоговую экспертизу (документальное исследование) и принять необходимые меры к поиску документов.

Как правило, эксперты дают однозначный ответ о невозможности установления суммы и доли неуплаченного налога, а выводы на основании решений (актов) налогового органа носят вероятностный характер [5, с. 26].

Следует иметь в виду, что эксперт должен отвечать на поставленные следователем вопросы, и от того, как эти вопросы сформулированы, зависят его ответы.

Если следователь сформулировал вопрос таким образом, что эксперту предлагалось установить сумму и долю неуплаченного налога на основании акта и решения налогового органа, и эксперт установил сумму неуплаченного налога, то имеется основание для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Доказательствами преступного деяния налогоплательщика в данном случае являются материалы налоговой проверки, решение арбитражного суда, заключение эксперта. Следовательно, следователь делает вывод о том, что утрата документов совершена налогоплательщиком умышленно, а предоставленные в подтверждение утраты документы (постановление о краже, акт пожарной инспекции и т.д.) являются фиктивными.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что налоговый орган проводит проверки налоговых деклараций, обладая определенными полномочиями в сборе подтверждающих документов, в связи с чем следователи при проведении проверок сообщений о налоговых преступлениях должны исследовать указанное обстоятельство, направляя соответствующие запросы в налоговые органы и получая объяснения от налоговых инспекторов, проводящих камеральные проверки.

Налоговый орган в таком случае может ссылаться на более широкие полномочия при проведении выездной налоговой проверки и определенных ограничениях при проведении камеральной проверки, что, по нашему мнению, не вполне правильно, поскольку при проведении камеральной проверки недопустимо нарушение принципов, установленных НК РФ, а проведению выездной налоговой проверки предшествует анализ деятельности организации, в ходе которого налогоплательщик отбирается по определенным критериям, в том числе и сумме оборота, и именно на данной стадии определяется сумма, подлежащая доначислению (то есть еще до выезда к налогоплательщику и проверки его документов налого-

вый орган устанавливает нарушения и доначисляет сумму, подлежащую уплате в бюджет).

А.Н. Лукогорский приводит следующий пример.

Следственным управлением Следственного комитета РФ по Кемеровской области расследовалось уголовное дело в отношении нефтеперерабатывающего завода, который изначально выпускал дизельное топливо, но затем, по причине изменения ГОСТа, разработал на него свою документацию и продолжил выпуск своей продукции, которое поставлял в адрес тех же покупателей для тех же целей.

Налоговый орган провел проверку и установил, что завод выпускает подакцизный товар, в связи с чем обязан был уплачивать акцизы. Выводы налогового органа были основаны на том, что имеющаяся установка позволяла выпускать дизель, отвечающий ГОСТу, а опрошенные покупатели в объяснениях на вопрос о том, что они приобрели у налогоплательщика отвечали, что приобрели именно дизельное топливо.

Налогоплательщик проиграл в суде и по факту неуплаты акциза было возбуждено уголовное дело.

В ходе предварительного следствия при допросе экспертов было установлено, что установка, имеющаяся в распоряжении завода, позволяла производить товар, отвечающий ГОСТу, только при внесении в его конструкцию определенных изменений, которые не были внесены налогоплательщиком. В результате производимый товар не отвечал показателям дизельного топлива, установленным новым ГОСТом, по двум пунктам, в связи с чем, по мысли налогоплательщика, он не является подакцизным товаром. Опрошенные же покупатели пояснили, что понятие «дизель» для них общее, и под ним они понимают то топливо, которым они заправляют технику. При этом им был неинтересен вопрос о том, отвечает ли оно требованиям ГОСТа или нет. В документах то топливо, которое производил завод, называлось технологическим топливом или просто топливом. В дальнейшем суд не вызывал свидетелей для производства их допросов, а лишь анализировал документы, имевшиеся в материалах налоговой проверки, в связи с чем доначисленная сумма налогов так и не была уплачена [6, с. 59–64].

В 2016 году Алтайским краевым судом было принято решение по делу № 22–2908, представляющему большой интерес с точки зрения формирования правоприменительной практики.

Обстоятельства дела: подсудимый Т. обвинялся в уклонении от уплаты налогов с ООО «Строительное управление Алтайского моторного завода», путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, совершенном в особо крупном размере.

Приговором суда Т. по предъявленному ему обвинению был оправдан, поскольку, в соответствии с ч. 4 ст. 302 Уголовно-процессуального кодек-

са Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7], обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Судом указано, что факт привлечения ООО к налоговой ответственности по ч. 1 ст. 122 НК РФ не свидетельствует о безусловном наличии в действиях его руководителя состава преступления, и наличие решения арбитражного суда также не предопределяет этот вывод.

Экспертного заключения о причиненном размере ущерба получить не удалось ввиду отсутствия первичных документов. Кроме того, в уголовном деле отсутствовали данные, необходимые для определения сумм налогов и налоговых вычетов.

Таким образом, для расчета сумм неуплаченных налогов было необходимо провести анализ первичной бухгалтерской документации, которая в материалах дела отсутствовала.

Судом обращено внимание на то обстоятельство, что суд не вправе самостоятельно исчислять долю неуплаченных процентов, устанавливать размер подлежащих к уплате налога, конкретная сумма неуплаченных налогов, ее расчет обусловлены примечанием к ст. 199 УК РФ.

При таком положении, при отсутствии обязательных признаков объективной стороны преступления, суд пришел к выводу о том, что в действиях подсудимого отсутствовал состав преступления, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, что явилось основанием к постановлению оправдательного приговора в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ [8].

В заключение необходимо сделать вывод о том, что, безусловно, факт уничтожения налоговой декларации или иных документов, представление которых, в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, не должен являться способом уклонения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений. На наш взгляд, решением данного противоречия является надлежащая работа налогового органа изначально, в связи с чем, по нашему мнению, еще при проведении камеральной проверки следует возложить на налоговые органы обязанность по истребованию необходимых документов, то есть предотвратить совершение налогового правонарушения.

Литература

1. Часть первая Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. 06.08.1998. №№ 148–149.
2. Письмо ФНС России от 24.12.2012 № СА-4-7/22020@ «О направлении Постановления Президиума ВАС РФ от 03.07.2012 № 2341/12» // Учет. Налоги. Право – Официальные документы. 5–11.02.2013. № 2341–12.
3. Лукогорский А.Н. Расследование преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ // Следствием установлено. 2018. № 1.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
5. Коровин Д.А. Производство судебной бухгалтерской экспертизы при отсутствии бухгалтерских документов. М.: АНО «Главсудэкспертиза», 2014.
6. Лукогорский А.Н. Расследование преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ // Следствием установлено. 2018. № 1.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24.12.2001 № 52 (часть I). Ст. 4921.
8. Архив Алтайского краевого суда Орла за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2021).

IMPROVING APPROACHES TO THE CONDUCT OF AN INVESTIGATION BY AN INVESTIGATOR OF A REPORT OF A TAX CRIME

Lavrova O.N., Selednikov N.V.

Moscow Regional Branch Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Tax crimes are difficult to investigate, which is associated with contradictory investigative and judicial practice, different approaches of experts to the methodology for calculating the amount of taxes payable and, therefore, an ambiguous approach to additional tax assessment by the tax authorities themselves.

The article shows that in Art. 108 of the Tax Code of the Russian Federation enshrines the fundamental constitutional principle of

the presumption of innocence, according to which a person is considered innocent of committing a tax offense until proven guilty in the manner prescribed by federal law. Law enforcement practice in criminal cases on tax crimes committed by destroying a tax declaration or other documents, the submission of which, in accordance with the legislation of the Russian Federation on taxes and fees, is mandatory, is one of the ways to evade criminal liability.

In connection with the foregoing, the authors analyzed this investigative situation, which develops during the verification of reports of crimes, and proposed possible ways to resolve problematic issues.

Keywords: tax crimes, verification of crime reports, investigator.

References

1. Part One of the Tax Code of the Russian Federation No. 146-FZ of July 31, 1998 (ed. of 02.07.2021) // Rossiyskaya Gazeta. 06.08.1998. №№ 148–149.
2. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 12/24/2012 No. CA-4-7/22020@ «On the direction of the Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07/03/2012 No. 2341/12» // Accounting. Taxes. Law – Official documents. 5–11.02.2013. No. 2341–12.
3. Lukogorsky A.N. Investigation of a crime under Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Investigation established. 2018. № 1.
4. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 01.07.2021) (with amendments and additions, intro. in force 01.12.2021) // collected legislation of the Russian Federation from 17.06.1996. No. 25. St. 2954.
5. Korovin D.A. forensic accounting expertise in the absence of accounting records. М.: АНО «Passwdexpired», 2014.
6. Luchegorsky A.N. The investigation of the crime provided by art 199.2 of the criminal code of the Russian Federation // the Result set. 2018. № 1.
7. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 01.07.2021, with amendments. dated 23.09.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation dated 24.12.2001 No. 52 (Part I). Article 4921.
8. Archive of the Altai Regional Court of the Eagle for 2016 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://sudact.ru> (accessed: 02.12.2021).

Практика расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с отчуждением активов кредитной организации

Лапин Вячеслав Олегович,

кандидат юридических наук, доцент, Академия управления МВД России, начальник отдела научно-исследовательского центра
E-mail: lapin78@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены вопросы расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с отчуждением активов кредитных организаций, являющиеся приоритетной задачей правоохранительных органов по снижению рисков вовлечения кредитных организаций и их должностных лиц в преступную деятельность. Определены факторы, которые негативно влияют на ход и результаты расследования по делу. Проанализирована современная следственная и судебная практика расследования уголовных дел рассматриваемой категории, приведены примеры положительного опыта расследования. На основании проведенного исследования сформулированы практические рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности следователя по расследованию преступлений, связанных с отчуждением активов кредитных организаций.

Ключевые слова: расследование преступлений, органы предварительного следствия, кредитная организация, Банк России, кредитно-финансовая сфера.

Кредитно-финансовая сфера выступает объектом пристального внимания организованных групп и преступных сообществ, поскольку именно в этой сфере сконцентрированы финансовые ресурсы государства и значительного числа субъектов предпринимательской деятельности.

На протяжении многих лет наибольшее количество преступлений экономической направленности совершается в кредитно-финансовой сфере. Только в 2020 году их совершено около 30 тыс., из них почти каждое второе (44%) в организованных формах, причинив ущерб гражданам, организациям и государству на сумму более 100 млрд рублей. Лидерами по количеству зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории выступают Центральный и Приволжский федеральные округа, при этом традиционно особое место отводится российским финансовым центрам – г. Москва и г. Санкт-Петербург.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации «одной из угроз национальной безопасности в области экономики является высокий уровень преступности в экономической сфере, в том числе в кредитно-финансовой» [15].

Среди преступлений в кредитно-финансовой сфере особого внимания требуют преступления, связанные с отчуждением активов из кредитных организаций, совершенные, как правило, руководством указанных организаций в преддверии отзыва лицензии Банком России и последующего банкротства.

По состоянию на 01.12.2021 в банковской системе функционирует 370 кредитных организаций, в том числе 335 банков и 35 небанковских кредитных организаций. Около 60% кредитных организаций расположены в центральном федеральном округе Российской Федерации (210), в том числе в г. Москве (189)[9].

За 9 месяцев 2021 года Банком России отозваны лицензии у 33 банков, а за период с 2014 по 2020 годы отозваны лицензии у более чем 433 банков.

Повышенное внимание к рассматриваемой категории уголовных дел обусловлено причинением материального ущерба большому количеству физических, юридических лиц и государственных структур, исчисляемого миллионами и миллиардами рублей. Такие преступления сопровождаются последующей легализацией похищенного, в том числе за рубежом. И, как правило, имеют большой общественный резонанс. Кроме того, реализация преступных схем в подавляющем боль-

шинстве возможна только с участием специального субъекта – руководителя (собственника, конкурсного управляющего) кредитно-финансовой организации, которому подконтрольны все имущество организации и операции с ним.

Подавляющая часть преступлений рассматриваемой категории квалифицируется по статьям 159, 160, 172.1, 172.2, 174, 174.1, 196, 201 УК РФ, реже по статьям 176, 177, 195, 197 УК РФ. В целях сокрытия события преступления и исключения выявления его признаков в рамках банковского надзора преступники прибегают к искажению финансовой отчетности.

Эффективность расследования рассматриваемой категории преступлений, несмотря на незначительное улучшение этого показателя, по-прежнему невысока. Как отмечено в решении коллегии МВД России «О проблемах выявления и раскрытия преступлений в финансово-кредитной сфере»: «ожидаемый рост повышения эффективности противодействия преступлениям в финансово-кредитной сфере не произошел» [14].

Анализ следственной практики и проблемных вопросов, возникающих при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории, свидетельствует о несвоевременном предоставлении регулятором информации о признаках возникновения криминальной ситуации в кредитной организации.

Министр внутренних дел Российской Федерации обратил внимание на указанную проблему и отметил, что: «Широкое распространение, в частности, получили хищения денежных средств банков и их клиентов, в том числе работниками самих кредитных организаций либо при их участии. Зачастую это приводит к отзыву лицензий и последующему банкротству учреждения, что негативно отражается на интересах вкладчиков и в целом на финансовом рынке. К сожалению, оперативное выявление и предотвращение подобных фактов затруднено из-за несвоевременного и неполного получения соответствующей информации из Банка России, в том числе о результатах контрольно-надзорной деятельности» [7].

Отмеченное обстоятельство формирует комплекс проблем, которые приходится преодолевать следователю в процессе расследования по делу:

- невозможность проведения оперативно-розыскных мероприятий в стадии реализации злоумышленниками активных преступных действий по отчуждению активов кредитной организации, фальсификации документации и иных действий по совершению и сокрытию следов преступлений, в отсутствие упреждающего информирования регулятором органов внутренних дел;
- длительный период времени, прошедший от момента совершения до момента выявления признаков преступления; завуалированный характер преступлений, обусловленный, прежде всего, причастностью к их совершению руко-

водства и сотрудников кредитной организации; длительные сроки доследственных проверок;

- сложность в получении всего объема финансовой документации кредитной организации и длительные сроки её подготовки представителями Банка России и Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК «АСВ») (приводит к затягиванию сроков производства финансово-аналитических и других экономических судебных экспертиз, заключения которых являются основными доказательствами по уголовному делу);
- длительные сроки представления актов проверок кредитных организаций, проведенных Банком России или ГК «АСВ»;
- сложность и длительные сроки производства судебных бухгалтерских и финансово-аналитических экспертиз;
- не установление имущества, подлежащего аресту в счет обеспечения возмещения причиненного ущерба;
- уклонение от ответственности ключевых фигурантов по делу путем заблаговременного их выезда за рубеж [1, С. 6–7].

С научной точки зрения вопросы выявления и расследования преступлений в финансово-кредитной сфере предметно изучены в работах Даниловой А.Н. [8], Шмониной А.В. [16], Васильевой М.В. [5], Басханова Р.Р. [4], Отряхина В.И. [13], Волынского А.Ф., Прорвича В.А. [12] и ряд других авторов. Вместе с тем, в последние годы вопросы расследования преступлений рассматриваемой категории не становились предметом монографических работ и анализировались преимущественно на ведомственном уровне.

В связи с тем, что следственная практика и опыт организации расследования формируется неравномерно, а в отдельных субъектах Российской Федерации вообще еще не сталкивались с расследованием подобных сложных дел, рассмотрим типичные способы совершения «манипуляций» с активами кредитных организаций [6]. Как правило, преступные схемы базируются преимущественно на следующих сделках: продажа имущества (векселей и др.) по заниженной/завышенной цене; выдача заведомо безвозвратного («технического») кредита; переуступка прав требования; оформление договоров на несуществующих лиц; оформление договоров на реальных лиц без ведома последних; заключение иных мнимых сделок и др.

Примером выдачи технических кредитов является уголовное дело № 12001630023000141, возбужденное 03.06.2020 ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области по ч. 4 ст. 159 УК РФ, в отношении неустановленных лиц, совершивших хищение денежных средств АО «НВ», предоставленных в виде кредитов в адрес организаций «В», «Ф», и «М», не осуществляющих финансово-хозяйственной деятельности и не исполнивших обязательства по кредитным договорам. В результате банку причинен ущерб в размере 339 млн рублей.

Типовая преступная схема отчуждения активов кредитной организации через оформление «технических» кредитов, как правило, включает реализацию следующих действий:

- приискание юридических лиц, не осуществлявших реальной финансово-хозяйственной деятельности либо осуществлявших ее в объемах и размерах, не сопоставимых с финансированием Банком, а также физических лиц с целью последующего оформления на них заведомо невозвратных кредитов;
- получение над приисканными организациями контроля;
- подготовку и подачу в Банк от имени подконтрольных организаций и физических лиц документов, необходимых для предоставления кредитов и кредитных линий;
- обеспечение принятия положительных решений о выдаче кредитов кредитным комитетом, правлением и советом директоров Банка;
- подготовку и подписание генеральными директорами и представителями указанных организаций, а также физическими лицами кредитных договоров, договоров о предоставлении кредитных линий и иных необходимых документов;
- перечисление на основании данных договоров денежных средств на расчетные счета подконтрольных соучастникам организаций;
- создание видимости обслуживания кредитов и счетов клиентов Банка путем совершения уплаты процентов или части основного долга по кредитам и выдачи процентов по вкладам;
- выдачу наличных денежных средств под видом предоставления физическим лицам (организациям) кредитов без намерения их последующего возврата;
- предоставление клиентам Банка – физическим лицам недостоверной информации о состоянии их счетов, в целях вуалирования преступной деятельности;
- создание видимости соблюдения нормативов Центрального банка России путем внесения в предусмотренные соответствующими положениями документы заведомо недостоверной информации;
- распределение полученного преступного дохода между соучастниками и другими лицами [10, с. 136].

Практика проведения доследственной проверки по таким материалам свидетельствует о вынесении неоднократных решений об отказе в возбуждении уголовного дела и их последующей отмены. Процесс документирования обстоятельств, достаточных для возбуждения уголовного дела, длительный, поскольку имеет трехступенчатую систему.

На первом этапе Банк России по результатам проводимых проверок выявляет нарушения и при наличии оснований для отзыва лицензии Банком России формируется временная администрация, которая на основе анализа финансового состоя-

ния кредитной организации может предварительно установить наличие признаков преднамеренного банкротства.

Участие ГК «АСВ» на втором этапе нацелено на выявление признаков экономических преступлений с последующим направлением результатов в правоохранительные органы. При этом, не имея полномочий правоохранительного органа, ГК «АСВ» не все операции может проверить в целях установления всех обстоятельств преступления и степени причастности руководства и собственников банка.

И только после этого, у правоохранительных органов появляется возможность в полной мере провести процессуальную проверку по заявленному Банком России и ГК «АСВ» факту преступления и возбудить уголовное дело.

Кроме того, затяжной характер доследственных проверок обусловлен необходимостью выполнения значительного объема следственных и процессуальных действий, в том числе судебных экспертиз, недостаточным взаимодействием с Банком России, ГК «АСВ» и завуалированностью действий фигурантов под гражданско-правовые сделки.

Существующие трудности в установлении криминального характера гражданско-правовых сделок можно продемонстрировать на примере доследственной проверки ГСУ МВД по Республике Башкортостан по заявлению заместителя генерального директора ГК «АСВ» в отношении исполняющего обязанности председателя правления ОАО «АФ Банк» Н., в действиях которого ГК «АСВ» усмотрела признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 УК РФ и ст. 196 УК РФ.

Несмотря на выводы ГК «АСВ», следователи не смогли установить достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160, ч. 2 ст. 201, ст. 196 УК РФ. В ходе доследственной проверки лишь установлено, что в период с 01.04.2012 по 01.09.2013 признаки несостоятельности (банкротства) в ОАО «АФ Банк» отсутствовали, а проведенный ГК «АСВ» анализ, показал, что ухудшение его финансового положения в период с 01.09.2013 по 17.04.2014 (дата отзыва лицензии) произошло в результате совершённых действий по приобретению в сентябре 2013 года векселей ООО «Ф» и ООО «Т» за счёт остатка денежных средств, находящихся на брокерских счетах.

По материалу проверки неоднократно принимались решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием в его действиях состава преступления).

Среди обстоятельств организационного характера, усложняющих производство по уголовному делу, также следует выделить: большое количество участников уголовного дела (обвиняемых, потерпевших, свидетелей в разных регионах страны и за её пределами), необходимость производства значительного количества следственных дей-

ствий, а также исполнения международных поручений о производстве следственных и иных процессуальных действий.

В правовом аспекте сложность уголовных дел заключается в необходимости юридической оценки действий фигурантов с учетом положений уголовного, гражданского, корпоративного, банковского, страхового законодательства. Трудности возникают в доказывании умысла руководителей (собственников) и способа преступления, квалификации преступного деяния, правильности формулировки предъявляемого обвинения, составлении процессуальных документов. И допускаемые нарушения в ряде случаев становятся причинами возвращения судами уголовных дел прокурору для устранения допущенных нарушений, что неминуемо влечет нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства.

В рамках расследования преступлений рассматриваемой категории со стороны обвиняемых и связанных с ними лицами, как правило, оказывается активное противодействие, в том числе путем совершения следующих действий: маскировки преступления под гражданско-правовые сделки; внесения недостоверных сведений в отчетность кредитной организации, ведение двойной бухгалтерии; производства фиктивной оплаты по кредитным обязательствам; формирования «технической» ссудной задолженности, фиктивных обязательств; выдачи новых кредитов для погашения задолженности по ранее выданным кредитам, использованных для вывода денежных средств; преднамеренного банкротства.

В ходе анализа решений судов по данной категории уголовных дел выявлены недостатки, допущенные на предварительном следствии, в том числе повлекшие возвращение уголовного дела для дополнительного расследования[2].

Особое внимание суды обращают на обстоятельства, которые свидетельствуют о преступном умысле ключевых участников преступления из числа руководителей кредитной организации, причинно-следственной связи между их действиями и наступившими последствиями.

В качестве положительного примера расследования следует привести уголовное дело № 11801450008000225, возбужденное 28.03.2018 по ч. 4 ст. 159 УК РФ и находившееся в производстве СУ УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве. Из материалов уголовного дела следует, что обвиняемый Ч., являясь председателем правления банка «НС», под видом выдачи кредитов получил в кассе денежные средства в размере 363 млн рублей и впоследствии похитил указанные денежные средства. О преступном умысле, по мнению суда, свидетельствует то, что председатель банка Ч. подготовил необходимые для получения кредитов документы с внесением в них ложных сведений и подделкой подписей, принял меры для одобрения кредитным комитетом данных сделок и их согласования[3].

Также о преступном умысле, направленном на хищение денежных средств, могут свидетельствовать продуманные и спланированные действия руководителей, например такие, как заключение накануне отзыва лицензии договора цессии с юридическим лицом, возглавляемым номинальным директором и не ведущим хозяйственной деятельности, то есть отсутствие намерений по взысканию кредиторской задолженности с заемщиков, и получение по договору цессии неликвидных ценных бумаг.

Проведенный анализ практики расследования уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории, позволяет высказать ряд рекомендаций, реализация которых, по нашему мнению, положительно повлияет на повышение эффективности деятельности следователя по расследованию преступлений, совершенных руководителями кредитных организаций.

Так, при поступлении в следственное подразделение материалов по заявлениям Банка России и ГК «АСВ» необходимо в полной мере реализовывать полномочия, предусмотренные пп. 2, 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, в том числе в части истребования финансово-хозяйственных документов, проведения судебных бухгалтерских, финансово-аналитических, экономических, оценочных экспертиз (исследований), документальных проверок, ревизий, необходимых для установления фактов и размера причиненного материального ущерба; истребования документов, регламентирующих деятельность индивидуальных предпринимателей, учреждений, предприятий, организаций и их сотрудников для установления факта противоправности действий данных лиц; проведения экспертиз (исследований) для установления фиктивности документов, отражающих результаты финансово-хозяйственной деятельности.

Проводить совместные совещания с участием оперативных служб по вопросу организации доследственной проверки, на которых согласовывать алгоритм совместных действий. В случае установления признаков преступления по материалу проверки, обеспечить подготовку следователем совместно с сотрудниками оперативной службы, проводившим проверку, до принятия решения о возбуждении уголовного дела, плана первоначальных следственных действий, в котором должны быть отражены: меры по изъятию документов первичной документации финансовой деятельности лица или организации; меры по обеспечению возмещения причиненного материального ущерба; меры, направленные на установление местонахождения и проведение неотложных следственных действий со значимыми для доказывания лицами по уголовному делу.

При рассмотрении сообщений о преступлениях, а также расследовании уголовных дел рекомендуется использовать возможности НЦБ Интерпола МВД России и Росфинмониторинга. В случае необходимости обеспечить своевременное направление запросов.

Поручать расследование уголовных дел следователям, имеющим достаточный опыт работы, специализирующимся на расследовании уголовных дел в сфере экономической деятельности. Исключить факты необоснованной передачи уголовных дел от одного следователя к другому. По наиболее масштабным случаям отчуждения активов кредитных организаций – создавать следственные и следственно-оперативные группы в целях активизации работы по делу.

На постоянной основе проводить совместные занятия по вопросам повышения эффективности взаимодействия органов внутренних дел с территориальными подразделениями Росфинмониторинга и территориальными учреждениями Банка России.

Уделять приоритетное внимание сбору доказательств вины обвиняемых, способа совершения преступления и его сокрытия, в частности устанавливать конкретные сделки, операции и действия, совершенные в целях хищения активов кредитной организации.

При составлении обвинения необходимо: конкретизировать преступные действия обвиняемого и соучастников; описывать конкретные действия соучастников без указания личных данных, если уголовное дело в отношении них не планируется направлять в суд; указывать процессуальное решение, принятое в отношении соучастников; указывать место преступления (окончания преступления) с учетом особенности совершения преступления в банковском секторе.

При квалификации преступлений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группой: по уголовным делам, по которым признаки специального субъекта установлены только у одного фигуранта, не допускать квалификацию преступления как совершенного «группой лиц по предварительному сговору»; по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованной группой, наиболее полно собирать доказательственную базу, свидетельствующую об ее устойчивости, преступной цели создания, продолжительном существовании одним составом, распределении ролей между участниками группы в соответствии с заранее разработанным планом и т.д.

Изучить и руководствоваться в практической деятельности методикой экспертного исследования финансового состояния коммерческого банка и операций, повлекших его ухудшение [11], подготовленной ЭКЦ МВД России. Это позволит следователям более детально вникнуть в особенности назначения и производства финансово-аналитических и кредитно-финансовых судебных экспертиз и тем самым сократить количество ошибок в процессе постановки вопросов эксперту и срока производства по делу в целом.

Учитывая преимущественно групповой характер преступлений рассматриваемой категории, а также сложившуюся следственную практику, необходимо активизировать работу следовате-

лей с подозреваемыми (обвиняемыми) на предмет возможного заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). При осуществлении работы в данном направлении акцентировать внимание на лицах из числа руководителей и сотрудников кредитных организаций, поскольку последние в наибольшей степени владеют информацией как о способах преступления, так и о конечных бенефициарах, движении денежных средств, незаконно выведенных из кредитной организации.

Обеспечить проведение детального анализа принятых мер, направленных на возмещение ущерба, причиненного преступлениями, и давать принципиальную оценку эффективности организации совместной работы органов предварительного следствия с оперативно-розыскными и экспертно-криминалистическими подразделениями по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономики. Уделять особое внимание полноте и значимости представляемой органом дознания информации по установлению местонахождения похищенного имущества, полученной в ходе проведения доследственной проверки и оперативного сопровождения по возбужденным уголовным делам, количеству и результативности проведенных обысков по оперативной информации органа дознания, качеству отработки в ходе доследственной проверки родственников обвиняемых (подозреваемых) и их ближнего окружения, на которых с целью сокрытия могло быть переоформлено похищенное имущество, для принятия в дальнейшем процессуальных мер в порядке статьи 115 УПК РФ. При наличии сведений об имеющихся у подозреваемых (обвиняемых) активах за рубежом направлять в МРУ Росфинмониторинга по федеральным округам.

В завершении отметим, что рассмотренные примеры следственной и судебной практики, а также предложенные рекомендации по повышению эффективности расследования преступлений рассматриваемой категории позволят следователям грамотно организовать работу по уголовному делу, в том числе установлению всех причастных к отчуждению активов кредитной организации лиц и обеспечению наиболее полного возмещения материального ущерба, причиненного кредиторам.

Литература

1. Аналитический обзор «Практика расследования преступлений, совершенных в кредитно-финансовой сфере», в котором проанализирована практика расследования уголовных дел, возбужденных по заявлениям ГК «АСВ» и Банка России, а также выработаны меры по совершенствованию межведомственного взаимодействия (письмо Следственного департамента МВД России от 29.03.2019 № 17/3–10090).
2. Анучина О.В. Типичные нарушения, допущенные следователями по направленным в суд уголовным делам, возбужденным по заявле-

- ниям Банка России и Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» // Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «62-е криминалистические чтения» «Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации» (Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. – М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 322–330.
3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 10 июня 2020 года по делу № 01–0234/2019. ГАС РФ «Правосудие» интернет-портал. URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
 4. Басханов Р.Р. Планирование расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
 5. Васильева М.В. Особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в процессе банкротства кредитных организаций: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2008.
 6. Выводы и предложения, изложенные в настоящей статье, базируются на результатах научно-исследовательских работ, посвященных вопросам организации расследования уголовных дел, возбужденных по заявлениям Банка России и государственной корпорации «Агентство страхования вкладов», проведенных автором статьи по заявкам Следственного департамента МВД России в рамках Планов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на 2019 и 2020 годы соответственно.
 7. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/19639152> (дата обращения: 10.01.2022).
 8. Данилова Н.А. Методика расследования преступлений в сфере банковской деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006.
 9. Количественные характеристики действующих кредитных организаций. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (дата обращения 10.01.2022).
 10. Лапин В.О. Практика расследования уголовных дел, возбужденных по заявлениям Банка России и государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 136.
 11. Методика экспертного исследования финансового состояния коммерческого банка и операций, повлекших его ухудшение. – М.: ЭКЦ МВД России, 2019.
 12. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений: учебно-методическое пособие / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. М.: Издательство «Спутник+», 2016.
 13. Отряхин В.И. Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
 14. Приказ МВД России от 4 июля 2019 года № 447 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 2км/2» // СПС «СТРАС-Юрист» (дата обращения: 10.01.2022).
 15. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.01.2022).
 16. Шмонин А.В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2007.

PRACTICE OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES ON CRIMES RELATED TO THE ALIENATION OF ASSETS OF A CREDIT ORGANIZATION

Lapin V.O.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

This article examines the issues of investigating criminal cases on crimes related to the alienation of assets of credit institutions, which are a priority task of law enforcement agencies to reduce the risks of involving credit institutions and their officials in criminal activities. The factors that negatively affect the course and results of the investigation of the case have been identified. The modern investigative and judicial practice of investigating criminal cases of this category is analyzed, examples of positive experience of investigation are given. On the basis of the study, practical recommendations were formulated aimed at increasing the efficiency of the investigator's activities in investigating crimes related to the alienation of assets of credit institutions.

Keywords: crime investigation, preliminary investigation bodies, credit institution, Bank of Russia, credit and financial sphere.

References:

1. Analytical review «The practice of investigating crimes committed in the credit and financial sphere», which analyzes the practice of investigating criminal cases initiated by the statements of the SC «ASV» and the Bank of Russia, and also developed measures to improve interagency cooperation (letter from the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 № 17/3–10090).
2. Anuchina O.V. Typical violations committed by investigators in criminal cases brought to court initiated by the Bank of Russia and the State Corporation «Deposit Insurance Agency» // Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference «62nd forensic readings» investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation» (Moscow, May 21, 2021) / ed. Yu.V. Gavrilina, Yu.V. Shpagina. – М.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 322–330.
3. The appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court dated June 10, 2020 in case № 01–0234 / 2019. GAS RF «Justice» Internet portal. URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (date of access: 10.01.2022).

4. Baskhanov R.R. Planning the investigation of crimes committed in the financial and credit system: dis. ... cand. jurid. sciences. – M., 2013.
5. Vasilyeva M.V. Features of identification, disclosure and investigation of crimes committed in the process of bankruptcy of credit institutions: dis. ... cand. jurid. sciences. – Irkutsk, 2008.
6. The conclusions and proposals set out in this article are based on the results of research work devoted to the organization of the investigation of criminal cases initiated by the statements of the Bank of Russia and the State Corporation «Deposit Insurance Agency», carried out by the author of the article at the request of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in within the framework of the Plans for scientific support of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2019 and 2020, respectively.
7. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation at an expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Official site of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/19639152> (date accessed: 10.01.2022).
8. Danilova N.A. Methods for investigating crimes in the field of banking: theory and practice: dis. ... doct. jurid. sciences. – St. Petersburg, 2006.
9. Quantitative characteristics of operating credit institutions. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (date of access 01.01.2022).
10. Lapin V.O. The practice of investigating criminal cases initiated by the statements of the Bank of Russia and the state corporation «Deposit Insurance Agency» // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № . 1 (57). P. 136.
11. Methodology for expert research of the financial condition of a commercial bank and operations that led to its deterioration. – M.: EKTs Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.
12. Organization and methods of investigation of certain types of economic crimes: teaching aid / Ed. A.I. Bastrykina, A.F. Volynsky, V.A. Pristvich. M .: Publishing house «Sputnik +», 2016.
13. Otryakhin V.I. Technique for the investigation of embezzlement in the field of banking: dis. ... cand. jurid. sciences. – M., 2001.
14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 4, 2019 № 447 «On the announcement of the decision of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 2km / 2 dated April 29, 2019» // SPS «STRAS-Jurist» (date of access: 10.01.2022).
15. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus» (date of access: 10.01.2022).
16. Shmonin A.V. General provisions of the methodology for the investigation of crimes committed with the use of banking technologies: dis. ... doct. jurid. sciences. – M., 2007.

Совершенствование определения потерпевшего в конструкции квалифицирующих составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ

Фазлиев Амир Азатович,

доцент отдела дознания отдела полиции № 10
«Промышленный» Управления МВД России по г. Казани
E-mail: fazliev.amir@rambler.ru

Статья посвящена анализу некоторых признаков потерпевшего-спортсмена в рамках возможности расширения конструкции квалифицирующих составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ. Автором исследованы понятия и признаки потерпевшего-спортсмена, закрепленные в различных правовых источниках международного и национального уровней. В работе определены основные признаки потерпевшего – возраст спортсмена и наличие у него заболеваний. Аргументирована возможность использования дополнительных признаков потерпевшего-спортсмена при совершенствовании квалифицирующих составов рассматриваемых преступлений. Общеметодологическую основу исследования составляет диалектико-материалистический метод познания и основанные на нем общенаучные и частные методы исследования, в частности, анализ, синтез, логико-юридический, сравнительно-правовой и др. В результате исследования были получены следующие выводы: произведен законодательный анализ понятия «спортсмен»; рассмотрены особенности несовершеннолетних и малолетних спортсменов, а также спортсменов с ограниченными возможностями; сформулированы авторские предложения по изменению конструкции квалифицирующих составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ.

Ключевые слова: потерпевший, спортсмен, преступление, нарушение антидопинговых правил, возраст, спортсмен с ограниченными возможностями.

Одной из форм развития спорта и физической культуры служит организация и проведение спортивных соревнований разного уровня на территории Российской Федерации. Значимость и зрелищность такого рода мероприятий, с одной стороны, пропагандирует здоровый образ жизни, необходимость укрепления здоровья и реализует иные задачи спорта, а с другой – детерминирует появление дестабилизирующих спорт факторов, в том числе и нарушающих антидопинговые правила.

Растущая тенденция по криминализации действий, посягающих на спортивные отношения в России, представляет собой фундаментальное межотраслевое направление в уголовном праве.

В последнее время феномен допинга в российском спорте занимает ключевую позицию в современной преступности. Этот фактор находит подтверждение в количестве выявленных допинговых нарушениях среди спортсменов и его персонала, в многочисленных резонансных сообщениях о массовых нарушениях антидопинговых правил в открытой сети, и в проблемах антидопингового обеспечения соответствующих подразделений на территории России.

Так, в 2016 году в России были криминализованы действия по склонению спортсмена к использованию (ст. 230.1 УК РФ [1]) и использованию в отношении него допинга (ст. 230.2 УК РФ) [2]. Данный законодательный шаг обусловил появление некоторых проблем законодательного, обеспечительного и иного характера. Новые виды преступных действий требуют более тщательного изучения признаков составов преступлений и выработки механизмов их совершенствования.

В ходе анализа составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ, мы можем наблюдать, что рассматриваемые преступные действия направлены на особый вид потерпевшего, как спортсмены. Определение «спортсмен» в УК России не раскрывается, в связи с этим необходимо обратиться к иным нормативным правовым актам, регламентирующим антидопинговую сферу.

Понятие «спортсмен» встречается в международных и национальных правовых источниках.

В круг международных актов входят: Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте [3] (далее – Конвенция ЮНЕСКО), Конвенция против применения допинга ETS № 135 [4] (далее – Конвенция ETS), Всемирный антидопинговый кодекс Всемирного антидопингового агентства [5] (далее – Кодекс ВАДА).

Согласно Конвенции ЮНЕСКО выделяются три дефиниции «спортсмен»:

- для целей допинг-контроля – а) любое лицо, занимающееся спортом на международном или национальном уровне как определяет национальная антидопинговая организация и признает государство-участник, б) любое другое лицо, занимающееся спортом или участвующее в спортивном мероприятии (далее – СМ) более низкого уровня в случае признание государством-участником;
- для целей программ образования и подготовки – любое лицо, занимающееся спортом под эгидой какой-либо спортивной организации.

Как мы уже отмечали, определение «спортсмен» содержится и в Конвенции ЕТС. Под спортсменами понимают «лицо обоих полов, обычно принимающих участие в организованных СМ».

Весьма оригинально сформулировано понятие «спортсмен» в Кодексе ВАДА. Более того, в Кодексе ВАДА имеется несколько разновидностей определений «спортсмен». Лица, занимающиеся спортом, относятся к одной из пяти категорий: 1) спортсмен международного уровня; 2) спортсмен национального уровня; 3) лица, которые не являются спортсменами международного или национального уровня, но находятся под юрисдикцией международной федерации или национальной антидопинговой организации; 4) спортсмен-любитель; 5) спортсмен (для целей проведения образовательных и информационных программ, а также для целей статей 2.8 и 2.9 Кодекса ВАДА).

Спортсмены международного уровня (далее – СМУ) и спортсмены национального уровня (далее – СНУ) определяются как спортсмены, выступающие соответственно на международных и национальных СМ согласно Международному стандарту по тестированию и расследованиям [6] (далее – МСТР). В соответствии с МСТР международная федерация вправе самостоятельно определять критерии, которые она будет использовать для классификации спортсменов в качестве СМУ, например, в соответствии с рейтингом, типом лицензии, в зависимости от того, участвует ли спортсмен в конкретных международных СМ и т.д. Однако эти критерии должны быть опубликованы в четкой и доступной форме, чтобы спортсмены легко могли определить, являются ли они СМУ. Например, если одним из критериев является участие в конкретных международных СМ, то международная федерация должна опубликовать список указанных международных СМ.

К лицам, которые не являются СМУ или СНУ, но находятся под юрисдикцией международной федерации или национальной антидопинговой организации, следует признавать лиц, на которых антидопинговая организация распространяет определение «спортсмен». Действия антидопинговой организации в отношении такого рода лиц ограничены, это касается количество тестирования, спектра анализа проб, частота предоставления информации о местонахождении и т.д.

Спортсменом-любителем является физическое лицо, признанное таковым национальной антидопинговой организацией и оно на протяжении последних пяти лет: 1) не являлся СМУ или СНУ, 2) не предоставлял любую страну на международном СМ в открытой категории, и 3) не был включен в регистрируемый пул тестирования антидопинговой организации.

В Кодексе ВАДА существует широкое понятие «спортсмен» применительно к целям проведения образовательных и информационных программ, а также для целей статей 2.8 и 2.9 Кодекса ВАДА. Под ним понимается «спортсмен, который находится под юрисдикцией любого государства, правительства или другой спортивной организации и ратифицировал Кодекс ВАДА».

Среди национальных правовых источников определение «спортсмен» встречается в таких документах, как: в Федеральном законе РФ № 329-ФЗ от 04.12.2007 года «О физической культуре и спорте в РФ» [7] (далее – ФЗ № 329), в Трудовом кодексе РФ [8] (далее – ТК РФ), в постановлении Пленума Верховного Суда России от 24.11.2015 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» [9] (далее – ППВС № 52), в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15.08.2011 года № 916н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта»» [10] (далее – ПрМЗ № 916н), в Общероссийских антидопинговых правилах [11] (далее – ОАП).

В ФЗ № 329 имеется два понятия «спортсмен»: а) спортсмен; б) спортсмен высокого класса. Так, под спортсменом следует понимать «физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях (далее – СпСр)». А спортсмен высокого класса дополнительно включает такие признаки, как наличие спортивного звания [12] и цели (достижения высоких спортивных результатов).

В ТК РФ и ППВС № 52 применительно к трудовым отношениям дается понятие «спортсмен», под которым понимается «работник, трудовая функция которого состоит в подготовке к СпСр и участии в СпСр по определенному виду или видам спорта». Также в указанных источниках раскрывается определение «работник», который, являясь стороной трудовых отношений, вступил в трудовые отношения с работодателем.

Примечательно, но в ПрМЗ № 916н отдельного понятия «спортсмен» отсутствует, но в нем содержится квалификационные характеристики спортсмена (описание должностных обязанностей, перечень положений, которые он должен знать, требования к квалификации). В основном деятельность спортсмена связана с тренировочными и соревновательными процессами. Кроме того, в ПрМЗ № 916н имеется квалификаци-

онные характеристики спортсмена-ведущего и спортсмена-инструктора, которые отличаются направленностью деятельности и возложением дополнительных обязанностей.

В ОАП понятие и классификация «спортсмен» в общем смысловом значении совпадает с определением, содержащегося в Кодексе ВАДА, но в ОАП имеются конкретизирующие пояснения применительно к общим понятиям.

Из представленных определений, в понятие «спортсмен», в основном, включаются два обязательных признака: занятие спортом и участие в СпСр. Данную позицию, на наш взгляд, следует учитывать при определении потерпевшего применительно к преступлениям, предусмотренного статьями 230.1–230.2 УК РФ.

Среди квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного статьями 230.1–230.2 УК РФ, учитывающие критерии потерпевшего, имеется только один вид состава преступления, который учитывает возраст спортсмена. В пункте «б» части 2 статьи 230.1 УК РФ криминализовано деяние, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена.

Следует отметить, что лицо считается несовершеннолетним до достижения им 18 лет. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда России от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [13] (далее – ППВС № 1) лицо считается достигшим определенного возраста на следующий день по истечению дня его рождения. В случае невозможности установления возраста, тогда возраст устанавливается экспертами.

Однако мы считаем, что среди квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ, необходимо включить дополнительные составы, учитывающие критерии потерпевшего в качестве квалифицирующих признаков, т.к. законодатель, на наш взгляд, не в полной мере выявил разновидности потерпевших-спортсменов, которые находятся в менее защищенном положении перед действиями субъекта преступления.

Продолжая тему возраста потерпевшего-спортсмена, необходимо отметить, что совершение преступления в отношении спортсменов, не достигших возраста 14 лет (далее – малолетние спортсмены), несомненно, повышается характер и степень общественной опасности преступления. Тем самым, по нашему мнению, целесообразно разделить данные признаки потерпевшего, и включить их соответственно в квалифицированные и особо квалифицированные составы преступления, предусмотренные статьей 230.1 УК РФ. Подобные изменения следует предусмотреть и в статью 230.2 УК РФ.

Среди неучтенных признаков спортсмена, мы считаем выделить спортсменов с ограниченными возможностями (параспортсменов). Спортсме-

ны с ограниченными возможностями относятся к наиболее уязвимой группе, так как ввиду наличия у них заболевания либо физических и психических ограничений и недостатков они неспособны оказать должное сопротивление преступным действиям недобросовестных представителей тренерского и вспомогательного персонала спортсмена, а также не могут в полной мере осознавать направленность и значение совершаемых с ними действий. Действительно, совершение преступления в отношении потерпевших данной категории требует жесткого реагирования. В данном случае необходимо определиться с тем, какие спортсмены могут быть отнесены к параспортсменам.

Согласно Международным стандартам по допустимым поражениям [14] к спортсменам с ограниченными возможностями, которые имеют право участвовать в соревнованиях, относятся 10 категорий спортсменов со следующими заболеваниями: а) нарушение мышечной силы; б) нарушение пассивного диапазона движений; в) дефицит конечности; г) разная длина нижних конечностей; д) низкий рост; е) гипертонус; ж) атаксия; з) атетоз; и) нарушение зрения; к) интеллектуальное нарушение.

На основании этих категорий параспортсмены распределяются по специальным видам спорта.

Лица, имеющие иные заболевания, не могут участвовать на соревнованиях, т.к. данные заболевания не слишком серьезные либо из-за медицинских показаний им противопоказано заниматься тем или иным видом спорта.

Опыт закрепления уголовной ответственности за склонение к использованию допинга или использование допинга в отношении спортсменов с ограниченными возможностями имеется в Китае [15]. Указанные деяния в Китае относятся к категории средней тяжести, за их совершении в зависимости от вида преступного посягательства предусмотрено лишение свободы от трех до пяти лет.

На наш взгляд, положительный опыт Китая по установлению уголовной ответственности может быть использован и на территории России. Предлагаем, в квалифицированные составы преступлений, предусмотренные статьями 230.1–230.2 УК РФ, дополнить еще один вид состава преступления, криминализирующего действия в отношении спортсменов с ограниченными возможностями.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы:

1) Понятие «спортсмен» встречается в различных международных и национальных правовых источниках. При формулировании определения в основном используется два обязательных признака: а) занятие конкретным видом (видами) спорта; б) участие в соревновательной деятельности.

2) Среди квалифицирующих признаков составов преступления, предусматривающие ответственность за нарушение антидопинговых правил, которые учитывают различные крите-

рии потерпевшего-спортсмена, следует отметить единственную конструкцию состава преступления, предусмотренного статьей 230.1 УК РФ, а именно: п. «б» ч. 2 ст. 230.1 УК РФ. Данный вид состава преступления включает совершения преступного действия в отношении несовершеннолетнего спортсмена (спортсмена, не достигшего 18-летнего возраста). В остальных частях статьи 230.1 УК РФ и в статье 230.2 УК РФ упоминание о различных признаках потерпевшего не имеется.

Помимо несовершеннолетнего спортсмена, предлагается добавить квалифицирующий признак состава преступления, учитывающий малолетний возраст спортсмена (возраст до 14 лет). Тем самым, разделить составы преступлений, предусмотренные статьями 230.1–230.2 УК РФ, по признаку возраста спортсмена-потерпевшего и включить их соответственно в квалифицирующие и особо квалифицирующие составы преступлений.

3) Совершение преступлений в отношении спортсменов с ограниченными возможностями повышает характер и степень общественной опасности деяния. Параспортсмены, в основном, не способны оказать должное сопротивление преступным действиям, а также не могут в полной мере осознавать направленность и значение совершаемых с ними действий.

В связи с этим предлагается криминализовать действия, совершенные в отношении спортсменов с ограниченными возможностями, и включить в конструкцию квалифицированных составов преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): Федеральный закон от 22.11.2016 г. № 392-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 48 (ч. 1). Ст. 6732.
3. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Заключена в г. Париже 19.10.2005) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2835.
4. Конвенция против применения допинга ETS № 135 (Заключена в г. Страсбурге, 16 ноября 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 2. С. 14.
5. Всемирный антидопинговый кодекс 2003 года // URL: <http://rusada.ru/documents/the-wada-code/> (дата обращения: 02.01.2022).
6. Международный стандарт по тестированию и расследованиям (утв. Исполнительным комитетом ВАДА в 2003 г.) // URL: <https://rusada.ru/documents/kodeks-i-drugie-mezhdunarodnye-standarty-vada/> (дата обращения: 02.01.2022).

7. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
9. О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 г. № 52 // Российская газета. 2015. № 270.
10. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта»: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 15.08.2011 г. № 916н // Российская газета. 2011. № 260.
11. Общероссийские антидопинговые правила: Приказ Министерства спорта России от 24.06.2021 г. № 464 // URL: <https://base.garant.ru/401507914/> (дата обращения: 02.01.2022).
12. Об утверждении Положения о Единой всероссийской спортивной классификации: Приказ Министерства спорта России от 20.02.2018 г. № 108 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.01.2022).
13. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда России от 01.02.2011 г. № 1 // Российская газета. 2011. № 29.
14. Международный стандарт по допустимым поражениям (сентябрь 2016 года.) // URL: https://paralymp.ru/sport/sportsmen_classification/ (дата обращения: 02.01.2022).
15. Criminal Code of the Republic of China // URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=C0000001> (дата обращения: 02.01.2022).

IMPROVING THE DEFINITION OF THE VICTIM IN THE CONSTRUCTION OF QUALIFYING ELEMENTS OF CRIMES PROVIDED FOR BY ARTICLES 230.1–230.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Fazliev A.A.

Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the town of Kazan

The article is devoted to the analysis of some signs of a victim-athlete within the framework of the possibility of expanding the construction of qualifying corpus delicti provided for in Articles 230.1–230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author investigated the concepts and characteristics of a victim-athlete, enshrined in various legal sources at the international and national levels. The work identifies the main characteristics of an athlete. Additional signs of the victim are considered – the age of the athlete and the presence of diseases. The possibility of using additional signs of a victim-athlete in improving the qualifying elements of the crimes under consideration is argued. The general methodological basis of the research is the dialectical-materialistic method of cognition and

the general scientific and private research methods based on it, in particular, analysis, synthesis, logical-legal, comparative-legal, etc. “; the features of minors and young athletes, as well as athletes with disabilities are considered; the author’s proposals were formulated to change the design of the qualifying corpus delicti provided for in Articles 230.1–230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: victim, athlete, crime, anti-doping rule violation, age, athlete with disabilities.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. P. 2954.
2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of increasing liability for violation of anti-doping rules): Federal Law of 22.11.2016 № 392-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. № 48 (part I). P. 6732.
3. International Convention against Doping in Sport (Concluded in Paris on 19.10.2005) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. № 24. P. 2835.
4. Convention against the use of doping ETS № 135 (Concluded in Strasbourg, November 16, 1989) // Bulletin of international treaties. 2000. № 2. P. 14.
5. World Anti-Doping Code of 2003 // URL: <http://rusada.ru/documents/the-wada-code/> (date of access: 02.01.2022).
6. International Standard for Testing and Investigations (approved by the WADA Executive Committee in 2003) // URL: <https://rusada.ru/documents/kodeks-i-drugie-mezhdunarodnye-standarty-vada/> (date accessed: 02.01.2022).
7. On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law of 04.12.2007 № 329-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. № 50. P. 6242.
8. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FL // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). P. 3.
9. On the application by courts of legislation regulating the work of athletes and coaches: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.11.2015 № 52 // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 270.
10. On the approval of the Unified qualification reference book of positions of managers, specialists and employees, section “Qualification characteristics of positions of employees in the field of physical culture and sports”: Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 15.08.2011 № 916n // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 260.
11. All-Russian Anti-Doping Rules: Order of the Ministry of Sports of Russia of 24.06.2021 № 464 // URL: <https://base.garant.ru/401507914/> (date of access: 02.01.2022).
12. On the approval of the Regulations on the Unified All-Russian Sports Classification: Order of the Ministry of Sports of Russia of 02.20.2018 № 108 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 02.01.2022).
13. On judicial practice of the application of legislation governing the peculiarities of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russia of 01.02.2011 № 1 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 29.
14. International standard on permissible defeats (September 2016) // URL: https://paralymp.ru/sport/sportsmen_classification/ (date of access: 02.01.2022).
15. Criminal Code of the Republic of China // URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=C0000001> (date accessed: 02.01.2022).

Механизмы разрешения споров в международном космическом праве: сочетание публичного и частного

Киченина Виктория Сергеевна,

к.ю.н., доцент кафедры международно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной
академии
E-mail: vskichenina@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности разрешения споров в международном космическом праве с учетом возрастающего количества коммерческих лиц, участвующих в такой деятельности. Рассмотрены механизмы решения споров как между государствами, так и частными лицами. Исследованы особенности процедуры решения споров в рамках Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. Также проанализированы Правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью 2011 г. Рассмотрены особенности разрешения споров в рамках Проект Конвенции Ассоциации международного права об урегулировании споров в области космического права 1984 г. и обобщены варианты механизмов разрешения споров в сфере космической деятельности, в том числе такие, как возможность рассмотрения таких споров в Международном Суде ООН, так и создание специализированного суда при международной организации для разрешения коммерческих споров.

Ключевые слова: космическое право, спор, ответственность, государства, частные лица, коммерческий арбитраж, суд.

Космическая деятельность в последнее время все больше привлекает внимание коммерческих организаций. Согласно действующим нормам, государства несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве независимо, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, а также и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с нормами и принципами международного космического права [1]. В данной связи возникают вопросы, связанные с механизмами решения споров не только между государствами, но и между коммерческими организациями, а также между коммерческими организациями и государствами.

В рамках космической деятельности существуют разнообразные правоотношения, связанные не только с запуском и эксплуатации космических объектов, но и их разработкой, изготовлением, испытанием, а также оказанием иных связанных с космической деятельностью услуг[3].

С ростом числа негосударственных субъектов ожидается увеличение числа сложных трансграничных споров, связанных с космической деятельностью. Предметом таких споров могут быть, помимо прочего, несвоевременная поставка спутников, проблемы с запуском спутников, неисправные спутники на орбите, продажа и покупка спутников на орбите, аренда спутниковой емкости, право работать на определенных орбитальных позициях, аннулирование арендованного спектра и резервирование емкости для государственного использования[8].

Действующая Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.[4] (далее Конвенция об ответственности), содержит следующие механизмы урегулирования споров между государствами:

- требование о компенсации должно быть предъявлено запускаящему государству по дипломатическим каналам;
- если запрашивающее государство не поддерживает дипломатические отношения с запускаящим государством, оно может попросить другое государство начать дипломатический этап или может запросить это у Генерального секретаря ООН;

- претензия должна быть представлена не позднее, чем через год после даты причинения ущерба или идентификации запускающего государства;
- представление претензии не требует предварительного исчерпания каких-либо внутренних средств правовой защиты, что отличается от традиционного международного права. Однако ничто не мешает государству или его гражданам подавать жалобы властям и юрисдикции запускающего государства. Тем не менее, запрещено параллельное использование урегулирования спора, предусмотренного Конвенцией об ответственности;
- решение по претензиям должно быть принято в течение года после уведомления, в противном случае претензия должна перейти на следующий этап.

Если урегулирование претензии не достигнуто путем дипломатических переговоров, заинтересованные стороны создают по требованию любой из сторон Комиссию по рассмотрению претензий (далее – Комиссия):

- Комиссия состоит из трех членов;
- каждое государство должно выбрать одного члена, а третий, выполняющий функции председателя, выбирается государствами вместе. Если они не могут прийти к соглашению в течение четырех месяцев, государства могут обратиться к Генеральному секретарю ООН с просьбой назначить председателя в течение последующего двухмесячного периода;
- комиссия сама определяет свою процедуру, место или места, где она заседает, а также все другие административные вопросы.

Решение Комиссии является окончательным и обязательным, если об этом была достигнута договоренность между сторонами; в ином случае Комиссия выносит окончательное определение рекомендательного характера, которое стороны рассматривают в духе доброй воли. Комиссия излагает обоснование своего решения или определения.

Но данный механизм актуален для решения споров между государствами.

В 2011 году были разработаны Правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью [5] (далее – Правила), в которых были сформулированы новаторские решения, связанные с возможностью решения споров между частными лицами.

Правила были приняты в целях устранения пробелов в существующих механизмах разрешения споров в международном космическом праве, а также, для того, чтобы служить средством добровольного и обязательного разрешения споров с учетом уникальности этой сферы деятельности.

Данные Правила основаны на Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ 2010 г., которые представляют собой устоявшиеся процессуальные правила, обычно используемые сторонами в международном арбитраже. Во введении к Правилам отмечается, что они отражают особые характеристики

споров, имеющих космический компонент, включающий использование космического пространства государствами, международными организациями и частными субъектами и элемент международного публичного права, относящийся к спорам[6].

Правила отличаются гибкостью в отношении применимого права и разработаны так, чтобы реалистично уравнивать различные элементы и затрагиваемые интересы. Важно отметить, что Правила предназначены для специального арбитража.

При разработке правил были учтены следующие важные моменты:

- конкретные особенности споров, касающихся космического пространства;
- предоставление сторонам свободы выбора третейского суда в составе одного, трех или пяти человек;
- обеспечение возможности составления специального списка арбитров, о котором упоминается в ст. 10 и списка научных и технических экспертов, о которых говорится в ст. 29 Правил;
- предложение возможных вариантов разработки процедур обеспечения конфиденциальности;
- существует свобода выбора места арбитража (ст. 18) и используемого языка (ст. 19).
- все решения должны быть сделаны в письменной форме и являются окончательными и обязательными для сторон. Стороны должны выполнить все решения без промедления (ст. 34).

Таким образом, можно выделить два основных механизма решения споров существующие на сегодняшний день. Они определены Конвенцией об ответственности и Правилами арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью[7].

Также, в связи с рассмотрением вопросов о механизмах решения споров, интересен Проект Конвенции Ассоциации международного права об урегулировании споров в области космического права 1984 г. (далее – Проект Конвенции).

Важным элементом Проекта Конвенции является ее широкая сфера применения. В нем значительное внимание уделяется возможностям частных организаций использовать механизмы урегулирования споров на максимально равной основе с государствами. Все процедуры урегулирования споров, предусмотренные Проектом Конвенции, открыты не только для государств и межправительственных организаций, являющихся участниками Конвенции, но и для субъектов, не являющихся Высокими Договаривающимися Сторонами, за исключением Международного Суда (ст. 10.2). Этими другими субъектами являются, прежде всего, частные компании, для которых возможность обязательного разрешения споров с использованием арбитражных процедур, как правило, имеет особое значение. Более того, им разрешен прямой доступ даже к предлагаемому Международному трибуналу по космическому праву. Это представ-

ляло (и до сих пор представляет) очень либеральный подход в международном праве.

В Проекте Конвенции указано, что любой спор, касающийся сферы ее действия может быть передан в соответствии с процедурами, предусмотренными только после исчерпания внутренних средств правовой защиты, если этого требует международное право (ст. 12). Также в ст. 13 указано, что любое решение, вынесенное судом или трибуналом, обладающим юрисдикцией в соответствии с настоящей Конвенцией, является окончательным и должно выполняться всеми сторонами спора.

Суд или Трибунал, обладающий юрисдикцией, применяет настоящий Проект Конвенции и другие нормы международного права, не противоречащие Проекту Конвенции, а также любые другие нормы права которые стороны в споре согласились применять или которые суд или Трибунал сочтет применимыми в силу характера спора [10].

Проект Конвенции предусматривает следующие обязательные судебные процедуры урегулирования споров:

- арбитражная процедура. В данном случае список арбитров составляется и ведется Генеральным секретарем ООН; при не достижении согласия о кандидатурах арбитров, назначение производит Председатель Международного трибунала по космическому праву, а до создания этого Трибунала, Председатель Международного Суда ООН.
- Международный трибунал по космическому праву. Он учреждается и функционирует в соответствии с положениями Проекта Конвенции, состоит из 15 членов, которые пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами. Трибунал устанавливает свои правила и процедуры, а также может образовывать камеры в составе трех или более арбитров для рассмотрения конкретных категорий споров.
- Международный суд ООН. Предполагается, что государства могут обращаться в Международный суд ООН для разрешения споров, связанных с космической деятельностью.

Таким образом, был разработан еще один механизм разрешения споров в рамках Проекта Конвенции, при этом сочетающий как публичный, так и частный элементы.

Если же возвращаться к вопросу существующих механизмов, то здесь возникает вопрос о причинах невостребованности сторонами Правил арбитражного урегулирования споров. Согласно данным исследования, проведенным в 2020 г. были представлены следующие статистические данные [12]. Из 38 рассмотренных общих споров 32 были коммерческими и 6 между инвесторами и государствами.

Также 34 спора были связаны со спутниками, и в большинстве своем это запуск и доставка спутников на орбиту. Если говорить об арбитражных учреждениях, где преимущественно рассматривались споры, то это в первую очередь ICC, но также

имело место рассмотрение споров в ICDR, LCIA, SCC, HKIAC, ICSID и МКАС.

Далее также определенный интерес представляет опрос [13], проведенный среди практикующих юристов компаний, которые являются поставщиками спутникового оборудования или услуг, связанных с оборудованием, согласно которому, Постоянная палата третейского суда не была указана респондентами в качестве арбитражного учреждения, которое использовалось сторонами спора для разрешения своих споров, связанных с космосом, в течение последних пяти лет. Это может указывать на недостаточную осведомленность о ее работе в этой сфере.

На вопрос, какие улучшения и нововведения сделают арбитраж более подходящим для разрешения споров, связанных с космосом, респонденты выразили заинтересованность в создании специального списка арбитров со специальным опытом в отрасли / секторе, более широкую отраслевую гармонизация стандартов и процессов, повышение эффективности. Меньшая группа респондентов также выразила потребность в более отраслевых арбитражных учреждениях и отраслевых арбитражных правилах.

Стоит также обратить внимание на возможность использовать специальный судебный процесс в Международном Суде ООН.

Согласно ст. 26 Статута Международного Суда ООН [5], возможно создание камер двух типов: палату, которая занимается конкретным делом; или одна или несколько палат, которые рассматривают конкретную «категорию» дел. Специальные палаты действуют аналогично арбитражным трибуналам, потому что эти палаты созданы специально для решения конкретных споров, что является тем же случаем, что и арбитражные трибуналы. По сути, это дает те же преимущества, что и Арбитражный суд, но в форме решения, вынесенного палатой Международного суда ООН. Кроме того, также очень важно отметить, что эти решения специальных палат рассматриваются как решение, вынесенное Международным судом ООН, что в свою очередь, делает его обязательным для сторон в соответствии со ст. 59 Статута.

Специальная палата Международного суда ООН обладает рядом преимуществ над специализированным арбитражным судом:

- с политической точки зрения, уже было замечено, что решения Международного суда ООН имеют большую известность, чем решения Арбитражного суда, который, в свою очередь, повышает вероятность соблюдения этих решений;
- решения Международного суда ООН считаются «более престижными» по сравнению с арбитражными решениями. Также Специальная судебная палата Международного Суда ООН обходится сравнительно дешевле, чем Арбитражный суд, потому что, согласно ст. 33, «расходы» на разбирательство в Международном Суде ООН несет Международный Суд. Но такие про-

цедуры актуальны для рассмотрения споров между государствами.

Таким образом, у механизмов разрешения споров, связанных с космосом, существует множество возможностей развития, причем в разных направлениях. И здесь, наверное, наиболее важным является осведомленность потенциальных участников о возможностях тех или иных процедур и учреждений и органов, которые могут такие споры рассматривать[7].

Также интересными представляются инициативы ОАЭ. Дубай в 2021 объявил о создании году «космического суда» для урегулирования коммерческих споров. Такой Трибунал будет базироваться в Международном финансовом центре Дубая (DIFC).

Теперь компании и учреждения, расположенные как в ОАЭ, так и за рубежом, будут иметь возможность подавать жалобы в Трибунал.

В апреле 2021 также было объявлено о создании рабочей группы, которой поручено создать Руководство по космическим спорам, включающее набор руководящих принципов решения споров, связанных с космосом, а также организовать курсы для обучения судей. Планируется, что такие суды будут разрешать споры, связанные с несвоевременной поставкой некачественного оборудования, его компонентов, а в перспективе, споры, связанные с космическими ресурсами и космическим туризмом, а также смогут компетентно выносить решения по вопросам привлечения к ответственности и возмещения ущерба в случае любого космического коммерческого спора[2].

Таким образом, в настоящий момент существует несколько подходов к созданию механизмов разрешения споров, ряд в виде предложений, а некоторые уже существуют и могут применяться:

1. Использование механизма, закрепленного в Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (такой вариант применим только при рассмотрении споров между государствами);
2. Обращение в существующие арбитражные центры для рассмотрения споров, связанных с космической деятельностью между коммерческими субъектами;
3. Использование Правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью 2011 г.;
4. Создание арбитражного суда для рассмотрения конкретного спора (ad hoc);
5. Создание специального Трибунала по космическим спорам, где могут рассматриваться споры как между государствами, так и между коммерческими субъектами (Проект Конвенции);
6. Создание трибунала («космического суда») для рассмотрения споров, вытекающих их широкого спектра отношений, связанных с космической деятельностью (пример ОАЭ);
7. Рассмотрение подобных споров специальной палатой Международного суда ООН (такой ва-

риант применим только при рассмотрении споров между государствами);

8. Кроме этого, возможно применение механизма по аналогии с судом ВОИС. То есть создание при международной организации судебного органа, который мог бы разрешать споры между невластными субъектами в сфере космической деятельности.

Какой механизм будет наиболее эффективным для такой категории споров, наверное, может показать только время и практика применения тех или иных процедур, начиная хотя бы уже с существующих. В любом случае, потребность в таких механизмах очевидна с учетом расширения участия частного сектора в отношениях, связанных с космической деятельностью.

Литература

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. // СПС «КонсультантПлюс»
2. Дубайский международный финансовый центр (DIFC) <https://www.difccourts.ae/media-centre/newsroom/dubais-courts-space-launches-international-working-group-explore-space-related-legal-innovations> (дата обращения 28.12.2021 г.)
3. Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. // СПС «КонсультантПлюс»
5. Статут Международного суда ООН 1945 г. <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения 28.12.2021 г.)
6. Charles B. Rosenberg, Vivasvat Dadwal. The 10 Year Anniversary of the PCA Outer Space Rules: A Failed Mission or The Next Generation? <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/02/16/the-10-year-anniversary-of-the-pca-outer-space-rules-a-failed-mission-or-the-next-generation/> (дата обращения 28.12.2021 г.)
7. Iram Majid: Is Space Law Truly Rocket Science?: A Comprehensive and Critical Analysis of the Dispute Resolution Mechanism in Space-Related Disputes – Part 2. <https://www.sconline.com/blog/post/2021/06/07/is-space-law-truly-rocket-science-a-comprehensive-and-critical-analysis-of-the-dispute-resolution-mechanism-in-space-related-disputes-part-2/> (дата обращения 28.12.2021 г.)
8. Iram Majid: Is Space Law Truly Rocket Science?: A Comprehensive and Critical Analysis of the Dispute Resolution Mechanism in Space-related Disputes – Part 1 <https://www.sconline.com/blog/post/2021/05/14/is-space-law-truly-rocket-science-a-comprehensive-and-critical-analysis-of-the-dispute-resolution-mechanism-in-space->

related-disputes-part-1/(дата обращения 28.12.2021 г.)

9. Frans G. von derDunk. Space for dispute settlement mechanisms – dispute resolution mechanism for space/ A legal considerations https://www.researchgate.net/publication/280071186_SPACE_FOR_DISPUTE_SETTLEMENT_MECHANISMS_-_DISPUTE_RESOLUTION_MECHANISMS_FOR_SPACE_A_few_legal_considerations(дата обращения 28.12.2021 г.)
10. Lotta Viikari. International law associations draft convention on the settlements of disputes related to space activity journal https://journal.arbitration.ru/upload/iblock/d12/Arbitration_ru_N2_26_March_April2021.pdf(дата обращения 28.12.2021 г.)
11. Optional rules for arbitration of disputes relating to other space activities 2011 (дата обращения 28.12.2021 г.)
12. Viva Dadwala, Madeleine Macdonald. Arbitration of Space-Related Disputes: Case Trends and Analysis. (дата обращения 28.12.2021 г.)
13. Viva Dadwala, Eytan Tepperb. Arbitration in Space-related Disputes: A Survey of Industry Practices and Future Needs (дата обращения 28.12.2021 г.)

DISPUTE RESOLUTION MECHANISMS IN INTERNATIONAL SPACE LAW: A COMBINATION OF PUBLIC AND PRIVATE

Kichenina V.S.

Saint Petersburg branch of the Russian customs Academy

The article discusses the features of dispute resolution in international space law, taking into account the increasing number of commercial entities involved in such activities. The mechanisms of dispute resolution between both states and individuals are considered. The features of the dispute resolution procedure under the Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects of 1972 are investigated. The Rules of Arbitration settlement of Disputes related to Space activities are also analyzed. The features of dispute resolution within the framework of the Draft Convention of the International Law Association on the Settlement of Disputes in the Field of Space Law of 1984 are considered and options for dispute resolution mechanisms in the field of space activities are summarized, including both the possibility of considering such disputes in the International Court of Justice of the United Nations and the creation of a specialized court under an international organization for the resolution of commercial disputes.

Keywords: space law, dispute, liability, States, individuals, commercial arbitration, court.

References

1. Treaty on the Principles of the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies, 1967 // SPS “ConsultantPlus”
2. Dubai International Financial Center (DIFC) <https://www.difccourts.ae/media-centre/newsroom/dubais-courts-space-launches-international-working-group-explore-space-related-legal-innovations> (accessed 12/28/2021)
3. The Law of the Russian Federation of August 20, 1993 N 5663-I “On space activities”// SPS “ConsultantPlus”
4. Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects, 1972 // SPS “ConsultantPlus”
5. Statute of the International Court of Justice of the United Nations of 1945 <https://www.un.org/ru/icc/statut.shtml> (accessed 12/28/2021)
6. Charles B. Rosenberg, Vivasvat Dadwal. The 10 Year Anniversary of the PCA Outer Space Rules: A Failed Mission or The Next Generation? <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/02/16/the-10-year-anniversary-of-the-pca-outer-space-rules-a-failed-mission-or-the-next-generation/>(accessed 28.12.2021 г.)
7. Iram Majid. Is Space Law Truly Rocket Science?: A Comprehensive and Critical Analysis of the Dispute Resolution Mechanism in Space-Related Disputes – Part 2. <https://www.sconline.com/blog/post/2021/06/07/is-space-law-truly-rocket-science-a-comprehensive-and-critical-analysis-of-the-dispute-resolution-mechanism-in-space-related-disputes-part-2/>(accessed 28.12.2021 г.)
8. Iram Majid. Is Space Law Truly Rocket Science?: A Comprehensive and Critical Analysis of the Dispute Resolution Mechanism in Space-related Disputes – Part 1 <https://www.sconline.com/blog/post/2021/05/14/is-space-law-truly-rocket-science-a-comprehensive-and-critical-analysis-of-the-dispute-resolution-mechanism-in-space-related-disputes-part-1/>(accessed 28.12.2021 г.)
9. Frans G. von derDunk. Space for dispute settlement mechanisms – dispute resolution mechanism for space/ A legal considerations https://www.researchgate.net/publication/280071186_SPACE_FOR_DISPUTE_SETTLEMENT_MECHANISMS_-_DISPUTE_RESOLUTION_MECHANISMS_FOR_SPACE_A_few_legal_considerations(accessed 28.12.2021 г.)
10. Lotta Viikari. International law associations draft convention on the settlements of disputes related to space activity journal https://journal.arbitration.ru/upload/iblock/d12/Arbitration_ru_N2_26_March_April2021.pdf(accessed 28.12.2021 г.)
11. Optional rules for arbitration of disputes relating to other space activities 2011 (дата обращения 28.12.2021 г.)
12. Viva Dadwala, Madeleine Macdonald. Arbitration of Space-Related Disputes: Case Trends and Analysis. (accessed 28.12.2021 г.)
13. Viva Dadwala, Eytan Tepperb. Arbitration in Space-related Disputes: A Survey of Industry Practices and Future (accessed 28.12.2021 г.)

Применение доктрины «Rules-based international order» в правовом регулировании международных отношений России

Монахов Герман Дмитриевич,

студент, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: monakhov.gd@students.dvfu.ru

Чернышов Никита Владимирович,

студент, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: chernychov.nv@students.dvfu.ru

Гордеев Кирилл Владимирович,

студент, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: gordeev.kv@students.dvfu.ru

В данной статье авторами рассматриваются теоретические аспекты доктрины Rules-based international order, а также проводится её соотношение с концепцией конструктивизма в теории международных отношений. Кроме того, авторами проводится анализ жизнеспособности доктрины Rules-based international order в свете тенденций развития международного права, а также через её соотношение с теорией конструктивизма в международных отношениях. Авторами данной статьи делается вывод о том, что концепция Rules-based international order соотносится с концепцией сообществ безопасности Карла Дойча. Во второй части данной статьи авторами анализируется позиция официальных представителей Российской Федерации в отношении рассматриваемой доктрины и перспективы признания отечественной международно-правовой доктрины концепции Rules-based international order. Авторы статьи приходят к выводу о том, что Российская Федерация уже сейчас проводит некоторые идеи рассматриваемой концепции в своих действиях в рамках своего сообщества безопасности, коим можно назвать СНГ.

Ключевые слова: Rules-based international order, международное право тенденции развития международного права, институт международного права, справедливая война, сообщество безопасности, идеологическая форма права, «мягкое право».

В декабре 2021 года международное сообщество отметило 73-летие Всеобщей декларации прав человека – одного из тех международно-правовых документов, что ознаменовали новую эпоху в развитии международного права, эпоху, имеющую в своём фундаменте сверхимперативные нормы *jus cogens*. Это тот фундамент, на котором стоит современное международное право. Убрать из этой системы одну из норм – значит разрушить строение под названием международное право.

Стоит отметить, что специфика международного права заключается именно в том, что это прежде всего идеологическая форма права, основанная на правовой культуре международных взаимоотношений. Основой международного права являются идеи и ценности, которые и диктуют появление тех или иных норм права. Соответственно и само международное право меняется вслед за этими идеями и ценностями. Те нормы, которые были сформулированы создателями Устава ООН, благодаря обтекаемости своих формулировок посредством толкования их значения и соотношения друг с другом долгие годы позволяли подстраивать основополагающие принципы международного права под реалии и потребности мирового сообщества в тот или иной период времени.

Однако, из самих истоков идеи о том, что международное право носит прежде всего идеологический характер, а его главной ценностью является не регулятивная способность и институциональность, а совокупность идей, указывающих путь развития международного сообщества, и мягкая сила, сопровождаемая так называемым «живым» правом, в конце прошлого века родилась концепция Rules-based international order. Её рождение было обусловлено неким оптимистичным переломом в мышлении политиков и юристов-международников относительно устройства международного миропорядка после окончания Холодной войны [2]. В тот период времени в умах западных политических деятелей поселилась мысль о том, что наиболее благоприятным для развития международного общения будет переход к мягкой и политизированной «юридической» силе от институтов международного права, установленных после окончания Второй мировой войны, чьей задачей было обеспечение международной безопасности.

Именно в тот момент в американской юридической доктрине в новом лице получили вторую жизнь такие концепции как «справедливая война» и сама доктрина «порядка, основанного на прави-

лах», на которых строилось международное общество до первой половины XVII века. Современное воплощение доктрины «справедливая война» включает в себя такие концепции как «гуманитарная интервенция», «обязанность по защите» и «борьба с терроризмом». Эти три доктрины имеют несколько общих идей – их основой являются морально-этические критерии, ими определяются некие обязанности каждого государства перед международным сообществом, невыполнение которых может быть поводом для применения силы в обход положений Устава ООН. Данные доктрины нельзя назвать институтами международного права, у них нет никакого юридического закрепления, а их существование ограничено только умами и трудами американских юристов и политиков. Однако нельзя игнорировать данные концепции только в силу отсутствия их юридического закрепления или со ссылкой на некий политизированный характер.

Так, несколько лет назад международное сообщество следило за развитием внутреннего вооружённого конфликта в Венесуэле. Политический режим действующего Президента Венесуэлы Николаса Мадуро печально известен международному сообществу. При огромных запасах нефти и серьёзному притоку иностранных инвестиций, китайских и российских в том числе, население Венесуэлы является одним из беднейших в мире. Международные санкции практически никак не влияют на власть Мадуро в стране, так как он и вся политическая элита Венесуэлы, по утверждению американских властей, свой доход получают от нарко- и работорговли, которая поддерживается на государственном уровне [6]. Такое поведение государственной власти напрямую противоречит положениям, изложенным в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [8]. Однако данные деяния не входят в число предусмотренных Уставом ООН для обоснования военного вторжения. И именно в этом случае власти США для вторжения в Венесуэлу сослались на концепцию «Обязанность по защите», поскольку власти Венесуэлы не выполняли обязанности *erga omnes* и не предпринимали попыток для устранения тех обстоятельств, что служили нарушениям прав человека в стране.

На данном примере можно увидеть, что указанные незакреплённые в качестве институтов международного права концепции могут служить инструментом для защиты прав человека и для реализации принципов международного права, а также то, что они отражают современные реалии международного права. А современные реалии таковы, что вооружённые конфликты в отличие от тех времён, когда создавался Устав ООН, стали носить внутригосударственный характер. Сам Устав запрещает вмешательство в них, но в действительности мы видим, что течение этих внутригосударственных конфликтов в условиях тесного международного общения оказывает влияние на людей и государства во всех уголках мира.

По нашему мнению, отсюда и исходит потребность в появлении новых концепций, формирующих современное лицо международного права.

Сама по себе доктрина «Rules-based international order» с момента ее создания вызывает постоянные споры между юристами-международниками, политологами и различными представителями общественного мнения о своей справедливости и целесообразности. Ярким и крайне частым участником споров становится Россия, имеющая свое особое и неоднозначное отношение к доктрине.

Большая часть критики касается нескольких пунктов: отсутствие какого-либо закрепления в международном праве, крайне широкое и зачастую диаметрально противоположное понимание «правил» в доктрине RBO, и отсутствие определённости в понимании того, кто будет устанавливать эти правила. Очевидно, что данная доктрина идёт вразрез с правилом формирования норм международного права для тех акторов, на которых распространяется их действие, путём волеизъявления соответствующих акторов. Политический характер данной доктрины, вероятно, предполагает формулирование «правил» ведущей политической силой на международной арене.

Однако, мы предлагаем взглянуть на доктрину «Rules-based order» под несколько иным углом, с позиции теории международных отношений. Важно понимать, что действующие институты международного права, которые формировались в конце 40-х – 60-х годах прошлого века образовывались под сильным влиянием теории реализма в международных отношениях. Суть данной теории заключается в том, что каждое государство руководствуется лишь эгоистичными интересами, его цель – всеми силами занять наивысшую позицию на международной арене. И согласно теории реализма поддержание мира возможно только через нахождение баланса сил между ведущими мировыми державами, через создание инструментов их сдерживания [4]. В то время, когда мир стоял на пороге новой глобальной войны, такими инструментами для поддержания международной безопасности стали по сей день действующие институты международного права.

На фоне теории реализма совсем иначе формулируются идеи теории сообщества безопасности, разработанной в середине прошлого века Карлом Дойчем. Имея в своей основе теорию конструктивизма, теория сообщества безопасности исходит из идеи взаимодействия государств на международной арене на основе взаимного доверия, идентичности обществ на разных уровнях и на основе норм морали и общечеловеческих ценностей. Э. Адлер и М. Барнет так описывали данную теорию [3]: «государства-члены данного сообщества должны быть носителями общих базовых ценностей, выработанных общественными и политическими институтами; государства должны быть готовы и способны быстро и адекватно реагиро-

вать на изменения во взаимоотношениях, что достигается за счет лояльности друг к другу и наличия чувства общности; помимо этого, государства должны быть интегрированы между собой до той степени, чтобы они не видели иного варианта развития взаимоотношений, кроме мирного».

По нашему мнению, данная теория Карла Дойча очень органично сочетается с доктриной «Rules-based international order». Обе теории исходят из урегулирования международного общения путём применения норм, основанных на нормах морали и на общечеловеческих ценностях. Более того, теория сообщества безопасности может объяснить то, каким актором будут устанавливаться «правила» в международном порядке. Ещё сам Карл Дойч писал о том, что в рамках сообщества безопасности так или иначе будут выделяться «центры силы», чья сила будет выражаться не в военной или экономической мощи, а в некой силе морали, которая будет позволять этому идейному лидеру сообщества, центру силы, принимать решение о том, будет ли позволено тому или иному государству присоединиться к данному сообществу или нет [5]. Главная идея данного сообщества состоит именно в том, что и государства, и их общества ощущают идентичность друг с другом на всех уровнях, в умах граждан государств живёт идея об идентичности с гражданами других государств сообщества. Именно эта идентичность и идейное единство членов сообщества должны будут формировать «правила», основанные на нормах морали в рамках «международного порядка», описанного доктриной «Rules-based international order».

Как нами указывалось ранее, одним из главных критиков доктрины «Rules-based international order» является Россия. После анализа внешней политики России сразу становится понятно её негативное отношение к доктрине «Rules-based international order». Официальные представители Российской Федерации говорят о том, что RBO противоречит международному праву, подрывая нормы Jus Cogens и нормы общего права, заменяя их неуниверсальными и некодифицированными правилами. При этом «правила» создаются в одностороннем порядке и без достижения консенсуса.

Стоит уделить внимание статье Сергея Лаврова «О праве, правах и правилах» [9], размещенной на сайте МИД РФ в июне 2021 года. В данной статье Министр иностранных дел излагает мысль о том, что «правила», на которых должен строиться мировой порядок никак не истолковываются и более того Запад постоянно уходит от их расшифровки. Сергей Лавров выделяет особую «прелесть» правил, заключающуюся в отсутствии в них конкретики, что позволяет заявлять об их нарушении в любой удобный для этого момент, чем, со слов Министра и пользуются США, а также другие страны Европейского сообщества. Например, никто не освобождает от влияния бывшие колониальные владения, а именно Мальвины, находящиеся за 12 тысяч километров от Великобритании,

признавая абсолютным «правилом» право народов на самоопределение.

Порядок, основанный на правилах, по мнению российской стороны, деформирует систему международного права, сложившуюся после Второй Мировой Войны.

Очень остро Россия отреагировала на расширение полномочий «Организации по запрещению химического оружия». Сергей Лавров назвал это «грубейшим нарушением Конвенции по химическому оружию и прерогатив Совета Безопасности ООН», а российский ученый, исследующие международное право Александр Вылегжанин, и Борис Нефедов высказали мнение [1] о том, что согласно принципам международного права и международным договорам, поправки должны быть внесены в саму Конвенцию, чтобы полномочия Организации могли быть расширены законным путем. В случае же с ОЗХО отечественные учёные отмечают, что расширение полномочий было произведено в разрез с нормами международного права. Также, решение было принято на специальной сессии Конференции, на которой присутствовало менее половины государств-участников, что противоречит принципам jus cogens, а именно тому, что решение должно быть принято и признано международным сообществом государств в целом.

Стоит отметить, что использование принудительных мер – это прерогатива Совета Безопасности ООН, соответственно в данном аспекте нормы международного права были нарушены и в понимании российской стороны, вся совокупность нарушений международного права, продемонстрированная данной ситуацией, является одним из инструментов доктрины Rules-based international order, фактически, разрушающей международный общественный порядок.

Исходя из приведённых выше высказываний и реакций официальных представителей Российской Федерации на действия Западных стран на международной арене, несложно увидеть негативное отношение к концепции Rules-based international order. Основная аргументация строится на том, что «правила» противоречат международному праву, нормы и принципы которого в свою очередь должны быть обязательны для всех субъектов международных отношений и во всех межгосударственных отношениях, а также иметь строгую иерархичность (с нормами jus cogens в основе) и верховенство над нормами всех других видов норм международной нормативной системы.

В доктрине же до сих пор нет четкого представления о том, что вообще из себя представляют данные правила, отсутствует их фиксация в письменном виде, а также они обозначены слишком широко и в определённых ситуациях включают в свое число правила, не являющиеся юридически обязательными для конкретного государства, в том числе и нормы «мягкого права», что в свою очередь предоставляет широкий простор для неправомерных с точки зрения международного пра-

ва действий для наиболее сильных и крупных государств на политической арене.

Несмотря на то, что официальная позиция России заключается в отрицании концепции порядка, основанного на правилах, все становится не так однозначно по данному вопросу при более детальном рассмотрении политики, которая ведется российским государством.

Как и любое крупное государство, Россия, находясь в постоянной конкуренции, стремится утвердить своё положение в мировом сообществе, пребывая в стабильно-антагонистических отношениях с США и странами Европы. И, конечно, при возможности такие влиятельные государства пытаются воспользоваться любыми доступными методами, чтобы получить преимущество. Так, например, с 1982 по 1985 год США пять раз блокировали принятия Советом Безопасности резолюции, касающейся исполнения решения суда по делу «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки» [11], тем самым напрямую нарушая базовые принципы РБО. В итоге, данную резолюцию только в 1986 году приняла Генеральная Ассамблея ООН, при чем компенсация со стороны США по данному делу до сих пор остается невыплаченной.

В данном контексте стоит вспомнить действия России в Крыму. Западное сообщество восприняло данное событие, как вопиющее нарушение, не только доктрины Rules-based international order, но и как нарушение основных норм международного права, а именно статьи 2, пункта 4 Устава ООН [10]: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

Однако, вспомним как позиционировала себя Россия во время действий в Крыму? Как государство, которое восстанавливает свою территориальную целостность и способствует реализации воли народа, который хочет объединиться. Споры о том, было ли это аннексией и соответствовало ли нормам международного права ведутся до сих пор. Во многом они были вызваны соотношением принципов территориальная целостность и право народа на самоопределение, проблема которого лежит в проработке принципов Rules-based international order, но даже без учета подобных споров становится понятно, что в данном случае Россия пользуется той же доктриной Rules-based order, только соответствующей формату самого государства.

Некоторые иностранные публичные деятели, в частности канадский журналист Роб Маклафлин, называют такой подход к порядку, основанному на правилах «nationalist imperial RBO» [7], то есть националистический империалистический РБО, который противопоставляется европейскому «liberal-internationalist RBO» либерально-интернациональному РБО. По мнению Западного

сообщества российская модель порядка, основанного на правилах сформирована историей государства и положением его в международной политической системе.

При анализе позиции России в рамках доктрины с разных сторон общая картина становится более ясной. Россия, как и прочие крупные сильные игроки на международной арене, несмотря на свое официальное непринятие доктрины РБО пользуется её принципами в ситуациях, когда такая возможность представляется.

Существует и иной взгляд на то, как Россия должна относиться к концепции Rules-based international order. Он достаточно четко отображен в статьях европейского демократического сообщества, например на сайте openDemocracy в материале за 2019 год. Его смысл состоит в том, что Россия должна принять доктрину и оказывать поддержку ее развитию.

Возвращаясь к теории сообщества безопасности Карла Дойча, о которой мы упоминали ранее, и к «центрам силы» в рамках данной теории, можно говорить о том, что некое подобие сообщества безопасности Россией уже образовано на территории постсоветского пространства, «центром силы» которого она является, и в рамках которого формирует своё видение концепции Rules-based international order.

Доктрина Rules-based international order является хорошим инструментом для поддержания мирового порядка, но на данный момент только в теоретическом плане. В наше время она является во многом лишь дополнительным средством для того, чтобы обходить нормы международного права и помогать поддерживать превосходство сверхдержав над прочими государствами.

С другой стороны, хотя на нынешнем этапе развития общества Rules-based order реализовывается по большей части в пользу сильных государств, в перспективе доктрина может встать на защиту суверенной независимости небольших стран, а также исключать произвол в международной политике сверхдержав.

По нашему мнению, мировое сообщество в условиях глобализации и всё возрастающей тесноте международного общения членов рано или поздно придёт к формированию идентичности в умах людей и взаимного доверия между правительствами государств, что рано или поздно и приведёт международное сообщество к реализации идей доктрины Rules-based international order. Сейчас мы видим лишь региональные примеры формирования подобий сообществ безопасности в той или иной форме: ЕС, АСЕАН, ЕАЭС, что говорит о достижении идейной идентичности и взаимного доверия только в рамках отдельных региональных групп.

Говоря о путях, по которым может пойти российское государство в отношении данной концепции, сложно дать однозначный ответ. Россия может оставаться противником доктрины Rules-based international order, при этом не придавая должно-

го значения ее базовым принципам, а может постепенно встать на сторону порядка, основанного на правилах, делая акцент на окончательном формировании сообщества безопасности в своём регионе, развивая сотрудничество с другими ведущими мировыми игроками и формируя взаимное с ними пространство.

Литература

1. Alexander N. Vylegzhanin, Boris I. Nefedov, Evgeny R. Voronin, Olga S. Magomedova, Polina K. Zotova, The concept «Rules-based order» in international legal discourses, Issues of theory of international law, 2021.
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books. 1997. 256 p
3. Emanuel Adler and Michael Barnett. 'Security Communities in Theoretical Perspective' In Security Communities / Ed. by Emanuel Adler and Michael Barnett, 3–28. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
4. Hans J. Morgenthau, Dilemmas of Politics (Chicago: The University of Chicago Press, 1958).
5. Karl W. Deutsch et al. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience (Princeton: Princeton University Press, 1957). 228 p.
6. US indicts Nicolás Maduro and other top Venezuelan leaders for drug trafficking: [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/26/nicolas-maduro-us-indictment-venezuela-drug-trafficking-leaders>
7. Why Russia should love Rules-based International Order. [Электронный ресурс] // openDemocracy. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/why-russia-should-learn-love-rules-based-international-oder/>
8. Международного пакта о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)
9. «О праве, правах и правилах» // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4801890 (дата обращения 17.01.22)
10. Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945). Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter>
11. Федулова, К.А. Решение Международного суда ООН от 27 июня 1986 года по делу «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»: влияние на институт применения силы и даль-

нейшее его развитие в международном праве / К.А. Федулова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 49 (183). – С. 280–282. – URL: <https://moluch.ru/archive/183/47091/>

APPLICATION OF THE “RULES-BASED INTERNATIONAL ORDER” DOCTRINE IN THE LEGAL REGULATION OF RUSSIA’S INTERNATIONAL RELATIONS

Monakhov H.D., Chernyshov N.V., Gordeev K.V.

Far Eastern Federal University

In this article, the authors examine the theoretical aspects of the Rules-based international order doctrine, as well as its correlation with the concept of constructivism in the theory of international relations. In addition, the authors analyze the viability of the Rules-based international order doctrine in the light of international law development trends. In the second part of this article, the authors analyze the position of the official representatives of the Russian Federation in relation to the doctrine under consideration and the prospects for interaction between the state and the Rules-based international order doctrine.

Keywords: Rules-based international order, international law development trends of international law, institution of international law, just war, security community, ideological form of law, “soft law”.

References

1. Alexander N. Vylegzhanin, Boris I. Nefedov, Evgeny R. Voronin, Olga S. Magomedova, Polina K. Zotova, The concept “Rules-based order” in international legal discourses, Issues of theory of international law, 2021.
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books. 1997. 256p.
3. Emanuel Adler and Michael Barnett. 'Security Communities in Theoretical Perspective' In Security Communities / Ed. by Emanuel Adler and Michael Barnett, 3–28. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
4. Hans J. Morgenthau, Dilemmas of Politics (Chicago: The University of Chicago Press, 1958).
5. Karl W. Deutsch et al. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience (Princeton: Princeton University Press, 1957). 228 p.
6. US indicts Nicolás Maduro and other top Venezuelan leaders for drug trafficking: [Electronic resource] // The Guardian. Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/26/nicolas-maduro-us-indictment-venezuela-drug-trafficking-leaders>
7. Why Russia should love Rules-based International Order. [Electronic resource] // openDemocracy. Access Mode: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/why-russia-should-learn-love-rules-based-international-oder/>
8. International Covenant on Civil and Political Rights” (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly)
9. “On Law, Rights and Rules” // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. [Electronic resource]: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4801890 (accessed 01/17/22)
10. Charter of the United Nations” (Adopted in San Francisco on June 26, 1945). Access mode: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter>
11. Fedulova, K.A. Decision of the International Court of Justice of June 27, 1986 in the case of “Nicaragua against the United States of America”: influence on the institution of the use of force and its further development in international law / K.A. Fedulova. – Text: direct // Young scientist. – 2017. – No. 49 (183). – S. 280–282. – URL: <https://moluch.ru/archive/183/47091/>